

313

НА БОЕВОМ ПОСТУ

7-1989

**ЮЛИАН
СЕМЕНОВ
НЕНАПИСАННЫЕ
РОМАНЫ**

**СССР — НАШ
ОБЩИЙ ДОМ**

**Карем Раш
АРМИЯ И КУЛЬТУРА**

Боевую закалку получили при спасательных работах и ликвидации последствий землетрясения в Армении

◆ рядовой Эдуард Сурженко (снимок сверху);

◆ рядовой Алексей Гудович (снимок сверху справа);

◆ рядовой Солид Дутаев (снимок внизу) и другие их сослуживцы.

7·1989

НА Боевом ПОСТУ

Издается с 1958 г.

Состоявшийся в Москве в Кремлевском Дворце съездов Съезд народных депутатов СССР убедительно продемонстрировал глубокое понимание того, что перестройка — это наша судьба, шанс, который дала нам История.

Как сказал М. С. Горбачев, избранный на Съезде Председателем Верховного Совета СССР, сегодня едва ли есть нужда доказывать, что сам Съезд и все, что ему предшествовало, характер начавшейся дискуссии — это убедительная победа перестройки, в сущности, новая страница в судьбе нашего государства.

В НОМЕРЕ:

■ **ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:** говорилось на съезде; давайте разберемся; нам отвечают 3

■ **ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

КУЗЬМЕНКО В., КУЛИЧЕВ В. Все «за». Что же мешает? 8
(Репортаж корреспондентов журналов «На боевом посту» и «Воспитание и правопорядок»)

■ **ПУБЛИЦИСТИКА**

УСКОВ В. Прокатили... командира 12
РАШ К. Поклонимся памяти нашей 16
СГИБНЕВ А. У солдата Родина одна 24

■ **ЗАКАВКАЗЬ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ**

На пути к истине. Что же произошло в Тбилиси? 28

■ **МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ «ПУЛЬС»** 52

■ **В ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ**

СМИРНОВ Л. Приметы нового 57

■ **ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА**

ГОНДУСОВ В. Не ради кулачного боя 62

■ **КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ**

ГЕРАЩЕНКО В. «Вниз» и «в сторону» перевели старшего прапорщика А. Велиева. За что? . . . 66

Народные депутаты СССР писатель Б. Васильев, академик А. Сахаров, публицист Ю. Карякин, военный летчик К. Харченко встретились с воинами-дзержинцами. Разговор шел о событиях в Тбилиси.
с. 28

На первой странице обложки: в одном из подразделений войск служат братья-близнецы Олег и Геннадий Кольца.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СЕМЕНОВ Ю. Ненаписанные романы	68
КАРАПЕТЯН Р. Натюрморт. Экзамены (рассказы)	86
СТАРШИНОВ Н. Песня о пехоте (стихи)	92
И в шутку, и всерьез	94

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, Г. А. Малюшкин, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокок, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. А. Богданова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 5.05.89.
Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Уч.-изд. л. 11, 5.
Г-25917

Подписано к печати 20.06.89
Усл. печ. л. 8,4 + вкл. 1/4 п. л.
Зак. № 1087 Цена 40 коп.
Подписано к печати 20.06.89

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

О ТОМ, ЧТО ВОЛНУЕТ ВНИМАНИЕ: БЮРОКРАТ! ОБ «ОТВЕТСТВЕННЫХ» НАМ ОТВЕЧАЮТ

ГОВОРИЛОСЬ НА СЪЕЗДЕ

ЛУЧШЕ ПОЗДНО...

За Съездом народных депутатов СССР в нашем воинском коллективе следили с неослабным вниманием. Понять людей можно, ведь с трибуны Съезда прозвучало немало слов о болевых точках страны и Вооруженных Сил. В частности, о социальной защищенности военнослужащих, престиже ратного труда, который за последний год-два резко упал, принятии Положения о прохождении воинской службы, ежегодных отпусках для солдат и сержантов, возможности для офицеров, прослуживших определенный срок, подавать в отставку.

Но была затронута на Съезде тема, волновавшая каждого нашего военнослужащего. Речь идет об оценке событий в Тбилиси, участниками которых мы были. По возвращении то и дело слышали злобные заявления, незаслуженные упреки. Достаточно вспомнить выступления еженедельников «Московские новости» и «Литературная газета», популярной программы «Взгляд» и других.

Все это с болью воспринималось в коллективе. Нелегко было отвечать на недомысленные вопросы подчиненных о том, кому выгодно такое шельмование внутренних войск.

Первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянов зачитал телеграммы, поступавшие в Москву из Тбилиси.

Их было несколько, но сослаться хочется на последнюю. Она подписана бывшим первым секретарем ЦК Компартии Грузии Д. Патиашвили. Передана была в Москву 9 апреля 1989 года в 10 часов 25 минут, то есть через несколько часов после происшедших событий.

Вот выдержки из нее:

«Помимо антисоветских, антисоциалистических, антирусских призывов, стали раздаваться обращения экстремистов к физической расправе над коммунистами, руководителями республики и членами их семей. Митингующие, среди которых было немало пьяных, употребивших наркотики, призывали организовать все население республики на забастовку, гражданское неповиновение, к расправе над теми, кто их не поддерживает...».

Хочется надеяться, что это отрезвило тех, кто даже после выступления командующего Краснознаменным Закавказским военным округом генерал-полковника И. Родионова пытался представить многотысячные толпы в столице Грузии чуть ли не безвинным массовым гуляньем.

Далее в телеграмме говорилось о применении военной силы, в том числе внутренних войск. При этом особо подчеркивалось, что «подразделениями МВД и войск Закавказского военного округа огнестрельное и холодное оружие не применялось. Строго выполнялись инструкции о бережном отношении к женщинам и подросткам. По мере оттеснения первых рядов митингующих при яростном сопротивлении экстремистов, применявших палки и камни, толпа стала неуправляемой и двинулась на лежащую на тротуаре молодежь, объявившую голодовку. Более того, в толпе было немало провокаторов, которые применяли холодное оружие».

Приходится только сожалеть о том, что подобная оценка прозвучала лишь через два месяца после событий в Тбилиси. Но, как говорится, лучше поздно...

Подполковник В. МАЛЬЦЕВ.

ИЗДЕРЖКИ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ?

Полковник В. Лосев публикацией «Не бороться, а сотрудничать» затронул волнующие нас вопросы, требующие решения на уровне УЛИТУ. В частности, по строительству: одна казарма находится в аварийном состоянии, другая возводятся два с лишним года, третья, взамен непригодной к эксплуатации, — только спроектирована.

Это не все. Дрова в полном объеме не завозятся, караульные помещения не благоустраиваются. Есть перебои со снабжением личного состава продуктами питания. Так, в прошлом году по вине УЛИТУ не завезено в роты 19 тонн мяса и 11 тонн свежемороженой рыбы. О свежей моркови и речи нет.

Неужели такое «взаимодействие» устраивает тов. Сныцерева!

Капитан И. ХОХЛОВ,
капитан А. МАКАРОВ.

ЖИВЕМ ОБЕЩАНИЯМИ

Скажу откровенно: выводов из публикации «Не бороться, а сотрудничать» УЛИТУ не сделало. Особенно в части, касающейся расчетной дисциплины. Создается впечатление, будто бы высокая инстанция не в курсе требований соответствующих приказов, распоряжений и указаний МВД СССР, ГУИД, финансово-планового управления МВД СССР, ГУВВ и Устава внутренних войск. Но это же не так! Тем не менее УЛИТУ постоянно, без обоюдных расследований, предусмотренных названными выше документами, в одностороннем порядке занижает суммы выплат части. Продолжают иметь место различного рода незаконные штрафные санкции за простой транспорта, за невыводы осужденных на работу.

Выплата части производится не десятого числа каждого месяца за текущий месяц, а спустя два-три месяца. Так, в декабре прошлого года нам перечислили деньги за октябрь и ноябрь. По состоянию на 16 января этого года на текущий счет не поступило ни рубля. Все это отрицательно сказывается на наших взаимных расчетах с поставщиками, с подразделениями УЛИТУ. Да, именно так, и что получается — управление само себя сечет. Но не только это меня заботит, а то, что наша финслужба не может вовремя выдать военнотружущим денежное содержание. Войсковая часть — это ведь организация, источником содержания которой является госбюджет. Несвоевременные расчеты УЛИТУ с нею надо рассматривать не иначе, как нарушение и дополнительную нагрузку на госбюджет.

Далее. Требуют решения вопросы обустройства быта военнотружущих. Офицеры и прапорщики подразделения, дислоцирующихся при штабе, ютятся в домах, требующих капитального ремонта, отдельные вообще живут в антисанитарных условиях.

Нам остается только надеяться, что с переходом УЛИТУ на хозрасчет и самофинансирование что-то изменится к лучшему.

Майор Ю. ФЕТЬКО.

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ

А УСТАВОМ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

Уважаемая редакция! Я служу в роте при штабе части. Ежемесячно у нас составляется и утверждается командиром части график дежурных офицеров, согласно которому мне лично приходится дежурить 5—6 раз, а реально, с учетом командировок, болезней других офицеров — 7—8 раз. На каком основании это делается? Ведь дежурный офицер или прапорщик назначается лишь в отдельные дислоцированных подразделениях.

Почему я, командир взвода, будучи дежурным, должен отвечать в масштабе роты за выполнение распорядка дня, за наведение порядка на закрепленной территории, контролировать прием личного составом пищи, осуществлять построения? Часть этих обязанностей, как известно, возложена на соответствующ-

щих должностных лиц, часть — на дежурного по части.

Еще вопрос: какими дисциплинарными правами в отношении солдат и сержантов роты я пользуюсь, будучи дежурным офицером?

И наконец, каков порядок подготовки офицера, прапорщика к такому дежурству, как им отдыхать, какой документ регламентирует их месячную служебную нагрузку?

Хотелось бы получить на эти важные не только для меня, но и для других командиров взводов вопросы аргументированный, исчерпывающий ответ.

Старший лейтенант О. БРИЛЛЯНТ.
ОТ РЕДАКЦИИ. Мы тоже ждем ответа на поставленные старшим лейтенантом О. Бриллянтом вопросы из УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

ЗАПЯТНАЛИ ЧЕСТЬ ОФИЦЕРА

Авторитет внутренних войск во многом зависит от авторитета каждого из офицеров. Наша служба, повседневное поведение, деловые и нравственные качества постоянно находятся в поле зрения окружающих. Но, спрашивается, будут ли люди уважать тех, кто не в ладах с партийной совестью, честью советского офицера, злоупотребляет служебным положением, допускает пьянство, совершает другие аморальные поступки?

Вот конкретный пример. Два офицера нашей части вступили в неслужебные связи с осужденными. На сделку с совестью пошли лейтенант Ш. Юсупкадиев и политработник (!) старший лейтенант О. Бурцев.

Почему это произошло? Лейтенант Юсупкадиев по прибытии в подразделение, которым командует старший лейтенант И. Хотеев, сразу же получил от него задание оборудовать класс боевой службы и контрольно-пропускной пункт. Но где достать необходимые материалы? И молодой офицер, недолго думая, обратился за помощью к осужденным, работавшим на строительстве новой казармы. Один из них за пачку чая и оказал необходимые услуги. Также за чай лейтенант отремонтировал себе сапоги. Дальше — больше. Юсупкадиев привлек осужденного к ремонту

своей квартиры. Рассчитывался на сей раз спиртным. Позднее осужденный давал деньги, а офицер покупал водку и передавал по назначению. Как своего «в доску» человека, осужденные звали лейтенанта просто Шамиль. Нужно пронести сапогон в зону — Шамиль тут как тут. Нужно устроить свидание с родителями — зовут Шамиля...

Примерно по такому же пути пошел и заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант О. Бурцев. В течение восьми месяцев для оформления ленинской комнаты, класса боевой службы и военного городка он привлекал расконвоированного осужденного. Причем тот жил в казарме, там же у него был свой рабочий кабинет, в котором вместе с инструментом хранились личные вещи и деньги. Бурцев лично заваривал осужденному чай, кормил его в солдатской столовой. По его же просьбе получил перевод на сумму 350 рублей.

Дружба оказалась столь крепкой, что, освободившись, бывший осужденный поселился на квартире офицера.

Но сколько б ниточке ни виться... Оба офицера предстали перед судом чести. Юсупкадиев снижен в воинском звании, Бурцев уволен из войск. Вот к чему привели «невинные» услуги со стороны осужденных. Оба теперь горько жалеют о том, что произошло, что они опозорили себя и коллектив, запятнали офицерскую честь. А была ли она у них?

Подполковник запаса Ю. ВОЛКОВ.
Оршанско-Хинганское Краснознаменное
Центральное УВВ.

ПИСЬМО КОММЕНТИРУЕТ СПЕЦИАЛИСТ

ВОЗРАСТ И ПЕНСИЯ

Старший прапорщик Г. Пшеничный обратился в редакцию за разъяснением: исполнилось 25 лет его службы (в льготном исчислении), и он хотел бы уволиться, да срок обязательства еще не истек. Можно ли в таком случае, спрашивает Григорий Иванович, подать рапорт на увольнение? Если его уволют, будет ли ему назначена пенсия!

Вот что сообщил по этому поводу старший офицер управления кадров ГУВВ МВД СССР полковник В. ТУКАЛКИН.

В соответствии с Положением о прохождении воинской службы прапорщиками и мичманами Вооруженных Сил СССР прапорщики могут быть уволены из войск до истечения срока обязательства при условии достижения ими 45-летнего возраста (для сверхсрочнослужащих — 50-летнего возраста). Таким образом, если тов. Пшеничному исполнилось 45 лет, то он может быть уволен по возрасту. Если он моложе

45 лет, то ему придется подождать, пока закончится срок обязательства.

Теперь о пенсии. Тов. Пшеничный прослужил 25 лет в льготном исчислении. По действующему пенсионному законодательству ему после увольнения будет назначена пенсия в размере 50 процентов окладов денежного содержания.

А теперь несколько подробностей, о которых должен знать каждый. Если военнослужащий увольняется со службы по болезни, по ограниченному состоянию здоровья, по окончании срока обязательства, сокращению штатов, служебному несоответствию — с выслугой 25 и более лет (в том числе и в льготном исчислении), пенсия ему назначается независимо от его возраста. Это правило не распространяется на прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, уволенных с выслугой от 20 до 25 лет, которым пенсия может быть назначена при достижении на день увольнения возраста 40 лет.

ДОЛЖЕН ОТВЕТИТЬ ЗА ВСЕ СПОЛНА

Человек я от военной службы далекий. Но, прочитав статью Ю. Дурнева «Правда о расстрелянном карауле», была возмущена. Нет, возмущалась я не так, как многие, которые, читая газеты и журналы, хватаются за голову и повторяют: «Ах, разве у нас такое может быть!..»

Да, у нас такое есть. Но все можно преподнести читателю по-разному. Немаловажное значение здесь имеет личная позиция автора, его восприятие, ощущения. А если корреспондент искажает реальные факты, это приводит к неоправданным последствиям, как и случилось в статье журналиста из «Комсомолки» М. Мельника: убийца здесь превращен в жертву.

Сейчас много говорят и пишут о социальных беспорядках в армии, о так называемой «дедовщине». Но не надо путать уродство души отдельной личности с болезнями общества!

Наша армия издавна слыла армией-освободительницей. Подтверждение тому — Великая Отечественная. Представляю, что было бы, если бы каждый советский воин в ответ на злодеяния фашистов расстреливал мирных немецких граждан.

Я полностью на стороне автора статьи «Правда о расстрелянном карауле». Он не навязывает свою точку зрения, а просто заставляет задуматься, сделать правильный вывод. Для себя я уже его сделала: Сакалаускас должен за все содеянное ответить сполна!

О. БОГОРОДСКАЯ,
секретарь комсомольской организации,
и комсомольцы 10-го класса «а»
школы № 69 г. Казани.

ПРОШУ ВМЕШАТЬСЯ

«Пишу вам вот по какому поводу: несколько месяцев не могу никак получить причитающееся единовременное денежное вознаграждение за выслугу лет. Обращался с этим вопросом к командиру роты, к замполиту. Они обещали выяснить, помочь, но ничего не изменилось. Написал командиру части — тот же результат. А каждый раз сам в штаб не наездишься, до него 140 километров...»

Прошу вмешаться. Тем более что случай мой — не единственный. Строевая часть постоянно тянет вольнуку при решении подобного рода вопросов.

С уважением к вам
прапорщик **КИПРОВ Сергей**
Михайлович».

* * *

ВМЕШАЛИСЬ. Полковник Н. Новак, которому мы направили это письмо, сообщил, что факты, приведенные прапорщиком С. Кипровым, подтвердились. Лица, виновные в волоките и бездушном отношении к людям, строго предупреждены. Заявителю выплачены причитающиеся деньги, а также принесены извинения.

ПРОВЕРЕНО НА МЕСТЕ

В редакцию обратился бывшая военнослужащая внутренних войск Давыдова Светлана Николаевна. Она ставила под сомнение законность ее увольнения в запас и затронула ряд других, на ее взгляд, спорных решений командиров.

Из УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири нам ответил офицер В. Сабанов. Он проинформировал редакцию, что уволена Давыдова на законном основании — за невозможностью дальнейшего исполнения ею своих служебных обязанностей по занимаемой должности в связи с рождением ребенка. А вот рассчитали Светлану Николаевну при увольнении с серьезными нарушениями существующего порядка. Во-первых, не выдали справку в органы социального обеспечения для получения пособия на ребенка до достижения им возраста 1 года. Кроме того, не выплатили выходное пособие, единовременное денежное вознаграждение. Не оплатили даже несколько дней очередного отпуска.

В настоящее время справка на получение пособия на ребенка и причитающиеся деньги выплачены. Привлечен к дисциплинарной ответственности майор В. Григорьев, начальник финансовой службы части. С. Давыдовой принесены извинения.

* * *

Обеспокоенностью за дела в родном коллективе, стремлением решать служебные вопросы лучше, качественнее проникнуто письмо прапорщика Н. Жидловского.

Начальник штаба внутренних войск по Средней Азии и Казахстану генерал-майор Ю. Косолапов, приславший ответ на наш запрос по этому письму, сообщил, что по изложенным в нем фактам проведена проверка с выездом на место офицера одного из отделов УВВ майора В. Зырянова. В ходе ее установлено превышение служебной нагрузки на часть прапорщико-контролеров подразделения, их использование не по прямому назначению. Командиру роты строго указано на это.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«НАДОЕЛО ЖИТЬ В ОБМАНЕ»

(1989, № 6)

Прапорщик Т. Асланов рассказал о неприглядной истории, происшедшей в их подразделении: по вине командира роты не попала по назначению часть денег, собранных личным составом в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

В ответе из Приволжского УВВ сообщается, что факты, изложенные в письме, проверены с выездом на место и подтвердились. За злоупотребление служебным положением командир роты капитан В. Свиридов привлечен к суду чести, на котором ему объявлен строгий выговор. Ныне он командует взводом. Парткомиссия при политотделе части объявила ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. Наказан за беспринципность в этой ситуации заместитель командира роты по политической части капитан В. Миргородов — ему объявлено строгое партийное взыскание.

«ОДНИ НЕВЗГОДЫ И ПОТЕРИ...»

(1989, № 1)

Заместитель начальника Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР полковник Ю. Гуныкин сообщил, что ситуация, в которой оказалась семья офицера Пономаренко, объясняется большими трудностями с обеспечением жильем. На момент публикации письма более 50 офицеров не имели квартир. Общежитие же не рассчитано на длительное проживание в нем семей.

В ответе подтверждается невнимательное отношение к людям со стороны служащего Н. Морозова, который предупрежден о необходимости более тактичного обращения с жильцами и о более тщательном контроле за соблюдением правил проживания в общежитии.

Материал обсужден на совещании командования и в политическом отделе училища. Приняты меры по разъяснению личному составу положения об обеспечении жилплощадью семей военнослужащих. Женсовету училища рекомендовано предметнее вести воспитательную работу в семьях офицеров и прапорщиков.

Офицер Пономаренко установленным порядком поставлен на очередь для получения квартиры.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

317

ЖИВУЧА ВОЛОКИТА

Жена прапорщика Суркова в своем письме в журнал высказала обиду на то, что ее супругу в части отказались выдать справку на приобретение в магазине военторга товаров в кредит.

На запрос редакции по этому поводу получен ответ полковника Г. Кантемирова. Он подтвердил, что с прапорщиком Сурковым должностные лица части обошлись неправомерно. За допущенные волокиту, невнимательность к людям бухгалтер финансовой службы части Костычева З. А. строго предупреждена.

ПОМОГЛИ ВОВРЕМЯ

Командир взвода контролеров старший прапорщик А. Козлов рассказал в своем письме о грубости начальника ИТК подполковника внутренней службы А. Кулакова. Автор сообщает, что люди со службы в поселок ходят пешком — около двадцати километров, а погодные условия в этих краях для подобных прогулок неподходящие. Автомашину начальник ИТК не дает. Не решает вопрос с питанием личного состава взвода, о квартирах для контролеров и слышать не хочет. Конфликт обостряется, ибо отношения военнослужащих и сотрудников администрации, которых тов. Кулаков буквально сгравливает, ухудшаются день ото дня.

Рассмотреть жалобу редакция попросила ответственных руководителей на месте. Как сообщил командир части, факты грубости подполковника внутренней службы А. Кулакова действительно подтвердились. Прямой его начальник строго указал ему. Решены вопросы с питанием контролеров и доставкой их к месту службы и обратно в поселок.

Наш адрес:

111250, г. Москва, Е-250,

редакция журнала

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ВСЕ «ЗА».

ЧТО ЖЕ

МЕШАЕТ?

Пристрастный репортаж о деловой встрече корреспондентов журналов «На боевом посту» и «Воспитание и правопорядок» с военнослужащими и сотрудниками ЛТП по вопросам взаимодействия в условиях гуманизации содержания лечащихся.

ПРЕДЫСТОРИЯ

ВОПРОСА

В ПРОШЛОМ ГОДУ ЛТП вдруг оказались в центре острых дискуссий на разных уровнях, в том числе в большой прессе. Вопросы ставились ребром, и прежде всего, что такое лечебно-трудоустройство профилакторий? Общество наконец задумалось над тем, почему ЛТП являются режимными объектами, своего рода аналогами колоний общего режима? Почему лечащиеся приравнены к уголовным преступникам, лишены гражданских прав? Почему борьба с пьянством — этим социальным бедствием — тихо перебралась в русло борьбы с пораженными злым недугом людьми?

Вопросы множились, ответы на них еще предстояло найти. Разговор принял ярко

выраженный эмоциональный характер. Благодаря публикациям (а тогда они выглядели как своего рода сенсационные разоблачения скрытой от общества деятельности «органов») в дискуссии активно включились и лечащиеся в ЛТП. В редакциях журналов «На боевом посту», «Воспитание и правопорядок» тоже появились письма военнослужащих и сотрудников ЛТП, в которых авторы высказывали тревогу, озабоченность и обиду. «Мы никому не нужны, закон нас не защищает от произвола разбушевавшихся пациентов... В нашем ЛТП наркоманы и алкоголики содержатся вместе. Обстановка сложилась крайне напряженная. Наркоманы отказываются работать, не выполняют требования администрации и контролеров. В секциях, где они живут, грязно. На проверку они не ходят. Нас обзывают как хотят. Такое терпеть нет сил», — пишет прапорщик В. Подсадный. Его мысль продолжает прапорщик З. Осипова: «Журналисты не очень лестно отзываются о контролерах. Читая такое, алкоголики срывают на нас свою злобу. Какое же нужно иметь мужество и терпение, чтобы слышать и видеть такое каждый день и все же с надеждой думать и верить, что этот хронический алкоголик может стать настоящим человеком».

На все публикации реагирование было, как никогда, быстрым и решительным. Вначале «вниз» полетели методические советы, направленные на гуманизацию содержания лечащихся, а затем и приказы. В ЛТП их выполнили незамедлительно, даже поспешно. Еще бы! Снималось общее напряжение обстановки, решались многие из ультимативных требований лечащихся. Можно было наконец-то облегченно вздохнуть. Что, собственно, и сделали сотрудники профилакториев.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

У другой же стороны — у охраняющих объекты и осуществляющих надзор за режимом лечения больных — только-только начиналась «веселая» жизнь. Командиры, политработники, контролерский состав были попросту не готовы к наступившим переменам. Оно и понятно: многие годы все шло по наезженной колее, в которой особого отличия контролера ИТК от контролера ЛТП не замечали. В Уставе внутренних войск и сегодня их обязанности изложены в одних и тех же статьях, через запятую. Стереотипы ломаются не в одночасье.

Далее. Подготовка кадров для лечебно-трудовых профилакториев опять же ничем не отличалась от обучения будущих контролеров ИТК. Ориентир на все тот же командно-режимный подход вместо психолого-педагогической работы.

Наконец, на местах не имели четкого документа, который бы прояснил: как же быть военнослужащим внутренних войск, чья деятельность подчинена букве устава, приказам, никем пока не отмененным?

Так еще раз наметилась полоса отчуждения между администрацией ЛТП и подразделениями, их охраняющими. Стороны едины в стремлении выполнить требования по гуманизации режима лечения алкоголиков и наркоманов, но поставлены в силу ряда обстоятельств далеко не в равные условия.

МНЕНИЯ СТОРОН

НАЧАЛЬНИК УИД края полковник внутренней службы **В. ЗЛЫДЕНКО.**

— Процесс гуманизации идет, он необратим. Накапливается опыт, наши люди многое сделали и делают, хотя и высказываются в том смысле, что последние рекомендации и приказы сделали их своего рода заложниками на все случаи жизни. Любой проверяющий сегодня найдет нарушение на свой вкус. Хорошо, что пока ничего не произошло.

Мы стоим за отмену ограничений свиданий, увеличение норм питания. Нужно открывать буфеты, ведь у работающих пациентов ЛТП появились деньги, их следует отovarивать, чтобы они не тратили их на спиртное. Пересмотреть нормы размещения лечащихся. Должны быть комнаты на четырех человек, а не общежития. Режим — обязательно, фильтрация поступающих — тоже.

ЛТП живут по внутреннему распорядку, а охрана — по Уставу внутренних войск. Отсюда постоянные конфликтные ситуации. Мы за то, чтобы разрешить вход на территорию ЛТП родственникам и знакомым, ведь это очень положительно воздействует на лечащихся.

Из письма З. ОСИПОВОЙ: «Побывали на объекте родственники, обошли вокруг. Вот одна старая женщина и спрашивает офицера: где ее сын-то! «Я вот тут все посмотрела и хотела бы теперь ему в глаза взглянуть и палкой, палкой его огреть. Ему и работу дают, и кино, и артистов привозят, и книги есть, да и еда сносная. К нам в деревню-то другой-то раз по целой неделе не привозят хлеба. Да еще с меня все деньги требует...»

Мы против того, что лечащиеся ходят в джинсах. Конечно же, следует улучшить вид спецодежды, но отменять ее все же неверно. И почему вдруг нашивки вызвали столько нареканий. У моряков они есть — и ничего, никто не против. В больницах все ходят в казенной одежде — тоже нормальным считается.

У войсковых подразделений задача ясная — не допустить уходов из-под охраны. А мы бы хотели, чтобы их касались и показатели труда лечащихся. В зависимости от этого можно было бы премии выплачивать контролерам. Тогда бы их отношение к делу изменилось к лучшему. Сегодня у нас общая картина такова: уходы из ЛТП возросли в 2,5 раза. Настораживает поток противоречивых телеграмм, разъясняющих, что и как делать в связи с гуманизацией содержания лечащихся.

Подполковник внутренней службы Р. МАКАРОВ, начальник ЛТП.

— Что такое распорядок дня? Это девяносто процентов порядка на объекте. Нам сверху указывают: пусть сами ходят в столовую, когда захотят. Мы не выполняем такое требование, установили четкое время завтрака, обеда, ужина. Или же взяли обыски. Их запретили. Что мы имеем от этого? Пронос спиртного, наркотиков, всякого дурмана — лишь бы «балдеть». К нам поступило почти полторы сотни наркоманов, сто семнадцать из них ранее судимы. Они забаррикадировались в помещениях, над кроватями сделали шатры из одеял, залезли туда, курят анашу. Попробуй контролер к ним сунься. Мы издали приказ и в связи с ухудшением обстановки на объекте разрешили производить досмотр лечащихся, возвращающихся с работ.

Приказали снять колючую проволоку с ограждения — сняли. Резко возросли уходы. Сотрудники ЛТП и контролеры пере-квалифицируются в розыскников. Сейчас

ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОПОРЯДОК

двенадцать лечащихся в отпуске. Четыре не явилось — в одном только месяце. Привезем их, а они знают что скажут: вы меня судить за уход не можете, я не сам уходил, вы отпустили. У сотрудников ЛТП и военнослужащих резко возросла из-за розысков служебная нагрузка. А толку-то от наших мытарств: ну поймали, ну привезли, дальше что? Прокурор дело не возбуждает, мол, зачем осужденных плодить, водворением в ДИЗО теперь никого не напугаешь, там все условия для отдыха. Так что завтра беглец пойдет на работу в город и оттуда опять сбежит к винному магазину, а мы его искать будем, и опять все сначала. Тогда уж нужно ввести штатную розыскную машину, людей, фонды горючего, зарплату. Что-то же надо решать, ведь не у меня же одного такое творится. Четыреста бывших судимых в одном ЛТП. Только их вывели на работу — многие разбежались, теперь «висят» на нас. Есть приказ — разделить контингент на режимы, но вот как выполнить его практически на территории одного профилактория, я не знаю.

Подполковник внутренней службы Н. ДИДЕНКО, начальник ЛТП.

— Сегодня мы очень часто находимся в таком положении: одна нога переступила через ручей, другая — нет. Сколько так простоишь? Мы открываем настежь ворота ЛТП: люди, идите, смотрите, как живут, работают, лечатся алкоголики. Помню, один завсегдадай медвытрезвителя посмотрел на процесс лечения — ему дурно стало. Уходя, сказал собутыльникам: «Ребята, ну его сюда попадать». Побывали у нас и подростки из группы риска. Кто-то из них задумался о группнейшей судьбе. А как возроптали лечащиеся, когда узнали, что их родственникам мы направили приглашения посетить ЛТП. Оно и понятно: рушился созданный ими миф об их несчастной доле, по сути дела, прекращался источник финансирования. Приехали, все посмотрели. Воспитательный эффект огромный — это ощутили все, даже прапорщики, которые противились нашей акции.

А увольнение? Деньги не даются, а как же ехать, на что питаться? Мы сказали лечащимся: пишите заявления с просьбой выдать деньги с лицевого счета на приобретение вещей. Но контролер вправе эти деньги изъять, а если лечащийся их спрячет, то в случае обнаружения они пойдут в доход государству(!). Другой парадокс: мы увольняем человека, полгода успешно проходившего курс лечения. Командир роты смотрит в документы, а у того была когда-то пьянка, значит, его нельзя увольнять. И командир не подписывает увольнительную. А та самая пьянка была своего рода проверкой нарколога, только попробуй докажи это ротному. Зато можно ли отпустить в отпуск на десять суток, мне командира роты спрашивать не надо, достаточно подписи моей и нарколога. Где тут логика: на восемь часов — подпись трех лиц, на десять суток — двух?

Ушел человек в увольнение, сел в автобус и махнул в соседний город, там совершил преступление. Был случай. Теперь я жду суда, который меня спросит, почему отпустил, откуда деньги у лечащегося, на

каком таком основании их выдали? Ответай.

Нас с ротой надо связать экономически, чтобы вместе деньги считать. Мы по итогам прошлого года заняли первое место в крае, получили 3 200 рублей премии. Часть ее хорошо бы дать контролерам, но не можем.

Майор внутренней службы Л. АНИСИМОВ, начальник оперативной части ЛТП.

— С того момента, как начался период гуманизации, совершенно свыше сорока самовольных уходов лечащихся из-под надзора. На тот же период годом раньше было только три. Сложности с трудоустройством пациентов. Поступило указание выводить мелкими группами, значит, они будут предоставлены сами себе, ведь контролеры обеспечивают надзор за группами только в 50—70 человек, иначе их просто не хватит. Досмотра почти нет, алкоголики несут в ЛТП спиртное, клей, ежедневно 6—10 задержанных за пьянство. Работать тяжело. Мы практически не знаем, сколько человек легло спать, ведь вечером проверки не осуществляются. Сняли было проволочное ограждение, но ненадолго.

Подполковник Ю. ЛЕБЕДЕВ, командир части.

— Наша функция — охранять. Ушел самовольно из ЛТП или с производства — командир роты, его зам по службе контролеров, другие должностные лица получают взыскания. Лечащийся может быть осужден за это. Такова реальность. Отношение к алкоголику или к наркоману пока еще как к осужденному. Надо по-другому? Надо, но посмотрите наши документы, которые действуют, не отменены: они ориентированы на те же принципы работы, что и в ИТК. Бежал — под суд, а мне прокурор сейчас говорит — стоп, он домой ездил, дома беда случилась, и хорошо, что он стал откликаться на происходящее в семье. Я — за, понимаю прокурора, только поймет ли он, что мы поставлены охранять, не допускать самовольных уходов и не наша задача ездить по домам ежедневно в поисках ушедших проводить детей или жену. Все это привело к тому, что мы с надзора снимаем людей и ставим охранять периметр. Между тем контролеров сократили, служебная нагрузка по 70 часов в неделю. Из-за этого, из-за постоянных унижений, своей бесправности прапорщики увольняются.

На ЛТП всегда смотрели и смотрят сейчас как на поставщика дешевой рабочей силы. На наши — тоже. Местные власти пошли на их открытие, имея в виду получить в последующем хороший «навар». А теперь вот алкоголики и наркоманы требуют предоставления им прав, в том числе и оплаты по труду. А у администрации и охраны по данному поводу аргумент один — закручивание гаек. Другому не обучены. А надо бы научить. Следует иметь постоянные производственные объекты на подавляющем числе ЛТП. Только тогда можно организовать труд так, что он будет вместе с нормальными условиями содержания пациентов способствовать их успешному лечению.

Не однозначно отношение к отмене до-смотров, которые мы считаем действенной мерой предупреждения проноса в ЛТП спиртного, наркотиков. Как еще бороться с проникновением на объекты различного рода дурмана? Одними увещеваниями не обойтись, и возле каждого пациента контролера или начальника отряда не поста-вить.

Мы стоим также на том, что ЛТП нужно собственное производство, способное его окупать и давать прибыль. Но при том нельзя забывать, что работать будут боль-ные люди.

Старший лейтенант В. БАКАЙ, командир роты.

— Начальник ЛТП издал приказ — в суб-боту будет родительский день. У нас это — день занятий. Ладно, отменил их, всех контролеров отправил на объект. У КПП — 80 человек. Как быть? Звоню в батальон — решаю сам, говорят; звоню в штаб части — тот же ответ с оговоркой: случится что — ответишь. Была не была — впускаю всех. Но как это считать — свиданием? А про-дукты, у каждого ведь сумка, это переда-ча? А в сумке только ли продукты или к закуске есть спиртное? Проверить всех? На это время нужно, люди издалека при-ехали, ждут. Контролеры тоже ждут — мое-го решения. Я знаю, что нарушаю устав и приказы, а что поделаешь в данной ситу-ации? Открываем ворота. В голове одно: случись что — кто будет отвечать? Началь-ник ЛТП — в стороне, охрана не его дело, надзор — тоже. Штаб меня предупредил, что умывает руки. Где все фиксировать — не знаю. К вечеру докладывают — нет одной женщины. Ищем два часа. Нервы на пределе: что с ней, жива ли? Нашли — миловалась с мужем, ей — радость, а нам каково? В роте за прошлый год сорок че-ловек наказано за допущение уходов, на-рушений режима лечения и т. д. А ЛТП за выполнение плана, за успехи в воспитании и успешную работу по гуманизации хва-лят, награждают. Кому пышка, а кому — шишка, а ведь за одно и то же. Мне, на-пример, объявлен выговор за пятиминутное опоздание с докладом о самовольном уходе лечащегося. Как мы говорим — о побеге.

Прапорщик В. ПОДСАДНИЙ, начальник войскового наряда контролеров.

— Старший сержант Э. Абдулаев сделал наркоману замечание, а тот ударил кон-тролера. Уголовное дело, однако, не воз-будили, прокурор сказал, что это больные люди, на них нельзя обижаться. Иной раз думаешь: одеть бы блюстителя законности в нашу форму и поддержать на объекте, пусть он пройдет через все унижения че-ловеческого достоинства, которым мы по-стоянно подвергаемся, наверняка после этого он бы стал на защиту нас. Никому мы не нужны, прав лишили, превратили в сторожей. Напишешь рапорт на того, кто тебя обматерил, обозвал самыми непри-стойными словами, начальник ЛТП отпра-вит «бумажку» начальнику отряда, тот за-пишет в тетрадь, что провел с хулиганом беседу. А почему штраф не взимается за оскорбление? Почему демократию путают со вседозволенностью!

Прапорщик В. РУДАКОВ, контролер-опе-ратор.

— Мы стали все розыскниками. Коман-дировки на розыск между тем часть не оплачивает, требования на проезд не дает. Вот я 8 дней был в розыске, питался за свой счет, спал где попало. Это разве нормально? У меня семья, ее кормить на-до, а за какие деньги, если я их трачу на поиск бежавших.

ВМЕСТО

ПОСЛЕСЛОВИЯ

НАДО признать, что пока еще не на должной высоте единство сотрудни-ков, с одной стороны, и военнотруж-дающих, охраняющих ЛТП и осуществля-ющих здесь надзор, — с другой. Степень взаимопонимания и взаимодей-ствия сегодня в большой мере зависит от личных контактов, симпатий и антипа-тий, отодвигая на дальний план то, что должно быть главным — глубокое осозна-ние обоюдной личной ответственности за общее дело. Такая работа противоестест-венна, поэтому нельзя дальше откладывать принятие единого координирующего и объединяющего обе силы документа. Его очень ждут на местах, несмотря на то, что раздаются голоса типа: не сидите и не ждите указаний сверху, действуйте сами. Тем не менее отсутствие единого для всех приказа тормозит процесс внутриведомст-венной консолидации.

Сегодня всем ясно, что нужна иная сис-тема подхода к пациентам ЛТП. Возлагают-ся большие надежды на подготовленные в МВД СССР проекты новых законодатель-ных актов, предусматривающих на началь-ном этапе принудительное лечение в уч-реждениях Минздрава. Если там положи-тельный результат не будет достигнут, тогда вопрос о направлении больного в ЛТП будет решаться в судебном порядке. Вводятся дифференцированные условия содержания лечащихся, вплоть до разре-шения им жить вне профилактория.

Вопрос ставится так: главное не план, а лечение и только лечение. И еще: следует принять все меры к тому, чтобы как можно скорее перекалцифицировать со-трудников администрации, контролерский состав. Со старыми мерками, обветшавши-ми привычками и навыками им новое внед-рять будет трудно: помешает инерция.

Подполковник В. КУЗЬМЕНКО, кор. журнала «На боевом посту», майор внутренней службы В. КУЛИЧЕВ, кор. журнала «Воспитание и правопорядок».

ПРОКАТИЛИ...

КОМАНДИРА

ВОЕННЫЙ СОВЕТ войск подводил итоги минувшего года. По залу, где сидели генералы и офицеры, а говоря официальным языком, руководящий командно-политический состав, хорошо слышимой волной прокатился шумок, вызванный словами из доклада члена Военного совета — начальника Политуправления. Да, удивиться было чему: только в войсках по Средней Азии и Казахстану на отчетно-выборных партсобраниях (конференциях) при выборе в состав парткомов отвели кандидатуру одного командира части, второго прокатили при голосовании, отказали в доверии бывшему секретарю парткомиссии.

Что ж, подумалось мне, случаи не совсем обычные, но и к сенсационным их не отнесешь. Знаю, к примеру, что когда-то один молодой замполит части не прошел в выборный партийный орган. А лет через пятнадцать встретил его в полковничьих погонах, услышал о нем хорошие отзывы — толковый аппаратный работник, готовит добротные учебные пособия и рекомендации для войск... Иначе говоря, во все времена черные шары при голосовании получали даже те люди, которые вроде бы заранее были от них застрахованы своим должностным положением. И тогда возникал конфуз: их «прокатывали на вороных» — черный, или вороной, шар, брошенный в урну для голосования, означал «против».

Вновь вспомнить о том заседании Военного совета заставила запоздалая партконференция дивизии имени Ф. Дзержинского (ее «припозднили» вылеты личного состава в Закавказье), где коммунистам доложили: при выборе в партбюро одной части ее командир не набрал и половины голосов за свою кандидатуру.

Выходит, что подобное явление уже покидает разряд исключений, становится из необычного, неприемлемого, каковым считалось в застойные годы, реальным и неединичным фактом? Видимо, так оно и есть. У каждого свежи в памяти собрания по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Сколько людей, занимающих высокие кресла, разочаровалось в незыблемости своей «номенклатурной должности», когда трудовые коллективы голосовали не за них, а за тех, кто действительно выше личных интересов и благополучия

ставил заботы народные, государственные!

...По самым разным причинам руководители воинских коллективов оказались не избранными в парткомы и парткомиссии, однако две проглядываются наиболее отчетливо.

Первая — возвращение партийной работе ее важнейшей прерогативы — подбора, расстановки и воспитания кадров. Наконец-то из чисто теоретического положения работа с кадрами возрождается в ее ленинском понятии: не подмахивать трафаретные партхарактеристики при выдвижении или перемещении руководителя, а выдавать действительно объективный документ, отражающий истинные политические, деловые и моральные качества человека.

И вторая причина: рассеивается ореол так называемой должностной иерархии, когда уже сама должность начальника якобы предполагала механическое его выдвижение в различные выборные органы, делегирование на высокие заседания, в президумы и т. д. и т. п. Словом, решающую роль играли не заслуги человека, а его принадлежность к номенклатуре. И разве сейчас все мы не являемся свидетелями, что даже на партсобраниях, активах и кон-

...Рассеивается ореол так называемой должностной иерархии, когда уже сама должность начальника якобы предполагала механическое его выдвижение в различные выборные органы, делегирование на высокие заседания, в президумы и т. д. и т. п.

ференциях президумы заполняют эти «номенклатурные начальники», порой имеющие партийные и дисциплинарные взыскания? А заполняют там, где застойное время, а следовательно, и мышление не сдают своих позиций.

И все же далеко не все конфликтные ситуации укладываются в вышеприведенные схемы, ибо в каждом случае непредсказуемо проявляются человеческие взаимоотношения. Именно так произошло на отчетно-выборном партсобрании одной из частей УВВ по Средней Азии и Казахстану...

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД частью командует подполковник В. Дорофеев. По отзывам старших начальников, в военном отношении подготовлен хорошо, имеет академическое образование, неплохой организатор, но... может грубить подчиненным, бывает несдержан с ними.

Майор Н. Кравченко пять лет возглавляет партком части. С кем бы мне ни приходилось разговаривать о нем, все единодушно: очень принципиален, на сделку с совестью пойти не сможет, готов защитить от произвола любого человека — будь он даже беспартийный. А несколько офицеров вроде бы полусушутя-полусерьезно сказали, что Кравченко не совсем «удобный» для начальства, поскольку всегда говорит правду в глаза. «Правильно, надо любому коммунисту указывать на его упущения, — заметил один из офицеров, — но можно же слова найти помягче, поддипломатичней, что ли, а Николай Степанович...»

Как, наверное, уже догадался читатель, «мирного сосуществования» между командиром полка и секретарем парткома быть не могло. Видя, что жалобы со стороны офицеров, прапорщиков и военнослужащих срочной службы на командира не прекращаются, а сам Дорофеев после бесед со своим заместителем по политчасти подполковником Е. Демичевым и майором Кравченко лишь непродолжительное время держал себя в руках, а потом вновь давал волю «эмоциям», — командира части вызвали на парткомиссию при политотделе войск. Ему объявили партийное взыскание за грубость и неуважительное отношение к подчиненным.

Через несколько месяцев на собрании управленческой парторганизации части заслушали его отчет. Нелицеприятный для командира, коммуниста разговор длился не один час, а в итоге ему при единодушном голосовании выдали партийную характеристику. В ней указали немало положительных моментов в его организаторской деятельности, отметив одновременно: «В нужды подчиненных вникает недостаточно... На критику реагирует болезненно, невыдержан... При решении вопросов мало советуется с коммунистами, секретарями партбюро, членами парткома... Единоначалье на партийной основе понимает односторонне. Авторитет среди коммунистов и подчиненных имеет только должностной».

Дорофеев признал критику справедливой, дал слово изменить поведение.

Естественно, что коммунисты части лучше, чем кто-либо, знают Дорофеева, и в

объективности его характеристики не приходится сомневаться. Однако никак не могу согласиться, что он имеет «должностной авторитет». Как это понимать? Что партийные качества и умение воплощать в жизнь требования воинских уставов — вещи разные? Что между ними есть какая-то жесткая перегородка? Получается вроде так: скомандовал вовремя «налево» — значит, обладаешь командирским авторитетом, а если заметил при этом, что кто-то замешкался, и обложил его матюком — это не в счет, так как относится к иному авторитету — человеческому, партийному. Нет! Подобного расчленения не приемлю! Как не приемлет того Дисциплинарный устав, где прямо говорится, что высокая воинская дисциплина достигается «повседневной требовательностью командиров (начальников) к подчиненным, уважением их личного достоинства, постоянной заботой о них...»

Приходится напоминать эти прописные истины лишь для того, чтобы коммунисты части не забывали: говоря Дорофееву, что он неплохой командир, но плохой воспитатель, они поддерживают в нем иллюзию, будто первая сторона деятельности стоит особняком от второй. Короче, оказывают ему медвежью услугу.

...Через год с небольшим после собрания, на котором коммунисту Дорофееву выдали характеристику, парткомиссия заслушала его отчет о работе над собой, для устранения недостатков установила необходимый срок, по истечении коего сняла взыскание.

Жизнь шла своим чередом. Коммунисты части готовились к отчетно-выборному собранию. Месяца за два до него партком раздал коммунистам анкету, где среди прочих поставил такие вопросы: 1. По составу партийного комитета. Кто из твоих товарищей мог бы активно вести дело перестройки? 2. Кто мог бы возглавить партком части?

Подписей под анкетами, разумеется, не требовали. В ответе на первый вопрос чаще других фигурировала фамилия Кравченко — 98 процентов опрошенных написали ее. Кстати, фамилию командира полка назвали около трех процентов коммунистов.

И по второму вопросу Кравченко опередил всех — 96 процентов коммунистов назвали его.

...Фамилию командира полка назвали около трех процентов коммунистов.

Казалось бы, исход выборов в партком был предreshен. Но вот тут-то завязался самый крепкий узел в конфликтной цепи.

МАЙОРУ КРАВЧЕНКО 47 лет. Окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. На здоровье не жалуются. Партийную работу знает, любит ее. Политотдел войск напомнил ему, что предельный служебный возраст офицеров в звании майора 45 лет и ему надо готовиться уйти в запас. Кравченко пишет письмо в Политуправление, в котором просит разрешения продлить срок службы. Ему сообщено, что окончательное решение примет политотдел войск. Последний своего мнения не изменил, и на отчетно-выборном партсобрании части было объявлено об этом. Иными словами, не рекомендовали вводить Кравченко в новый состав парткома — офицер заканчивает службу.

Кравченко отчитался на собрании о работе возглавляемого им партийного органа (заметим, что командира полка в зале не было — ушел в очередной отпуск). В докладе преобладала критика, причем едва ли не чаще других упоминалась фамилия подполковника Дорофеева. Критический настрой поддержали и выступающие. Приведу отдельные выдержки.

Подполковник А. Акимов, командир батальона: «Как со мной работают? Проводят совещание командования части, вызывают меня, не дав сосредоточиться, подготовиться, собраться с мыслями, и я стою на ковре до 12 ночи... Что это за методы работы, по-новому?» Капитан Н. Клыгин, командир роты: «Всех нарушителей из ядра части направляют к нам...» Старший лейтенант М. Абдурахманов, секретарь комитета ВЛКСМ: «Не изжита нецензурная брань офицеров; частенько, 3—4 раза, не хватало рыбы, сала в караулах...». Подполковник А. Бакаев, начальник штаба части: «Показатель происшествий в этом году выше, чем в прошлом, а руководители в части те же... Мы еще не перестроились, говорим много лишнего... Во главу дела надо поставить человека».

Были, понятно, и обтекаемые выступления со словами «иногда», «кое-кто», «некоторые». Но большинство выступающих ориентировалось на доклад — острый, называющий вещи своими именами.

Затем стали составлять список активистов для включения их в бюллетени для тайного голосования. Остановились на 11 кандидатурах. И тут ротный политработник старший лейтенант П. Лапа предложил внести в список фамилию командира части, а его коллега старший лейтенант В. Никитюк — майора Кравченко. По рядам прошел шепоток: человек ведь увольняться собирается. Тогда слово взял сам Кравченко, сказав коротко: «Если коммунисты мне доверяют, то оправдаю их надежды». Относительно командира части он высказался так же лаконично — стоит ли его включать в списки, если, судя по анкете, за него отдадут голоса лишь три процента коммунистов? Его поддержали при одном голосе «против».

Прошло тайное голосование. На сцену

вышли те, кого избрали в партком. Здесь, в присутствии всех коммунистов части, члены выборного органа назвали майора Кравченко своим секретарем. Так возникло, образно говоря, противостояние мнений политотдела войск («Кравченко по возрасту должен быть уволен») и коммунистов полка («Кравченко на своем месте, хотим видеть его у партийного руля»).

ДУМАЮ, не ошибусь, если скажу, что далеко не каждый командир полка пожелал бы работать с секретарем парткома, подобным Николаю Степановичу Кравченко. Для него нет большого начальника, перед кем он спасовал бы, увидев его неправые действия. Наоборот, не только скажет об этом самому начальнику, но и предаст недочет огласке, расшевелит общественное мнение: «Дон Кихот ты, — как-то упрекнул Николая Степановича давно знавший его сослуживец. — Ты с какого года в майорах ходишь? С семьдесят девятого? Вот так майором и уволишься, хотя и не имеешь взысканий. Поверь мне, я многих командиров повидал на своем веку...»

А что он мог сказать в ответ? Что его дважды представляли к очередному званию, на ступень выше занимаемой должности, и что такой документ подписывал даже нынешний командир полка подполковник Дорофеев, но представления застревали в каких-то канцелярских столах? Что по окончании академии сам попросился в район с крайне жестким климатом — иначе говоря, в пустыню, где и привозной воды для питья не хватало, и потому первая жена не пожелала расстаться с Москвой?

И все же не по этим причинам смолчал тогда Кравченко. Просто он никогда не ощущал себя Дон Кихотом, сражающимся в одиночку. Его и сейчас считают стойким бойцом, все, вплоть до молодых солдат.

...Вечером в его кабинете появился взволнованный ефрейтор. «Вячеслав Вильдюкевич, секретарь комсомольского бюро первой роты, — узнал его Кравченко. — Что-то с ним неладное».

— Товарищ майор! — выпалил тот с порога. — Не могли бы вы прийти на наше собрание?

— Когда?

«Дон Кихот ты, — как-то упрекнул Николая Степановича давно знавший его сослуживец. — Ты с какого года в майорах ходишь? С семьдесят девятого? Вот так майором и уволишься, хотя и не имеешь взысканий».

— Прямо сейчас, люди уже собираются. Николай Степанович отыскал секретаря комитета ВЛКСМ части и вместе с ним пошел в роту. Собрание началось обычным

манером, но в конце своей информации секретарь бюро вдруг сказал: «Мы собрались для того, чтобы заявить: в условиях, которые создает командир роты коммунист капитан А. Барковой, не только служить, но и жить трудно».

Президиум едва успевал называть фамилии выступающих — столько накопело у людей горечи и обиды. На другой день в роту пришел начальник политотдела войск и тоже убедился: комсомольцы жаловались не на строгость командира, а на его хамство, нелюдское, мягко говоря, отношение к ним.

Тот случай произошел без малого год назад. Товарищеский суд чести офицеров объявил Барковому общественный выговор — капитан дал слово в корне перестроиться. Да беда в том, что «перестраивается» он настолько медленно, что недавно партком объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. А вот по дисциплинарной линии к Барковому решительные меры принимать пока лишь собираются. Словом, и здесь Кравченко отреагировал быстрее, нежели руководители части и УВВ. Потому и идут люди за помощью прежде всего в партком.

Комсомольцы жаловались не на строгость командира, а на его хамство, нелюдское, мягко говоря, отношение к ним.

Мне пришлось бы покривить душой, если бы умолчал и об издержках максималиста Кравченко. Сошлюсь хотя бы на отчетно-выборное партсоборание. Полагаю, даже если бы командир части присутствовал на нем, а не находился в отпуске, секретарь парткома критиковал бы его не меньше. Кто-то даже подсчитал: фамилия Дорощеева называлась в докладе около двадцати раз. Подчас делалось это не к месту. Скажем, командир первого батальона слабо работает с начальниками войсковых нарядов — и рядом звучит фамилия Дорощеева. Неисправны котлы на пищеблоке — и вновь упоминается командир части. В общем, в ряде мест доклада секретарь парткома допустил перегиб.

Думаю, такого не случилось бы, поприступуй на заседании парткома, где обсуждался проект доклада, заместитель командира части по политчасти подполковник Е. Демичев, поглубже вникни начальник отделения организационно-партийной работы политотдела войск подполковник В. Парфененко в те листы, которые он прочитал дня за два до партсоборания. Короче говоря, партийная работа — дело тонкое, поскольку предмет ее воздействия — люди, и в анализе ее лучше «недоперчить», чем «переперчить», говоря о поступках того или иного коммуниста. И в данном случае

от этой тонкости просто-напросто отмахнулись.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ своих заметок еще раз вернусь к расширенному заседанию Военного совета. В обсуждении докладов руководства войск приняли участие многие офицеры и генералы. Выступил и начальник политотдела войск по Средней Азии и Казахстану полковник Н. Гончаров. Коснувшись «проколов» при передвижении двух командиров частей, в том числе подполковника Дорощеева, в партийные органы, Николай Васильевич высказал такую просьбу:

— Дайте нам возможность и время самим разобраться в этих случаях. Думаю, мы справимся, научим командиров по-иному работать с парторганизациями в новых условиях.

Обеспокоенности начальника политоргана вполне объяснима: подготовить из офицера командира полка — долгое, не одного года дело. Да и дорогое. Не встречались мне в военной литературе цифры, во сколько оно обходится государству, но предполагаю, что не в один десяток тысяч рублей — тут и обучение в училище, академии, многолетняя командирская подготовка и переподготовка и т. п. А одним росчерком пера можно сделать «оргвывод», и тогда материальные и людские затраты окажутся напрасными.

Представляю и трудности, с которыми столкнутся командование и политотдел войск, чтобы донести до сознания каждого командира части необходимость переоценить, а возможно, и переменить укоренившиеся методы работы с людьми. И во сто раз сложнее будет излечивать человека от равнодушия к судьбам своих подчиненных. Оно, равнодушие, по словам А. П. Чехова, паралич души. И сподручней лечить его коммунистам, лечить добрым словом, своевременным советом, партийной взыскательностью. Убеждать руководителей, что народ стал другим, что он — не средство для достижения каких-то абстрактных вне-человеческих целей. Сам человек, будь он рабочий, крестьянин, ученый, воин, его духовный расцвет — цель социализма. Поэтому-то программой деятельности каждого руководителя должно стать требование Съезда народных депутатов: создать советскому человеку достойные нашего времени условия труда и жизни.

И еще. Часто ли мы задумываемся, говоря: человек на своем месте? В идеале — это полное соответствие наших способностей нашей работе. Но такое соотношение, увы, далеко не часто встречается. По мнению коммунистов части, майор Кравченко — именно на своем месте, он тот вожак, который им нужен сейчас. И жаль, что пора Николаю Степановичу уходить на заслуженный отдых. Он бы еще повоевал за дело.

**Полковник В. УСКОВ,
УВВ по Средней Азии и Казахстану.**

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АВТОРА

Карем Багирович Раш — известный советский публицист, член Союза писателей СССР, автор ряда книг на военно-патриотическую тему. Его произведения высоко оценены как читателями, так и специалистами. Так, книгу К. Раши «Сибиряки против СС, или Протяжение злу силой», вышедшую под названием «Парад», полковник Е. Цветаев, кандидат исторических наук, принимавший самое деятельное участие в выходе мемуаров Г. К. Жукова и С. М. Штеменко, признал лучшей в послевоенной литературе по народности и глубине проникновения в стратегические замыслы воюющих сторон.

Ученый совет Военной академии Генерального штаба поддержал кандидатуру К. Б. Раши при выборах в действительные члены Академии педагогических наук и отметил: «Все труды Раши К. Б. вне зависимости от жанра пронизаны всенно-философской мыслью о назначении армии, о достоинстве солдата и нравственных основах воинского служения Отечеству...»

Карем РАШ

ПОКЛОНИМСЯ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

ПАМЯТИ НАШЕЙ

НОСИТЕЛЬ БЛАГОРОДНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ

Армия соединяет в себе все умственные силы общества, все его слои и возрасты, все производительные силы Родины.... Мы в глубине сознания безмолвно отдаем ей все лучшее, потому что считаем армию наиболее чистым, сильным и возвышенным выражением нашего Отечества. Иные упрекают офицеров в равнодушии ко всему, что не касается их профессии, в том, что они отгородились от общества. Между тем это происходит чаще от некоторого рода профессиональной застенчивости, которую можно скорее отнести к их заслуге. Если в прошлом офицеры и относились с предубеждением к штатским, то только потому, что им казалось, что у гражданских лиц недостаточно ревности к славе Отечества.

Любовь к своей армии, верность ее традициям есть самый верный признак здоровья нации. Нападки на армию начинаются всегда, когда хотят скрыть и не трогать более глубокие пороки общества. Чаще всего неприязнь к армии проистекает от нечистой совести и страха перед службой и долгом.

Наша армия при любых перекосах казенщины и самодержавия почти всегда была носителем благородных устремлений. В военных учебниках всего мира курсанты самых различных стран постигают всенную науку по идеям англичанина Ген-

риха Ллойда, швейцарца Жомини и немца Клаузевица — и все три столпа военной мысли в разное время были боевыми офицерами русской армии. Случайно ли это? Нет. Как не случайно и то, что автор полонеза «Гром победы, раздавайся, веселись, храбрый росс» Осип Козловский, юной офицером сбежав из родной Польши, пошел волонтером в русскую армию и сразу же — на приступ Очакова.

Афганистан заставил нас посмотреть на себя строже, как на боевой поверке, чтобы реалистично и сурово спросить с себя, верны ли мы родной традиции, но не для того, чтобы бегать с ушатами грязи.

В 1945 году, вспоминает очевидец, митрополит Иосиф служил молебен по советским воинам, павшим за Югославию, в кафедральном соборе Белграда. Вдруг он сделал паузу и стал пристально всматриваться в толпу. Прихожане насторожились — военная тревога еще жила в сердцах. Воцарилась в церкви мертвая тишина. Наконец митрополит нашел взглядом тех, кого искал, и медленно поклонился им в пояс. Тысячная толпа молящихся обернулась и увидела двух советских офицеров. Так первоиерарх сербской православной церкви выразил свою признательность советским воинам-освободителям и в их лице всему нашему народу. Русские солдаты уже не раз пробивались через горные теснины Балкан на помощь братьям.

ДУХ СИЛЫ И ПРАВОТЫ

Ни одна литература в мире не имеет такой устойчивой и сильной антимилитаристской традиции, как русская. «Всяк мудрый любит тишину» — это строка из державинской «Песни лирической россу на взятие Измаила». И еще: «Воюет росс за общее благо, за свой, за ваш, за всех покой». Даже когда поэт восклицает: «О! Исполать, ребята, вам, русские солдаты, что неустрашимы, никем не победимы...» — в этом только молодой избыток сил и нет и тени спеси. А ведь это эпоха, когда, по словам Пушкина, сына гвардии поручика, «их смелым подвигом, страшась, дивился мир».

Этот же дух спокойной силы и правоты звучал в пьесах генерала А. Сумарокова на подмостках театра Сухопутного кадетского корпуса. Знаменательно, что русский театр вопреки бытующим предрассудкам родился в пылливой среде военной молодежи — подростков, как мы сейчас сказали бы. Этот неумирающий тип русского воина счастливо и неожиданно воплотился в солдате Сухове из чудесного фильма «Белое солнце пустыни». Потому-то с таким волнением, тревогой и напряжением мы ловили глухие обрывки вестей из Афганистана. Умолчание было страшнее беды. Не привык русский воин драться при заговоре молчания. Ему нужно чувство правоты, в которой он тысячу лет черпал силы. Почему не говорили на Родине о наших сражающихся ребятах? Тяжело бремя чужбины для человека, только начавшего жить. Мы спрашивали друг друга: «Где наши горные части? Почему при чудесах техники и сверхмощи ее мы не умеем оседлать перевалы, закрыть теснины? Не утрачены ли наши народно-суворовские качества быстрой, глазомера, натиска? Числом мы берем там или умением?» Почему мы смакуем чужеродный шепоток о том, что мы там непрошены и гибнем зря? Почему мы верим всякой гадали о себе?

Почему мы гордимся до сих пор швейцарским походом Суворова? Ведь Альпы тоже не Алтайские горы. Почему мы гордимся бойцами Испании и предвоенными добровольцами, бившимися с японцами в небе Китая? Что с нами произошло, что мы так легко поддаемся самоосквернению? Наверняка можно было бы обойтись в Афганистане меньшими потерями. Ясно, что можно воевать экономнее, расторопнее, решительнее, просто умнее. Но солдат выполняет приказ. Десантник не дискотирует перед прыжком с парашютом. Мы

верим, что неотвратимая историческая необходимость бросила наших солдат за Гиндукуш. В этом, как сказал бы Альфред де Виньи, и заключена «неволя и величие солдата». Сколько бы нам ни перечисляли с настораживающей введливостью и многозначительностью случаи мерзкого поведения иных военнослужащих, мы верим, что в горах Афганистана не они остаются по себе память, не они несут историческую вахту поколений, не они олицетворяют русского солдата. Афганистан еще раз подтвердил, что не артиллерия — «бог войны», не ракеты, не танки решают все и не пехота — царица полей. Дело не в родах войск — есть только один бог войны, и это то, что называют моральным фактором.

Бог войны — это дух, боевой дух решимости, терпения, выносливости и ратного братства. Дух, говорят, веет, где хочет. Но в бою он вливается в солдата и обретает форму, силуэт, осанку нашего ратника. Мы узнаем этот облик с детских лет. Это единственный в нашей отечественной истории образ, который отлился в знакомый со школы скромный обязательный тип боевого русского офицера. Из всех категорий наших граждан в характерный, особый тип отформовался только офицер. Мы, может быть, часто неосознанно недовольны бываем своими офицерами, потому что привыкли мерить их по высокой шкале декабристов, толстовского Тушина, Багратионов, Раевских, Скобелевых, Нахимовых, Телегиных и Роциных из «Хождения по мукам» и сотен других. Мы знаем с юности, каков он, русский офицер, и ревниво следим за тем, чтобы не снижалась шкала. Правда, часто мы склонны себе прощать многое, а офицеру — почти ничего. Наш офицерский корпус прошел экзамен Афганистаном. Враги это знают, потому ждите самых изощренных, тонких и неуловимых подков и разрушений имени советского офицера или, как они сами называют, «кимиджа» офицера, т. е. образа его.

В духовный багаж воинов входят и ценности культуры, накопленные народом веками. Строгие лики Рублева, бессмертные «Слово о полку Игореве» и марш «Прощание славянки», мудрая суворовская «Наука побеждать» и «Слався!» Глинки, главная высота России — Кремль и бессмертные творения передвижников укрепляют любовь к земле родной, к Отечеству. Интерес к истории — верный признак молодости народа.

О МОРАЛЬНОМ ФАКТОРЕ

Военно-патриотическая тематика наших периодических изданий связана с календарными датами — Днем танкиста, Днем Военно-Морского Флота и т. д. Помимо традиционных статей пропаганда чаще всего связана с воспоминаниями ветеранов о последней войне или агитацией на уровне ДОСААФ.

Что касается наших идеологических про-

тивников, то они хорошо знают, что нет в природе темы, которая не имела бы отношения к обороне. В свое время французы обвинили фильм «Набережная туманов» в разгроме Франции и позоре страны. На первый взгляд, это может показаться парадоксальным, но только на первый взгляд. Фильм своей безысходной тоской морально разоружил нацию. Вспомним, что

французы шли на этот фильм перед войной так же, как мы в свое время на фильмы «Чапаев» и «Мы из Кронштадта». Не знаю, сколько бронированных дивизий нашей фашистам фильм «Набережная туманов», но одно бесспорно: фильм, созданный во Франции, воевал не на стороне французов.

Мы должны помнить об этом великом уроке. Стало быть, искусство воюет, и воюет как в мирное время, так и во время войны. Спектакль, книга, фильм, как и песни, «удваивают армию». Искусство и удваивает нацию, и может стать «пятой колонной» в своей стране, как показал фильм «Набережная туманов».

Сейчас, когда на телеэкраны, радио, эстраду и в прозу хлынули песни, спектакли, книги с надрывом, плачем, печалью и унынием, можно смело сказать, что такое искусство не укрепляет дух, не бодрит, а разрушает моральный фактор в боевой готовности наших Вооруженных Сил, ибо армия наша и народ едины и неразрывны. Каков общественно-психологический климат в народе, таким он будет и в армии.

Моральный фактор рассматривается, как правило, применительно к условиям вооруженной борьбы. Но он действует активно и в мирное время, особенно сейчас, и чем глубже народ занят перестройкой и мирным созиданием, тем выше боевая готовность. Для вооруженных защитников во все времена высочайший моральный фактор являлся основой боевой готовности. Боевая готовность носит всепроникающий характер, и никто не несет большей ответственности за дух общества, чем печать и телевидение.

В минуты опасности народ проявляет себя до конца, и все тайное становится явным, обнажаются ресурсы и надежды нации. Кого вспомнили 7 ноября 1941 года с трибуны Мавзолея, когда враг был на пороге? Почему в минуту смертельной опасности не вспомнили ни Стеньку Разина, ни Емельяна Пугачева, а вспомнили Кузьму Минина, Александра Невского, Дмитрия Донского?.. Вот факт, дающий повод к разработке целой стратегии в пропаганде военно-патриотического воспитания. В минуты опасности на помощь народ призывает не разрушителей (пусть даже благородных искателей правды), а защитников и созидателей. А теперь вспомним, сколько книг, не считая стихов и поэм, посвящено Разину и сколько Минину. Спасителю Отечества Кузьме Минину — ни одной книги, ни одной поэмы, ни одной песни.

Опыт Великой Отечественной войны по-

казал, что борьбу с фашизмом возглавил русский народ в содружестве с другими народами нашей страны. Братство народов было и остается платформой всей нашей идеологии. Но чтобы союз был монолитным, надо, чтобы ведущий народ, авангардный народ был всегда крепок. Враги знают, что крепость Советского Союза зависит прежде всего от крепости русских. Поэтому они стараются принизить культурное и духовное наследие русского народа. Попутно стараются оглушить нас придуманными революциями: «социальной», «модной», «проблемой отцов и детей», псевдомолодежной революцией, зеленой революцией, научной, технической, электронной и т. д. Все эти псевдореволюции нужны для шума, чтобы унизить главную революцию в истории, ибо, как говорит восточная мудрость, вор любит шумный базар.

Мы до такой степени поддались на уловку буржуазной пропаганды, что сами не заметили, как стали прославлять русскую историю и культуру с какой-то оглядкой, стыдливостью и краской на лице. Уступая шаг за шагом, мы теряем наступательный дух и готовность к отпору.

Афганистан подверг жесточайшей проверке все наши культурологические установки. Боевые будни породили ратное братство, но они же и отбросили, как хлам, все, чем мы сейчас заполняем досуг молодежи. Весь музыкальный «импорт», все джазы, роки, диско, как чужеродная накипь и пена, спали сами собой. Каких же песен требовали бойцы? Они хотели слушать только напевы своей Родины. Свидетели говорят, что воины по четыре часа не отпускали со сцены И. Кобзона, призывая его спеть еще и еще раз родные песни.

Занимается ли в стране хоть один орган или институт целенаправленно военной песней, музыкой, ритуалами, воинскими традициями? Ни один! Многомиллионная армия, по сути, должна рассчитывать только на шефские концерты. Единственный в стране институт военной музыки, созданный Г. К. Жуковым, реорганизован в факультет —придаток консерватории. При профсоюзам существует Центральная комиссия по шефству работников культуры и искусства над личным составом Вооруженных Сил СССР. Долгие годы ее возглавляла артистка Гоголева, теперь —Чурсина. Что может быть более застойно-комичным? Личный состав Вооруженных Сил в области культуры теперь как за каменной стеной, ибо славные деятели театра не дадут их в обиду!

ПРЕСТИЖ ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Созидающая деятельность русской армии — от строительства древних твердынь и засечных черт, от строительства городов в Новороссийском крае, на Азово-Моздокской линии, прокладки Военно-Грузинской дороги, Чуйского тракта, Трансеиба и до создания БАМа. Мы писали о военных стро-

ителях на БАМе вполголоса, глухо и стыдливо, а на самом деле это продолжение великой традиции. Ни одна европейская держава не имела такой созидющей армии и такого подвижнического офицерского корпуса, как у нас.

Какие темы мы можем предложить молодежи?

Вкус к дисциплине. Дисциплина и благородство. Дисциплина и честь. Дисциплина как проявление создающей воли. Сознательная любовь к дисциплине. Дисциплина — это порядок. Порядок создает ритм, а ритм рождает свободу. Без дисциплины нет свободы. Беспорядок — это хаос. Хаос — это гнет. Беспорядок — это рабство.

Армия — это дисциплина. Здесь так же, как при закалке стали, главное — не перекалить металл, для этого его иногда «отпускают».

Все публикации наши должна пронизывать одна идея — поднять высоко престиж современного офицера. А это значит вернуть офицеру самоуважение, увлечь молодежь величием солдатского долга. Солдат в русском обществе всегда был окружен особым ореолом. Тем более это важно сейчас, когда в Советской Армии впервые в истории человечества весь офицерский корпус — из народа. Но корпус — это не абстрактное понятие. Это живые люди, порой лишенные элементарной социальной защищенности в острых проблемах быта. Чтобы офицер выполнял свой долг, он должен быть спокоен за свой личный «тыл», за семью. Пока здравствует семья, здравствует народ и армия. Пока существует русская семья, существует русский народ. Семья воспринимает, развивает и передает от одного поколения к другому через тысячелетия духовно-национальную отечественную память.

Семья взлелеяла чувство национального долга и зовести. Сама идея Родины-колыбели — лона моего рождения и Отечества — гнезда моих отцов возникла из недр семьи, воплощая телесное и духовное (Родина и Отечество, мать и отец) начала, которые в живом единстве выражают идею семьи. Здоровый семейный очаг будет греть и светить всю жизнь и в труде, и в военных буднях. Если здоровье народа зависит от здоровья семьи, то защита семьи — тема военно-патриотическая.

Почему доход сейчас в семье больше, чем до войны, а детей меньше? Только ли занятость женщины виновата? Не разлит ли в воздухе дух потребительства, желание «пожить»? Пожить для себя, а значит, для своей утробы, а не для семьи и Отечества. Не преувеличены ли намеренно крики о трудностях в связи с воспитанием и отсутствием детсадов? Не скрылась ли за этим нытьем нечистая совесть? Почему жили раньше беднее, а детей имели? Не является ли семья из троих (отец, мать, ребенок) уродливой игрой в семью? Если двое уходят и остается один, значит, нация занимается самоубийством. Надо всего несколько поколений, чтобы она исчезла. Оставляя после себя одного ребенка на всем свете без братьев и сестер, по существу, сироту, не есть ли это обратная сторона игры в семью? Вот круг отрезвляющих и непрерывных вопросов, которые должны идти в армейской печати из номера в номер, как набат. Какое это имеет отношение к армии? Прямое. Не может быть сильной державы со слабой семьей. Крепость семьи такой же оборонный фактор, как и память.

Об этом еще раз напоминаем нам гим-

норовский план «Ост». Вот как выглядит план нацистов по бескровному, «мирному» истреблению русского, белорусского и украинского народов.

«Целью немецкой политики в отношении населения русских территорий будет стремление к тому, чтобы рождаемость у русских держалась на гораздо более низком уровне, чем у немцев...»

«На этих территориях мы должны сознательно проводить политику, направленную на сокращение народонаселения. С помощью пропаганды, в первую очередь в прессе, по радио, в кинофильмах, листовках, брошюрах и т. д., мы должны настойчиво внушать населению мысль, что иметь много детей — это плохо. Нужно подчеркнуть, каких огромных материальных затрат требует воспитание детей, сколько всего на эту сумму можно приобрести, каким опасностям подвергают свое здоровье женщины, решившие рожать, и т. д.»

«Одновременно следует широко пропагандировать противозачаточные средства. Применение этих средств, как и аборт, не следует ограничивать ни в малейшей мере. Нужно всемерно способствовать расширению сети производящих аборт пунктов. Например, можно организовать в этих целях специальную переподготовку акушеров и фельдшерниц. Чем аборт будет успешнее, тем больше доверия будет испытывать к нам население.»

«Разумеется, производство аборт разрешить и врачам. Никакого нарушения врачебной этики в этом усматривать не должно.»

«Наряду с введением в сфере здравоохранения всех перечисленных мер нельзя ставить никаких препятствий разводам. Не следует предоставлять преимуществ многодетным родителям — ни в форме денежных выплат, ни в дополнение к заработку, ни в форме каких-либо привилегий. Во всяком случае преимущества эти не должны быть сколько-нибудь эффективными.»

«Для нас, немцев, важно в такой степени обескровить русский народ, чтобы он никогда больше не обрел возможность помешать установлению в Европе немецкого господства.»

«Этой цели мы можем добиться указанными выше средствами...»

В этой казенно-изуверской доктрине, выработанной генералитетом СС, нет юридического склада мышления, но есть знание о том, что любую нацию можно убрать со сцены истории, не прибегая к выстрелам, как и знание о том, что страну можно развалить до основания, не нарушая ее границ.

С середины 50-х, со времен хрущевской «оттепели», мы напоминаем корабль без системы и службы живучести. Более 30 лет мы со слабоумным оптимизмом потребителей культивируем разводы, аборт, бедность, мы уже имеем миллион сирот при живых матерях, мы сами себя провоцируем паническими слухами о необратимом распаде семьи. Словом, мы, забыв о гражданских принципах, о долге перед ушедшими поколениями, мы, потерявшие за 30 последних лет десятки миллионов детей от аборт, мы без чужой злой воли выполняем гитлеровскую программу фа-

шистов. Мы несемся в магазины, будто универмаги — это храмы, а ГУМ—кафедральный собор. Единственное, на что нас хватает, это искать козла отпущения и заниматься сладострастно демагогией. Ответили ли мы за 40 лет на программу «Ост» хоть одной программой создания семьи? А ведь без крепкой семьи нет и не может быть боеспособной армии и просто здорового контингента солдат.

Воспользуемся несколькими тезисами, которые приводит генерал-полковник Д. А. Волкогонов в книге «Психологическая война». «Есть более глубокая стратегия—война интеллектуальным, психологическим оружием» — это Гитлер. «Четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия» — это Наполеон. Масштабы и тиражи изменились, теперь четыре газеты могут больше, чем миллионная армия. Каким образом? Дезинформацией, говоря по-русски, ложью.

Французский специалист по теории психологической войны Пьер Нор в своей книге «Дезинформация» утверждает, что ложь есть «абсолютное оружие подрывной войны». Политработники должны бы сделать проблему хотя бы офицерской семьи одной из основных составляющих своей

работы, наряду с моральной и политической подготовкой.

В какой части нашего общества честность, отзывчивость и рыцарство не просто рекомендуются, а введены в суровые пункты устава? Цитирую Дисциплинарный устав, ст. 3:

«— стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, не щадить своей крови и самой жизни при выполнении воинского долга;

— с достоинством и честью вести себя вне расположения части, не допускать самому и удерживать других от нарушений общественного порядка, всемерно содействовать защите чести и достоинства граждан». Слова-то какие забытые в наше потребительское время. Достоинство и честь.

Жизнь может цвести только в обеспеченном силой бытии. Мы так привыкаем к армии, ее жертвенности, что не только не замечаем, но и считаем возможным брюзжать по отношению к ней. Только сильная, умная и добрая армия, какой ее хочет видеть народ, может быть гарантом мира. Когда народ занят мирной перестройкой своей жизни, роль стражей его труда и жизни возрастет.

ГАРАНТ СПОКОЙСТВИЯ ОТЧИЗНЫ

Армия как стеновой хребет русской государственности на много столетий древнее русской православной церкви и древнее славянской письменности. Из всех сказаний, поэм и летописей лучше всех народные чаяния и народный взгляд на воинство выразил автор «Слова о полку Игореве». Армия возникла тогда, когда белорусы, украинцы и русские были единым народом, с единой психологией, речью и помыслами. Армия оказалась единственной структурой, в которой это единство сохранилось, несмотря на ужасы нашествий и бедствия.

Никогда, ни при каких столкновениях держав Сечь не воевала с Доном. Это завет, оставленный народом следующим поколениям. Когда после раскола и особенно Петровских реформ усилилась поляризация русской духовной культуры, когда простой народ и верхи разделила пропасть непонимания и они отделились друг от друга, только ратное братство лучших сынов из народа и из дворян еще продолжало жить, несмотря на перекосы, крепостничество и бюрократизм. Суворовская, отеческая мудрая традиция жила в рядах войска.

И продолжает жить.

Что такое армия? В чем смысл, дух и назначение этой древнейшей опоры русской и советской государственности? Народ, с тех пор как осознал себя, живет в известных рамках общности, где вооруженные силы являются гарантом ее спокойствия. Войско — важнейший из краеугольных камней безопасности державы. Народ воплотил эти представления в образах былинных витязей, которые суть первый «офицерский корпус». Князья-воины изображе-

ны на столпах храмов, чтобы дать прихожанам наглядный урок государственности, и наш предок каждый день благоговейно проникался этой стеновой идеей родной державы. Пахарь и без пропаганды знал, что без воинской дружины он — легкая добыча алчных, вероломных и неспокойных соседей. Тайна русской государственности и армии в том, что исторически русский народ вел непрерывную войну за свое физическое существование. Во все века князья и позже цари волею обстоятельств становились во главе этого тысячелетнего противостояния. Имена Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского становились общенациональными именами—символами. В этом главная причина долгой веры народа в царскую власть и ее непогрешимость. Князья и тысячи других мужей, таких, как Боброк, Ермак, Пересвет, Коловрат, Платов, Суворов и, наконец, Жуков,— это начальники, воеводы и командиры русских сил, все тот же офицерский корпус. Это люди высочайшей духовности и главные в обществе носители подлинной культуры, ибо если на свете нет большей любви, чем «душу свою положить за други своя», стало быть, нет и выше культуры...

Русская и Советская Армия, через лучших своих сынов не раз доказавшая это, и поныне стоит на этом принципе, а тому порукой — остров Даманский, Афганистан, смертоносные реакторы Чернобыля. Такая армия и есть культура. На переломах истории армия оказывалась главной, реальной надеждой народа, а нередко выполняла не свойственные ей, на первый взгляд, обязанности. Так, Петр I указом 1722 года назначил военных управлять даже право-

славной церковью, видимо, полагая с присущим ему здравым смыслом, что офицер и «воин христов» — священник воспитаны на идее служения и родственны по общему призванию.

Перед этим Петр уже заставил молодых священников подоткнуть ряссы и резво взбираться на кораблях по вантам. Он помнил, что все его предки-воины перед смертью принимали монашеский постриг. Поэтому государь бестрепетной рукой подписал указ, где говорилось: «Выбрать из офицеров доброго человека, кто бы смелость имел и мог управление дела синодского знать, и быть ему обер-прокурором». Знаменательно, что Петр считал нужным подчеркнуть такие качества главы Синода, как «доброта», «смелость» и «знание». Еще более важна неслучайная и мудрая последовательность этих качеств по степени их важности. Петр не расставлял слов бездумно и, как мы знаем, не был узким специалистом. Если офицер родствен служителя культуры в силу хотя бы молчаливого служения строгости обряда и устава, привычки к самоограничению и послушанию, то на земле нет ему, солдату, большего антипода, чем лицедейство и роль актера. Можете вы хоть на миг представить актера или певца, поющего при гробовом молчании зала? Он зачехнет, снимнет и уйдет после первой же песни или роли, ибо актер живет на похвале, аплодисментах, поощрении как на допинге. Солдат не смеет

и думать об этом. Актер живет на чужих характерах, перевоплощаясь. Офицер держится на верности самому себе.

Когда-то Константин Леонтьев (о нем ниже), разбирая «Анну Каренину», заявил вызывающе: «Нам Вронский нужнее и дороже самого Льва Толстого. Без этих Толстых можно и великому народу долго жить, а без Вронских мы не проживем и полувека». А ведь Леонтьев искренне преклонялся перед силой художнического пера Толстого и сам был не последний писатель.

Что в заявлении этого человека, которого Лев Толстой добродушно назовет «разбивателем стекол»: только умаление писателя или в его противопоставлении гвардейского офицера знаменитому сочинителю есть кроме парадоксальности еще и глубокое значение, скрытое от глаз массового читателя, который, кстати, есть предтеча массовой культуры? Отмахнемся ли мы от этого, еще раз повесив на Леонтьева бирку «консерватор»? Леонтьев, хотим мы того или нет, фигура крупная, личность глубокая и знаменательная. Первое желание, которое приходит на ум с бессознательно внедренной репрессивностью мышления,— это и в самом деле повесить ярлык «реакционер», и в угол пыльный, чтобы не мешал. Но Леонтьева этим не испугаешь, он гордился своей причастностью к консерватизму. Может, не будем голову прятать под крыло?

ЦЕННОСТИ ИСТИННЫЕ И МНИМЫЕ

Когда прилетел в Москву Челентано, итальянский эстрадный певец, то «герои» перестройки — газетчики устроили драку в Шереметьево за то, чтобы взять первым у него интервью. Когда же в Москву прилетели Герои Советского Союза офицеры-«афганцы» Руслан Аушев, В. С. Кот, В. Е. Павлов, А. Е. Слюсарь — люди, показавшие высочайшие образцы долга и отваги, ни один человек их не встречал. Люди, которые в любой стране стали бы народными героями, окружены молчанием.

Почему странные, приплясывающие, дрыгающиеся существа с гитарами навязываются телевидением в качестве кумиров? Уж не для того ли, чтобы сделать молодежь здоровее, отважнее, честнее? Или это особая милость, оказываемая за то, что они заимствуют, выкрикивают и хрипят на чужой манер? Случайно ли фестиваль песен воинов-интернационалистов в Москве проходит на задворках стадионов, вроде «Авангарда»? Туда прилетают за свой счет со всей страны молодые ветераны, катят инвалидные коляски, идут жены и дети. Перед нами подлинно народное явление. Прибегают на него с нечистыми намерениями представители некоторых иностранных телекомпаний, а от нас на эпизод приходят только от телередакции со странным названием «Взгляд», которая считает, что с молодежью лучше всего говорить за полночь.

Отчего промолчали, по существу, все газеты, когда прошел грандиозный фести-

валь славянской письменности в Новгороде в мае 1988 года, и все как одна, захлебываясь и перебивая друг друга, говорят о роке? Почему все свое, родное, отечественное вызывает молчание, а все зарубежное, чужое, особенно если оно не созидательно, вызывает ликования? Сможем ли мы убедить тот же Запад вести с нами достойный, честный и прямой диалог, если будем холуйски показывать, как мы ему подобострастно и нелепо подражаем, чтобы заслужить его одобрение? Воспитаем ли мы трудовое и честное поколение, если с детства будем приучать к тому, что Иммануил Кант с исчерпывающей и беспощадной прямотой называл «сластолюбивым самоосквернением»?

Почему развлечению дан беспорядочный приоритет перед воспитанием? Случайно ли те, кто не «служит Советскому Союзу», имеют на телевидении, которое смотрит весь народ, лучшее время и приоритет перед теми, кто служит Советскому Союзу? Никогда подлинный досуг не был развлечением. Он всегда созидателен. Вы думаете, неверная, разрушительная установка берет начало в застойных временах орденосного Брежнева? О нет.

Валериан Майков, сын ратника 1812 года Николая Майкова и брат известного поэта Аполлона Майкова, отметил через несколько лет после смерти Михаила Лермонтова: «Все ударились в так называемую изящную литературу; все принялись или пи-

сать, или читать романтические элегии, поэмы, романы, драмы; некому было думать ни о славянизме, ни о европеизме в России. Затем явилась «Библиотека для чтения», и тогда, по собственному ее сознанию, начался в русской литературе такой смех и такое веселье, что серьезные вопросы сделались, наконец, совершенно неуместными».

Мы имеем длительную традицию анекдота, эстрадного хихиканья, всеразрушающей иронии. Еще Пушкин заметил, что глупая критика не так заметна, как глупая похвала. Созидательный здравый смысл и ответственность подменили критикой и ковырянием в недостатках с ущербным вниманием ко всему нездоровому. Мы беллетризируем все и вся до полного разжигания и расслабления. В журналах вялая беллетристика выше рангом, чем дельная глубокая статья историка-мыслителя. Первая набирается крупным шрифтом, корпусом, хотя она ближе к развлечению, а историк всегда будет набран мелким слепым пегитом. Вот такие мы эстеты и знатоки изящного. Солому с крыш скорим коровам, но на искусство эстрады и балет отдадим последнее.

Когда умер первый Герой Советского Союза, боевой летчик генерал-полковник Н. П. Каманин, человек, который руководил отрядом космонавтов, то некролог не был подписан главой государства. Когда в тот же месяц умер эстрадный певец Л. О. Утесов, некролог подписал глава государства. Утесов, тот хоть целая эпоха в эстраде... Но вскоре ушла из жизни актриса из Прибалтики, имени которой никогда не пришлось слышать, и некролог снова подписывает глава великой державы. Что же мы ждем от молодежи, как мы можем поднять уважение к труду, чести, к производству и семье, если первый герой страны генерал-полковник Каманин в табеле заслуг перед Родиной стоит ниже эстрадного певца? Вспомним, сколько раз мы видели по телевизору эстрадных певцов и сколько раз выдающихся военных врачей в Афганистане или прославленных — увы, в узких кругах! — героев — командиров атомных подводных лодок.

Перестройка есть перегруппировка сил перед наступлением. Может ли победить армия, если она противостоит противнику

не передовыми частями, а выставив вперед обозы и героев тыла, и движется на врага с авангардом приплясывающих и дрыгающихся гитаристов, которые оглушают со страху себя и противника электрическими децибелами? Впереди идут предпримчивые газетчики, десант аэробики, усмехающиеся пародисты, женоподобные танцовщики, потому что «в области балета мы впереди планеты всей», а на острие атаки — Министерство культуры, точнее, министерство зрелищ и развлечений, и комсомол, который пытается шефство над флотом и армией, по существу, заменить шефством над досугом и кооперацией. Итак, один с сошкой — семеро с гитарой.

Можно понять отвращение и горечь, которую испытывают сотрудники военкоматов при виде нынешних призывников, воспитанных министерством газетчиков и эстрадным обществом. Подросток убежден, что полноценный человек тот, кто слушает «маг» и знает дюжину «дрыг» — ансамблей (слово «рок» надо переводить точно: это значит «вертеться и дрыгаться»). Иначе «рок» по-русски прямо-таки имеет роковую, многозначительную глубину). Сегодня рок уже позавчерашний день, так же как «порно», секс сметены СПИДом на Западе. У американских школьников на первом месте среди ценностей стоит здоровье, а мы доразвлекались до того, что у наших детей в шкале ценностей здоровье стоит на седьмом месте. Это не может не вселять тревогу. Не может быть ни солдата, ни пахаря, ни рыбака, ни инженера, ни отца, ни матери с подобной дегенеративной шкалой ценностей.

Вы думаете, у детей здоровье на седьмом месте, а у их родителей на первом? Так не бывает. Дети никогда не виноваты. Нет проблемы отцов и детей. Есть только проблема отцов. Мещанин сегодня стоит на трех китах: на импорте, на заграничной поездке и на земной идеологии — йоге, кунфу, шамбале, роке и прочем. И импорт, и «загранка», и рок — все это чужое. Неприязнь к своему стала доминантой психики многих. Научная работа стала формой абстрактного развлечения, которая хорошо оплачивается. Не удивительно, что разжигание мозгов иных обывателей достигло такой степени, что они всерьез говорят о том, что теперь уже и армия не нужна.

КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?

Хулиганство и беззакония, случающиеся в среде военнослужащих, мы заменили обтекаемой формулировкой «неуставные отношения». Эти уродства, привнесенные в войска извне, должны выжигаться из армейской среды. Но неуставные отношения не есть «болезнь» только армии. Нет ни одного коллектива на гражданке, в котором не было бы в той или иной форме неуставных отношений. Если таковых не существовало бы в жизни, вернее, если бы они не принимали столь уродливый харак-

тер, то следовало бы распустить завтра же милицию, суды, прокуратуру. Неуставные отношения пронизывают жизнь каждой школы, бригады, общежития, института. И название им — «неписаные правила».

Неуставные отношения в армии существуют столько же, сколько и сама армия. Когда общество здорово, то они могут быть полны и благородства, взаимовыручки, боевого товарищества. Таких примеров в армии сейчас больше, чем уголовщины, которую дружно смакуют. Все закрытые

учебные заведения держатся на неуставных отношениях. Кстати, чем аристократичней на Западе закрытый колледж, тем суровее в нем порядки, тем голоднее жизнь, и отпрыски богатейших семей живут зимой в нетопленных комнатах. Это потому, что они еще не имели счастья начитаться книжек наших «педагогов-новаторов», которые хотели бы и из нашей школы тоже сделать один большой эксперимент, а учебу превратить в непрерывное «шоу», где дети сидят на педсоветах с учителями. Школа благородно консервативна. Общество не всегда доверяет новаторам не из ретроградства, а из глубокого и спасительного чувства, что детство не может быть предметом эксперимента для энтузиастов. Жизнь не праздник, и школа призвана готовить молодежь к тяготам жизни. Потому в хорошей школе должно быть честно, светло, радостно, но всегда трудно. В учении всегда должно быть очень трудно. Школа не может быть ни развлекательной шоу-площадкой, ни угрюмой казармой. Для здоровья детей и молодежи не досуг и не телеразвлечения нужны, а порядок, строгость, справедливость, братская доброта и помощь.

Армия последние семьдесят лет была и есть единственный институт общества, путь которого полон жертв. Армия всегда расплачивалась своими лучшими сынами и никогда, даже в страшные годы, не запятнала себя ни репрессиями, ни чванством, ни малодушием. Армия не состоит из святых. В ней разные люди. Но она мужественно выполняла свой долг, даже когда камни кричали в так называемые мирные дни, и молча умирала, когда Родина требовала. Это ложь, что сплошь и рядом кричали: «За Сталина!» Кричат только в кино. В бою трудятся, а не митингуют.

Словом, кто хочет искоренить безобразия в армии, тот должен поставить главным жизненным принципом девиз «честь—смолоду», а на острие перестройки выставить тех, кто у станков, на пашне, в больницах, в школах, на перевалах Афганистана и в Мировом океане показывает, что такое честь в действии.

Первым шагом для этого должен быть призыв ко всем фронтам комсомола, школ и минкультов повернуться лицом в искусстве и этике к коренным отечественным ценностям и традициям. На Западе уже в магистральную моду среди молодежи (после хиппи, панков и рока) вошла мода «яппи», т. е. верность своему флагу, своей стране, своим ценностям, добротной одежде, честная государственная карьера. Запад начал культивировать патриотизм всюду, он отрыгнул уже и секс, и децибелы, многие же из нас только-только радостно добрались до этих помоев. Опять будем в обносках Европы.

«До 1825 года все, кто носил штатское платье, признавали превосходство эполет. Чтобы слыть светским человеком, надо было прослужить два года в гвардии или хотя бы в кавалерии. Офицеры являлись ду-

шой общества, героями праздников, и, говоря правду, это предпочтение имело свои основания. Военные были более независимы и держались более достойно, чем трусливые и пресмыкающиеся чиновники». Эти слова принадлежат А. И. Герцену. Армию принимали не за ее золотое шитье, а за героизм, проявленный в сражениях за Бородино, Лейпциг, Дрезден, Париж...

В 1825 году русские офицеры доказали свою любовь к Отечеству, выйдя 14 декабря на Сенатскую площадь...

И сегодня на вопрос, смогла ли Советская Армия сберечь драгоценные традиции русского воинства, офицерского корпуса, в то время самого отважного и самого образованного в мире, ответ однозначен: традиции сохранены и приумножены.

Традиции—это память, а память—воздух культуры и душа армии. Не прервалась связь времен. После Октября лучшие офицеры и генералы старой армии передадут свои знания пытливым деревенским парням, сменившим Георгиевские кресты на ордена Красного Знамени. Среди них будут почти все маршалы и генералы 24 июня 1945 года на Параде Победы. Из Спасских ворот Кремля вылетит всадник на белом коне — один из этих крестьянских парней, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Во главе сводных полков фронтов пройдут полководцы и военачальники — выходцы из народных масс.

Когда участники парада соберутся в Георгиевском зале, где стены хранят память о славных победах русской армии, преемственность воинской традиции станет особенно зримой. Главная традиция русской и Советской Армии — быть силой не только вооруженной, но прежде всего духовной и культурной.

Армия, куда собираются самые здоровые силы народа, по суворовским заветам должна быть школой нации. Наполеон в свое время признавал, что победа в войне только на четверть зависит от материальных факторов. Три четверти приходится на боевой дух. Армия не изолирована от общества. Она неразрывна с народом. Недуги общества отражаются на ней непосредственно. Офицеры несут бремя воспитания. Нет ни одного командира, который не был бы учителем, только педагогика эта труднейшая и самая истинная, ибо офицер действует по принципу «делай, как я».

Выдающийся русский военный педагог и мыслитель генерал Драгомиров, герой Шипки, говорил: «Если офицер не сделает, то никто не сделает». Сегодняшние советские офицеры воспитываются в духе благоговения перед своей трудной миссией, с пониманием того, что на свете нет лучшей педагогики, чем личный пример, что наказание и дисциплина — понятия противоположные, что армия без дисциплины — битая армия. Речь идет о дисциплине, которая осознана человеком, дисциплине как идее, на которой основана сила воинского братства.

(Продолжение следует).

У солдата Родина одна

На Съезде народных депутатов СССР подчеркивалась острая необходимость укрепления дружбы и взаимопонимания между представителями всех наций, народностей, национальных групп. Это в полной мере нужно отнестись и к воинским коллективам.

Об интернациональном воспитании воинов в предлагаемых читателю заметках размышляет офицер-фронтовик. Редакция не сомневается, что в опыте, опаленном огнем, найдут немало полезного для себя и сегодняшние командиры и политработники.

ПАМЯТЬ на все послевоенные десятилетия сохранила старую восточную притчу, услышанную в окопах на Курской дуге. Спросили инородцы мудреца: «Что дороже золота?» «Дружба», — ответил он. «А что крепче железа?» «Дружба», — снова ответил мудрец. «А что сильнее бури?» И мудрец воскликнул: «Дружба!»...

Над передним краем висело затишье — редкое в то время, и лектор из политотдела нашего корпуса майор Василий Никитович Парцевский, устроившись в тесном солдатском кругу, воодушевленно говорил нам, что могущество боевых воинских коллективов, отстаивающих святое дело, не только в оружии, не только в мастерстве, а главным образом в сплочении всех нас, в единстве сердец и помыслов. Вот тогда-то он, в недавнем прошлом вузовский преподаватель, человек мудрый, много знающий, и привел ту восточную притчу, воспринятую нами всеми, русскими и казахами, украинцами и молдаванами, туркменами и азербайджанцами, всеми-всеми как дорогое отеческое напутствие в новые бои, в новые испытания, как завещание одного поколения другому.

Удивительные бывают совпадения. Встретились недавно в Хабаровске воины внутренних войск с Николаем Анатольевичем Сапожниковым, ветераном войск; он воевал под началом знаменитого капитана войск НКВД Гавриила Павловича Масловского, оставившего перед своей героической гибелью завещание сыну, что вошло в учебники и мемуары. Помните? «Час назад я получил задание командира дивизии, выполняя которое живым не вернусь». Так вот и он, поднявшись на клубную трибуну, с нее, с той притчи, повел разговор, с притчи о дружбе людей, независимо от того, какого они языка и какого цвета кожи. «Где вы впервые услышали ее?» — спросил я, возвращаясь с Николаем Анатолье-

вичем Сапожниковым из казармы. В моем голосе он почувствовал не праздный интерес. «Где? От кого? Да от комбата своего — капитана Масловского!»

Оборона под Ленинградом и курские рубежи до начала исторической битвы. Сапожников — раньше, я — позже, а услышали одно и то же, заботы у наших командиров были, выходит, во всем глубочайше схожи. Заботы педагогов, заботы партийных воспитателей.

— Никогда не забуду, как познакомился с ним, с полюбившимся навсегда командиром, — рассказывал Сапожников, радуясь, что в зале царило благодарное внимание. — Мы стояли на опушке леса, под прикрытием запорошенных снегом деревьев, чтобы не попасть под взгляд вражеских воздушных разведчиков. Смотрим: идет в сопровождении начальника штаба высокий, по-спортивному собранный, глаза строгие и теплые. И заговорил, — продолжал ветеран, — как-то неожиданно, вернее, о неожиданном. Повернитесь, попросил капитан, к тому, кто с вами рядом, окиньте взором всю шеренгу: бок о бок москвич, ленинградец, узбек, белорус. Так это же вся страна — от края до края, все города и села, откуда наши корни, наша родословная. Вот почему, когда идешь в бой, когда видишь, как самозабвенно, ничего не страшась, атакуют твои друзья, еще сильнее укрепляешься в убеждении, что нас — многомиллионных и многонациональных — никому не одолеть, не поставить на колени!

Выступая перед личным составом, подчеркивал Сапожников, капитан Гавриил Павлович Масловский никогда не боялся высоких слов, сознавая, что солдаты его заняты самым тяжким, самым высоким делом. Принимая батальон, состоящий из воинов-чекистов, он вообще поступил как большой, дальновидный политик.

— Здесь, мне сказали, воюют плечом к плечу представители двадцати шести национальностей. Это здорово, товарищи, это же целый интернационал!

И пошел вдоль строя, одних приветствуя по-узбекски, других — по-украински, третьих — по-азербайджански. Он успел, несмотря на молодость, уже достаточно послужить в разных местах, покочевать из гарнизона в гарнизон и всюду, куда ни забрасывала воинская судьба, старался врать в быт и культуру, завести знакомства, овладеть хотя бы разговорной речью. Иначе не мог. На фронте — тот же принцип, та же позиция, исповедуемая искренне, всем существом. Во взводе, отмечали политотделы, создал художественную самодеятельность, в которой были представлены таланты из всех республик. Молодец! Командуя ротой, организовал — прямо в окопах, под огнем — кружок по изучению русского языка. А сейчас? Конечно, мог бы, представившись в комбатской должности, уточнить задачу, обрисовать обстановку, благо, только что из дивизии. Но нет, он посчитал несравнимо более важным позабиться о другом: сблизить сердца, поднять в них все национально светлое, национально гордое, чтобы, как стремительные ручьи, как сокровенные духовные движения, переплелись они в единое, истинно интернациональное.

Масловский, свидетельствуют однополчане, и потом, освоившись в новом командирском качестве, не выпускал из виду воспитание межнациональной сплоченности.

ДУМАЮ о капитане Масловском, чьим образом, чьей биографией давно зажегся, и с радостью отмечая: его сила, обаяние в том, что он не один такой, не исключение он. Десятки, сотни командиров и политработников — ветераны войны подтвердят это! — считали первейшим долгом, первейшей честью крепить дружбу в своих подразделениях, стремились формировать у людей, кем бы они ни были по роду-племени, самые благородные, объединяющие чувства. Ибо все мы в дружбе и братстве сражающихся советских народов видели оружие особой значимости. Вчитайтесь, пожалуйста, в одно характерное признание — оно сделано Героем Советского Союза генерал-лейтенантом С. Нурмагамбетовым, бывшим в войну капитаном:

— Часто спрашиваю себя, сумел бы я пройти фронтовые дороги, дожить до Победы, достойно выполнив свой долг перед Отчизной, стать тем, кем стал, если бы постоянно, везде и во всем не ощущал эту животворную силу дружбы, не знал, что рядом — в траншее, в атакующей цепи — мои боевые товарищи, среди которых были воины разных национальностей? Вместе оплакивали мы погибших, вместе радовались успехам, и в бой шли вместе, плечом к плечу. И каждый день войны, каждая схватка с врагом приносили все новые свидетельства единства наших народов-братьев.

Его спросили в Алма-Ате на встрече в батальоне внутренних войск, какие формы сплочения представителей разных национальностей использовались на фронте, что больше всего запомнилось. Генерал ответил:

— У нас в полку были в традиции торжественные приемы национальных пополнений, ведь чаще всего новобранцы из республик прибывали многочисленными группами. Командир лично выступал. Кто-то из героев. Рассказывали о земляках, уже отличившихся. Вручали оружие. Самодеятельным концертом все завершалось, и, поверьте, это сильно трогало душу. С какой-то отцовской заботливостью распределяли людей по взводам, отделениям, расчетам, старались, чтобы новичок обязательно попал под присмотр к солдату опытному, обстрелянному.

ДОЛГО не отпускали хозяева дорогого гостя, особенно когда узнали, что в красноармейской молодости послужил он, хотя и немного, и в их войсках, и на пограничной заставе. Думаю, что такие встречи — полезнейшая штука, и тут любые организационные затраты окупаются сторицей.

Помню, года два-три назад генерал-майор в отставке Василий Фомич Коньков пригласил меня на беседу с майским солдатским пополнением.

— Звонили из Политуправления внутренних войск — не могу им отказать.

— Почему, товарищ генерал?

Узнаю, что в боях за легендарную Невскую Дубровку, под Ленинградом, в его подчинение, кроме армейской стрелковой дивизии, входили и части НКВД. Доблестно дрались они, высоких наград удостоились. Работая над мемуарами, Василий Фомич подсчитал, что в чекистских полках, случилось, воевало до сорока, до пятидесяти национальностей. И дружба была накрепчайшая! «Вот об этом и расскажите, — просили политуправленцы. — Ваш фронтовой опыт интернационального воспитания очень пригодится и нынешним офицерам».

Да, та встреча вышла необычной: планировалась на час, ну от силы, на полтора, а просидели люди с сумерек почти до отбоя. И это интересно, и то — и офицерам, и солдатам. Генерал едва успевал уточнять, дополнять уже рассказанное. Наградой было одно: слушателями руководило не пустое любопытство, они страстно хотели опыт сегодняшний соединить с опытом, опаленным огнем, иметь в итоге не просто массу военнослужащих, а действительно дружную, сплоченную семью, живущую общей заботой, общей целью. Кое-кто приводил факты из собственной практики и, пользуясь возможностью, спрашивал, так ли делает, чем бы еще обогатить задуманное. Другой раскрыл «Красную звезду», прочитал: «Заслуживает одобрения инициатива парткома давать поручения коммунистам нерусской национальности для работы в группах военнслу-

жащих, призванных из союзных республик. Это позволяет не только хорошо знать настроения земляков, но и развивать их творческую активность, воспитывать каждого из них в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

— Почему же у нас подобного нет?

Выступавшего, совсем молодого лейтенанта, несколько не смущало, что неподалеку от него сидели командир части, замполит... Генерал по всему видел, что здесь в почете коллективная взыскательность, раскованность духа, критика не «по решению». Люди ищут, люди понимают, что к проблемам дальнейшего развития национальных отношений, усиления интернационального воспитания нужно повернуться лицом, не жалеть ни партийной, ни государственной энергии.

Как-то полковник Василий Дмитриевич Кривец, теперь он в отставке, с гордостью показывал мне ротные библиотечки на национальных языках, созданные самими воинами. Год от года пополняются эти очаги дружбы, пропаганды национальной культуры, и всем, видят в части, приносят они пользу. В клубе регулярно появляются призывные объявления: «Сегодня — читательская конференция». Книги выставляются на обсуждение те, что популярны в союзных республиках, так что за год, за два перед любителями художественной литературы пройдут судьбы и события, глубоко волнующие народы, которые идут вместе с нами со всеми в едином историческом братстве. Непосредственно в батальонах и ротах организуются Дни республик, и тоже регулярно. Трудно это? Если к делу с душой отнестись — совсем не трудно. Обзор происходящего в родных местах — выступают солдаты и офицеры, жившие до службы там. Обязательно документальный фильм или концерт самодеятельности. Иногда повара побалуют национальными деликатесами.

Так трудно, скажите? Разве и в вашей части, в вашем подразделении нельзя подобное организовать? Вы только взгляните в лица, в глаза солдат — сколько радости, волнения, сколько энтузиазма в них! Мы далеко от дома, но у нас и здесь дом. Мы на время оторваны от родных, но у нас и здесь полно родни. И не сомневайтесь, товарищи командиры и замполиты, завтрашний день окажется гораздо полнокровнее сегодняшнего, потому что сил прибавится, ох как прибавится!

Позволю себе вернуться к уже упомянутым кружкам по изучению русского языка. Как и во всей Советской Армии, во внутренних войсках они широко распространены. И опять же — там, где хотят их развивать, понимают их цену. Мы в полевых условиях переднего края и то делали все, чтобы кружки действовали. Русский язык был великим связным между воинами всех национальностей. Потому командиры-фронтовики выкраивали для занятий по полтора-два часа ежедневно. Не хватало учебников? Зато в каждой части, если

поискать, находились люди с высшим или средним специальным образованием. Начинали с изучения на русском команд, названий частей оружия, предметов армейского обихода. Постепенно программа усложнялась, разжигала желание «ученика», он уже сам тянулся сердцем к чужой, казалось бы, непонятной, но такой нужной речи. Помню, пропагандировалось так называемое «парное обучение»: новобранца прикрепляли к бывалому воину, и тот делился с подшефным не только премудростями языка, а и тонкостями поведения на поле боя, хитростями, без которых подчас не одолеть врага. Представляете, как новичок был благодарен за помощь? Сама собой возникала дружба, и когда сейчас ветераны войны по-братски обнимаются в праздник Победы, многие из них перво-наперво вспоминают те уроки — в окопах, под огнем, уроки постижения мастерства и духовной межнациональной спайки...

ВОЗМОЖНО, кто-то недовольно произнесет: фронтовой опыт — это далеко. Ну хорошо, вот опыт поближе — Афганистан, где наши воины несли свою интернационалистскую службу. Там тоже проявлялась исключительная забота и о братском, и о боевом сплочении воинов, прибывших по зову долга из всех советских республик. Вот примеры из жизни одной лишь части, которой командовал гвардии подполковник Александр Ильич Скачков. Всеобщий интерес вызывают тематические утренники «Твоя многонациональная семья», вечера боевого сотрудничества. Летописцы полка с особой бережностью собирают все факты проявления дружбы, взаимопомощи, защиты друг друга. В схватке с душманами на Саланге был ранен гвардии рядовой Амир Болотоков, кабардинец, — вытащил его на себе в безопасное место русский Владимир Ясютин, тоже гвардии рядовой. Вскоре после этого подорвался на mine, подложенной мятежниками, чуваш гвардии сержант Сергей Архипов — на выручку к нему бросились гвардии младший сержант Сергей Муслимов и гвардии рядовой Евгений Быстров. Не забудется и такой случай: во время одной из вылазок душманов, которую нашим солдатам довелось отражать, гвардии рядовой Сергей Рочев, родом из Коми, вынес из-под обстрела раненого гвардии младшего сержанта Петра Огняникова, русского.

— Здесь, в Афганистане, — говорил командир части, — вчерашние школьники, рабочие, колхозники многое пережили, испытали на себе. Они научились дорожить дружбой, верить в боевое братство, ценить интернационализм. Думаю, это останется у них надолго, навсегда!

В ДРУГ в афганский раздел моих размышлений ворвались донесения из Армении, из зоны жесточайшего землетрясения. Экстремальная, не будет преувеличением сказать — фронтовая обстановка. Повсюду, с первых часов бедь,

люди в погонах, на одних — буквы «СА», что значит «Советская Армия», на других — «ВВ», то есть «внутренние войска» — войска порядка. В Спитаке, например, и гражданские, и военные чаще всего обращались к полковнику Воронину Павлу Филипповичу — старшему по «ВВ». Тяжкая, изнурительная нагрузка, больше подошло бы — перегрузка. И все-таки и у самого полковника, и у подчиненных вид, полный железной собранности, каждый готов к немедленному действию — и немедленно действует, как отцы и деды в атаке, как в горьком и очищающем штурме. Жители города, оставшиеся трудиться вместе со всеми, рады, что плечом к плечу с ними родное советское воинство, с которым чувствуешь облегчение, уверенность и надежность. Разные языки объединены не только языком приказа, но и языком высочайшего гуманизма и милосердия в погонах.

А поздним вечером, уже и ноги не держат, и глаза слипаются, раздается, как на фронте когда-то: «Почта!» Это Павел Филиппович постарался, спасибо ему. Распахивается бездонная сумка, яркий свет движка выхватывает штемпеля: Москва, Киев, Ленинград, Минск, Ташкент, Ашхабад, Душанбе, Фрунзе... И не одни города — и села, кишлаки, аулы. Вся страна в бесценной почтовой сумке, все республики. Сидят солдаты кто на чем, у многих в руках обжигающие кружки с чаем, чай здесь в спасительном почете, без него нельзя, как, повторяюсь, на привале фронтовом, как в передышке между боями. Полковник первым, незаметно так, разрывает свой конверт. Читает долговые строчки из дому. И вслух произносит то же самое напоминание, что каждодневно повторяется по радио, телевидению, в газетах: «Помоги Армении, ничего не пожалей!»

И вслед за ним, за полковником из России, почти те же строчки читает лейтенант из Ташкента...

Вот они звучат по-украински, по-латышски, по-молдавски: «Помоги Армении...»

Надо видеть это, испытываешь как потрясение, чтобы понять, перечувствовать, вобрать в себя силу всенародного, всевоинского единения. Убежден, что и местные жители, расположившиеся рядом, и солдаты унесут в сердце тот вечер, как возвышающую память, как мобилизующий вывод: именно в братстве, в дружбе все мы велики и могучи, именно в интернациональном служении долгу, в интернациональном подвиге предстает перед миром наша необыкновенная красота и привлекательность.

Да, короткий и длинный вечер в Спитаке, когда почта пришла... Не знаю, может, полковник Воронин и не замыслил ничего специально, но, согласитесь, эти обжигающие строки писем на разных языках — и об одном, эта трогательная братская доверительность — все это прекрасный урок политического влияния на людей, еще одна возможность сплавлять национальное в интернациональное.

За многолетнюю службу мне не раз приходилось бывать во внутренних войсках, и я видел, чувствовал, что умные, ищущие командиры и политработники глубоко сознают, что подразделения и части находятся не в безвоздушном пространстве, не обособлены от общества. В казарму, большую или маленькую, неостановимо вливаются все радости и все заботы, которыми живет страна, в том числе и национальные. Отсюда и возрастание ответственности за сплочение многонациональных воинских коллективов, за идейно-политическое, нравственное единение людей, говорящих на разных языках. Что пишут им из дому родные и близкие? Что рассказывают при встречах? Какую информацию, подчас неприемлемую, с националистическим привкусом, черпают они из публикаций в местных изданиях? Командиру и политработнику все надо знать, во все политически вникать.

Вот, скажем, литовское движение «Саудис», все чаще в последнее время провозглашающее лозунги против Советской Армии и ее почетной государственной миссии, — так можно ли делать вид, что они безобидны, на них, мол, не стоит обращать внимания? Или спекулятивные без сколько-нибудь серьезных обоснований призывы, доносящиеся из Латвии, о создании национальных воинских формирований? А вот еще новость: «Эстонцы должны служить в Эстонии!» Что ж, помалкивать нам, офицерам, партийным и комсомольским активистам? Нет, когда позиция твоя тверда, партийна, тогда и формы отпора всему незрелому, вздорному, наносному найдутся, и аргументов больше чем хватит.

Ни у кого, кто жизненно разумен, политически подкован, не вызовут поддержки сугубо обывательские суждения — где кому служить. Что же нам, улыбаются солдаты, разбежаться по национальным квартирам? Может, маменькиным сынкам об этом и мечтается. Но честное сердце — сердце гражданина-патриота забьется в протесте. У нас — общий дом, у нас — общая Родина, и за них мы в ответе.

МУДРЕЦ, чью притчу я услышал в далеком фронтовом году, исключительно прав: на все времена — дружба между нами дороже любого золота, крепче любого железа, сильнее любой бури.

И командиры, политработники, партийные и комсомольские секретари обладают не меньшей мудростью, если изо дня в день пестуют эту дружбу, соединяют разные языки и сердца в единый язык и единое сердце.

Полковник в отставке А. СГИБНЕВ, заслуженный работник культуры РСФСР.

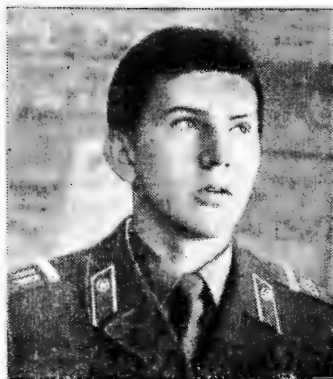

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ?

НА ЭТОТ ВОПРОС ОТВЕЧАЮТ: НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ СССР ПИСАТЕЛЬ БОРИС ВАСИЛЬЕВ, АКАДЕМИК АНДРЕЙ САХАРОВ, ПУБЛИЦИСТ ЮРИЙ КАРЯКИН, ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК КОНСТАНТИН ХАРЧЕНКО И ВОИНЫ-ДЗЕРЖИНЦЫ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В ИЗВЕСТНЫХ СОБЫТИЯХ 9 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА.

Программа «Взгляд» 28 апреля 1989 года в своей передаче, посвященной трагическим событиям, происшедшим в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года, сообщала, что в 3 часа утра демонстранты, приблизительно 8 тысяч человек, проводили митинг у Дома правительства г. Тбилиси. В 4 часа к площади по проспекту Руставели двинулись бронетранспортеры, а также солдаты внутренних войск и частей Советской Армии.

Около Дома правительства произошло столкновение войск и демонстрантов. Милицейские подразделения пытались предотвратить конфликт, со стороны военных применялись дубинки, саперные лопатки, слезоточивый газ и, по оценке токсикологов, отравляющие вещества центрального нервного воздействия холиналитического характера. В результате столкновения погибло 16 человек.

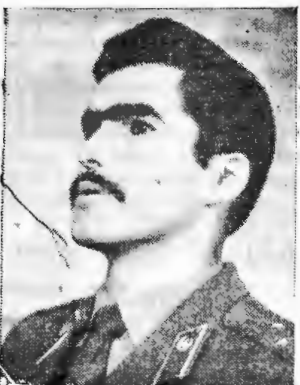
Затем слово было предоставлено писателю Борису Васильеву, который сообщил следующее:

— Вы знаете, трагедия, которой мы только что свидетелями были и видели, произошла в Тбилиси, но это трагедия для всех нас, это трагедия всего советского народа. Такое мое глубочайшее убеждение. Я приехал в Тбилиси вместе с группой народных депутатов по просьбе наших друзей из Тбилиси уже в пятницу, т. е. 14 апреля, вечером. Первое, что я, с кем я, с кем я столкнулся, мы все там столкнулись, — это, ну единственный раз в жизни (а я уже немолодой человек), единственный раз в жизни я был в оккупированном городе. 10 постов нас проверяло по дороге, и не просто постов, но застав. Там танки, бронетранспортеры. Команда выйти из машины, полный обыск машины, полный обыск. Все вооруженные люди, ни одной улыбки, полная неприветливость, на тебя смотрят как на врага.

Полное ощущение оккупированного города. Это первое, что меня потрясло, я пока еще ничего не понял, не знал. Затем нас встретил Юрий Рост — единственный журналист, выполнивший свой долг журналиста до конца. Он

На с н и ж к а х: с. 28 (сверху) — Б. Васильев, А. Сахаров, Ю. Карякин; (сверху вниз и слева направо) — рядовой И. Ясенков, капитан медицинской службы В. Жигарев, старший лейтенант И. Стургуков, ефрейтор А. Хорошевский, ефрейтор В. Видяев; с. 29 (сверху вниз) — подполковник А. Бакланов, старший сержант О. Петрунин, старший лейтенант В. Наконечный; внизу — пояснения Б. Васильеву и ведущему программы «Взгляд» Д. Захарову дает генерал-майор В. Босов.

Фото А. Александрова и В. Голетарова.

присутствовал при трагедии и на основании того, что он там присутствовал и снимал, он предложил материал своей «Литературной газете», спецкорреспондентом которой он является. Вот этот материал... «Литературная газета» от него отказалась. Его напечатала «Молодежь Грузии».

Мы на другой день начали свою деятельность уже как приглашенные туда народные депутаты. Мы встречались, прежде всего мы почтили память погибших на площади. Мы возложили туда цветы. Мы зажгли свечи. Шел дождь, у меня не загоралась свеча, и стоявший рядом грузин зажег спичку и помог зажечь мне эту свечу.

Я свидетельствую: нас принимали в Грузии без каких бы то ни было, без недоброжелательства. Нас принимали с полным пониманием, с полной приветливостью, если можно говорить о приветливости в эти страшные часы и дни Грузии. Мы были в семьях, где стояли еще не похороненные гробы. Мы прощались с 16-летней девочкой, мы прощались с сестрами, убитыми, одновременно погибшими в то роковое кровавое воскресенье. Мы прощались с беременной женщиной, погибшей 9 числа, но гроба было уже два. Ее мать не выдержала смерти своей беременной дочери и скончалась тут же от разрыва сердца. Повторяю: везде мы были самыми дорогими в этом смысле гостями, не то слово, но к нам было проявлено максимальное внимание, максимальный такт, максимальное понимание. Затем мы встречались с творческой интеллигенцией, мы встречались с пострадавшими, мы были в госпитале, простите, в больнице, мы встречались с ранеными, с отравленными, разговаривали с ними. Мы встречались с министром здравоохранения Грузии. Мы встре-

говаривать не хотел, не желал, не умел. Это чрезвычайно важно, потому что позиция их неуязвима, позиция недостаточно продумана, и нужно просто, ну, может, по-человечески поговорить, не нужно бояться, это наши сыновья и наши дети, хватит бояться их. С ними нужно вступить в контакт и спокойно с ними разговаривать. И, наконец, самое главное, я хочу показать вам еще одну фотографию, это чтобы вы поняли атмосферу, которая была 9 числа утром, после разгона демонстрации в Тбилиси.

В день нашего отъезда, в воскресенье, т. е. через неделю после этих кровавых событий, нас встретили, нас приняли, простите меня, Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, Георгий Петрович Разумовский и вновь избранный первый секретарь ЦК Грузии, извините, сейчас я волнуюсь, забыл его фамилию.

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе уделил нам полтора часа, это была очень полезная встреча для нас и, смею надеяться, для Эдуарда Амвросиевича, который в то время расследовал, пытался наладить расследование и исследование всего того, что произошло в Грузии. Мы сказали ему: самое главное впечатление наше заключается в следующем: эта вещь, происшедшая история, страшна не только сама по себе, она страшна своими последствиями, это репетиция, генеральная репетиция применения вооруженной силы в экстремальных условиях, которые всегда можно создать, даже на пустом месте. Они окружили площадь, не дав возможности разбежаться людям. Там вместо разгона они избивали людей, вплоть до того, что гонялись за каждым отдельным человеком. Женщина была, девушка 16-летняя убита в фойе театра Руставели. Это довольно далеко от места происшествия. А женщина, одна из женщин, убита вообще возле гостиницы «Иверия». То есть она успела пробежать километр, и за ней гнались. Вот что чудовищно. Это первое, что мы сказали. Мы сказали, что необходимо войти в контакт, с нашей точки зрения, с неформалами немедленно, вступить с ними в диалог. И мы были крайне рады, уже по возвращении из Тбилиси узнав, что первичный состав правительственной комиссии по расследованию был отменен и была создана вторая комиссия Верховного Совета Грузии по расследованию всего происшедшего, куда кроме общественных организаций были включены и неформальные организации. Это очень правильно, очень справедливо, потому что надо расследовать эту величайшую трагедию во всех положениях, во всех уровнях.

И еще я хотел бы отметить, наверное, повторюсь, что мы не должны забыть урока, какой произошел, не должны, это касается всех нас, это касается нашего завтрашнего дня. И я должен вам сказать, что генерал-полковник Родионов, командующий Закавказским военным округом, был

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Мы встречались с творческой интеллигенцией, мы встречались с пострадавшими, мы были в... больнице, мы встречались с ранеными, с отравленными, разговаривали с ними.

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Борис Львович, почему к нашим ребятам, которые лежали в госпитале, не зашли? Не спросили, не узнали, почему, как все произошло?

... и разговаривали с неформалами Грузии. Это был очень интересный разговор, и из этого разговора мы поняли, что вся накопившаяся негативная атмосфера, которая возникла в Грузии, произошла от того, что никто с этой молодежью раз-

против введения спецвойск и вообще войск. Он сказал, что обстановка контролируется им, что он всегда справится своими силами, но его же никто не послушал, так что армию я тут не виню, это, наоборот, попытка оторвать армию от народа, это вбить как клин между армией и народом, что очень опасно.

Сразу же после выступления Бориса Васильева в Гостелерадио СССР, на Центральном телевидении, в Политуправление внутренних войск МВД СССР стали поступать отклики телезрителей.

«Мы, военнослужащие подразделений внутренних войск, дислоцированных на территории Тбилиси, из выступления в программе «Взгляд» 28 апреля 1989 года тов. Васильева поняли, что или его ввели в глубокое заблуждение умелым подтасовыванием фактов, однобоким показом имевших место событий 9 апреля 1989 г. на площади у Дома правительства, или уважаемый всеми нами писатель был использован в чьих-то корыстных целях...

Тов. Васильев мог бы сам приехать к нам, еще до выступления в телепрограмме «Взгляд», побеседовать с нами, выслушать нас, а уж затем делать выводы и высказывать их по Центральному телевидению. А делать из нас потенциальных преступников, чернить по Центральному телевидению на всю страну, не разобравшись в сути вопроса, — это граничит с клеветой.

Мы всегда гордились, что служим во внутренних войсках, всегда слышали слова благодарности за свой ратный труд от жителей тех мест, где выполняли службу, но теперь же нам горько и обидно. Мало того, что пресса и телевидение Грузинской ССР преподносят события зачастую однобоко и предвзято, к этому мы уже привыкли, но выступление программы «Взгляд» вызвало у нас чувство недоумения...

Капитан МОЖАЕВ С. Н., капитан КАРАПЕТОВ В. И., старший сержант БУРДАКОВ П. Н., рядовой ГРИГОР В. В. и другие, всего 13 подписей».

«Возмущен позицией в отношении внутренних войск МВД СССР. Факты, приведенные в передаче «Взгляд» от 28 апреля, основаны на слухах, поэтому крайне поверхностно рассмотрено положение, сложившееся в г. Тбилиси. Ведущие заигрывают с экстремистами, идут у них на поводу, тем самым еще больше осложняют обстановку, дают понять, что в следующий раз эти молодчики будут творить свое дело безнаказанно.

Вы разжигаете ненависть к воинам, пытаетесь разорвать связь армии и народа. Прошу вас разобраться более тщательно в том, что же все-таки произошло, изучи-

те кино- и фотодокументы в полном объеме, поговорите с воинами внутренних войск. Уверен, после этого вы вынуждены будете извиниться за клевету, возможно, и неумышленную.

Лейтенант И. ДЕМКИН».

«Выражаю свой протест по поводу выступления писателя Васильева в программе «Взгляд» от 28 апреля 1989 года.

Он незаслуженно обвинил войска в чрезмерной жестокости, сравнил с оккупантами, удобряя тем самым почву для ненависти советских граждан к внутренним войскам МВД СССР. Считаю, не следует допускать на широкую трибуну людей, не знакомых с подробностями событий 9 апреля, а также предшествующих и последующих дней.

От своего имени заявляю: в ночь на 9 апреля войска, вытеснив демонстрантов с площади, предотвратили возможность более страшной трагедии, которая могла разыграться и которую так жаждали лидеры неформальных организаций.

Несмотря на льющиеся на наши войска потоки лжи, мы будем и впредь стоять на защите правопорядка и конституционных прав советских граждан.

Младший сержант В. КЛИНКОВ».

«Считаю своим долгом выразить сожаление, что в программе «Взгляд» от 28 апреля с. г. прозвучала весьма необъективная информация о трагедии 8—9 апреля в г. Тбилиси. К тому же стержнем ее стало выступление писателя Васильева, которое отличалось категоричным и личностным подходом к событиям у Дома правительства. Почему-то передача, которая всегда отстаивала объективность в освещении событий, ныне сочла правильным предоставить эфир для оскорбительного обвинения в адрес сил поддержания общественного порядка и не дать военным ни одного шанса возразить, оспорить сказанное тов. Васильевым. Получается, что вы уходите от принципов плюрализма...

Товарищ Васильев, я попросил бы Вас извиниться за свои слова и исследовать глубже трагедию 8—9 апреля. Имейте на это мужество, так же, как имели смелость облить грязью тысячи честных парней в военной форме.

Старший сержант Д. СНЕГОВСКИЙ».

Пусть запальчивы, категоричны письма военнослужащих. Но в них искренне передана другая, чем у «Взгляда», точка зрения, излагался иной подход к событиям.

Что же все-таки произошло в Тбилиси? На самом ли деле воины внутренних войск разогнали, применив силу, мирных демон-

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

странтов? Кто повинен в кровопролитии? Что за газы применялись при вытеснении толпы на площади у Дома правительства в Тбилиси в те трагические дни?

Об этом шел обстоятельный разговор во время встречи писателя Бориса Васильева и прибывшей вместе с ним к воинам дивизии имени Ф. Дзержинского группы народных депутатов СССР.

Открывая встречу, заместитель начальника Политуправления внутренних войск МВД СССР полковник Е. А. Нечаев сказал:

— Необычность этой встречи заключается еще и в том, что о ней попросили воины-дзержинцы. Но главное, на мой взгляд, все-таки, что мы собрались здесь по общей боли, собрались, чтобы еще раз вернуться к тем тревожным дням в Тбилиси. Мы собрались как очевидцы этих событий, как люди, выполняющие свой долг. Эта боль должна быть своеобразным предупреждением всем нам, она должна стать поводом для серьезного анализа случившегося.

Главная цель сегодня — предельное откровение. Давайте уйдем от умысла, давайте говорить только то, что мы видели, что чувствуем, что переживаем. Давайте задавать друг другу вопросы.

Наслоений сегодня достаточно, уже что только не говорят. Говорят о пресловутых таблетках, которые якобы употребляют солдаты, причем имеют в виду не цитрамон, говорят еще многое другое. Цель у нас одна — найти истину. Настрой, судя по всему, хороший.

Слово имеет академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

САХАРОВ А. Д. Мы все уже знаем многое из того, что произошло в Тбилиси. Мы видели людей, которые получили травмы. Мы видели людей, которые были отравлены примененными химическими веществами. Мы слышали рассказы очевидцев о том, как все это происходило. Мы знаем, какие события происходили в Тбилиси до этого. Я намеренно не хочу давать оценку тем лозунгам, под которыми проходили эти собрания. Но важно, что это были мирные демонстрации, не угрожающие никому, не антиконституционные, никакого неконституционного смысла не было в этих лозунгах. Я не хочу оценивать их по существу с точки зрения разумности. Я тут ухожу от этого вопроса. Он действительно несущественный в свете того, что произошло потом. Произошла вещь ужасная, которая нанесла глубокую рану всему советскому народу. Армия против собственного народа применяла такие средства, которые ничем не были оправданы, с моей точки зрения, в этой ситуации. Последствия были чрезвычайно тяжелые. Сейчас, конечно, нужно разобраться в том, как это произошло, какие были приказы, кто ответствен за то, что события приобрели такой оборот.

В Тбилиси я слушал показания министра внутренних дел республики, который ска-

зал, что он официально информировал руководство республики, что нет никакой необходимости обращаться к армии и специальным войскам, что сотрудниками МВД республики может быть обеспечен полный порядок в городе. Это он сказал 7 апреля.

СПРАВКА. На документе, предписывающем использование подразделений внутренних войск для вытеснения толпы с площади у Дома правительства в г. Тбилиси, имеется подпись министра внутренних дел Грузинской ССР генерал-лейтенанта внутренней службы Ш. В. Горгодзе.

Каким образом это получилось в дальнейшем — это предстоит установить. В ходе событий 9 апреля, в ходе событий комendantского часа были дальнейшие эксцессы. Члены комиссии Верховного Совета Грузинской ССР задали вопрос прокурору республики: возбуждены ли дела по этим эксцессам? Но он сказал, что так как эти действия были произведены армией, то уголовные дела могут быть возбуждены военной прокуратурой.

Мы находимся под впечатлением того, что видели. Мы видели отравленных людей, мы были в одной больнице спустя три недели после этих событий, но и в двух других городских больницах находятся отравленные люди в количестве более 200 человек. Причем часть была отравлена уже потом; при переносе цветов с места события были новые случаи отравления. Были отравления школьников, когда отравляющие вещества проникли в подвальные помещения. Совершенно непонятно, как это могло произойти. Какие специальные средства были применены армией? Это очень важно установить. И кто дал приказ об этом применении? В каком количестве?

В одном из документов, который я видел, упоминаются два вида средств. По средству типа «Черемуха» указывается количественная характеристика по масштабу применения. Эта характеристика тоже должна быть подтверждена или опровергнута вами. При этом медики говорят, что названные два химические средства — газ «Черемуха» и К-51 — не дают той клинической картины, которая наблюдается у отравленных. Это тоже вопрос, который хотелось бы выяснить и понять, в чем дело. Может быть, мы выйдем на другие средства и какие в таком случае? Какие части кроме дивизии имени Дзержинского принимали участие в этих событиях, и как вы с ними взаимодействовали? Как вела себя милиция города, и каково было взаимоот-

**ЗОРКО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ,
НАДЕЖНО ЗАЩИЩАТЬ
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА
СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!**

ПОСТОЯННО, И ДНЕМ
И НОЧЬЮ,
В ЭПИЦЕНТРЕ
ВЗГЛЯДОВ —
ТРЕВОЖНЫХ,
ВЫЖИДАТЕЛЬНЫХ,
ЛЮБОПЫТНЫХ,
ОТКРОВЕННО
ВРАЖДЕБНЫХ.
И НЕЛЬЗЯ ИДТИ НА
ПОВОДУ У ЭМОЦИЙ.
В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ
СОХРАНЯЙ ВЫДЕРЖКУ
И ХЛАДНОКРОВИЕ,
ИБО ТЫ — КОНТРОЛЕР...

Фоторепортаж
старшего прапорщика
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ПО ТУ
СТОРОНУ...

ШАГИ
ФЕСТИВАЛЯ

«ЭТО МОИ ДОЙРЫ — МОИ ЗВОНКИЕ ДОЙРЫ. У НАС В УЗБЕКИСТАНЕ БЕЗ НИХ НИ ОДИН ПРАЗДНИК НЕ ОБХОДИТСЯ... ПОСЛУШАЙТЕ — КАЖДАЯ СВОИМ ГОЛОСОМ ПОЕТ. А МОЖНО И НА ДВУХ СРАЗУ ИГРАТЬ, И НА ТРЕХ — ЭТО КТО КАК НАУЧЕН. ЗНАЕТЕ ПЕСНЮ «В НАМАНГАНЕ ЯБЛОКИ ЗРЕЮТ АРОМАТНЫЕ...»? ХОТИТЕ, СЫГРАЮ!»

Фото Р. Рязанова.

ношение с ней? Какое отношение было к медработникам, присутствующим на площади? Есть свидетельские показания о том, что на площади была санитарная машина, которая там дежурила на тот случай, если что-то произойдет или кому-то станет плохо в ходе митинга. Это вовсе не имелась в виду операция. Что женщина-врач, которая дежурила там, была беременна. Была вытаскана из машины, стекла которой были разбиты солдатами, и женщина-врач убила. Мать этой женщины, узнав о случившемся, умерла в тот же день. Что вам известно об этом инциденте, потому что он особый по своему характеру, по своей жестокости. Много мы страшных вещей слышали о том, как людей избивали и как потом избитым людям прыскали химическое вещество прямо в лицо. Вот такие эпизоды были.

Есть даже свидетельские показания, что некоторых из оставшихся на площади, лежавших на площади добивали потом, уже тогда, когда площадь была очищена от людей. Правильно ли это? И относятся ли эти люди к числу пропавших без вести? Этот вопрос тоже вызывает большую тревогу. 13 человек числятся в настоящее время пропавшими без вести. Какова их судьба?

Очень важно выяснить характер инструкций, которые действуют постоянно в войсках. В каких случаях и какие средства можно применять? Какие инструкции были даны в данном, конкретном случае? Как они были доведены до личного состава? Может быть, можно даже будет ознакомиться с документами, которые распространялись среди личного состава. Создается впечатление, что личный состав не представлял себе, с кем имел дело, что имеет дело с мирной демонстрацией, с мирными митингами. Что митинги носили мирный

САХАРОВ А. Д. Важно, что это были мирные демонстрации, не угрожающие никому.

Капитан медицинской службы ЖИГАРЕВ В. Н. Наш автобус был подвергнут нападению. Мы кричали: «Здесь находятся раненые». Но несмотря на это, автобус был забросан камнями, булыжником, различными тяжелыми предметами.

характер, было очевидно из тех пленок, которые снимались до прихода войск и затем, как движутся с зажженными фарами бронемашин и за ними идут войска, которые разделяют людей на группы, перекрывают выходы, и потом начинается расправа. Вот то, что видно на пленках,

то есть та операция, которая была осуществлена. Это операция не по разгону митинга, а операция карательная по существу. Вот почему военная операция, в которой вы участвовали, почему она приобрела характер карательной операции? Когда об этом слышат люди, то из толпы раздаются крики «фашисты». Как это возникло? Почему наша армия попала в такое положение? Кто в этом виноват, кто вас дезинформировал, и каким образом вы были дезинформированы? Почему такая исключительная жестокость была проявлена к тем, кто собрался на площади и никому не угрожал?

НЕЧАЕВ Е. А. Вопросы здесь сформулированы. Давайте попытаемся порассуждать: была ли это мирная демонстрация? И надо было ли нам применять меры?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Одну минуточку, у меня есть некоторые сомнения. Я думаю, что разговор о политической окраске митинга, о том, как внутренние войска воспринимают этот митинг, несколько уведет в сторону. Этим мы можем завершить, когда получим определенную сумму фактов. Это должно стать результатом нашего разговора, а не заранее выведенной формулой. Хотя я не снимаю ваш вопрос.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Это не мой вопрос.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я понимаю, но недаром у Андрея Дмитриевича он стоял последним. Поэтому давайте начнем с первых вопросов, которые сформулировал Андрей Дмитриевич. Если позволите, я их сформулирую более коротко. Первый вопрос к командованию полка. Вы и ваши солдаты были в Тбилиси до этого?

Начальник штаба подполковник БАКЛАНОВ А. М. До этих событий личный состав в Тбилиси не находился. Он выполнял задачи в городах Спитак и Ленинакан в течение 3 месяцев.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Была ли проведена вами, как командиром, разведка места будущей операции, то есть конкретно топография города? Я поясню, почему это очень важно. Вы человек военный, и я человек военный, и мы с вами знаем совершенно точно: операция начинается с разведки. Значит, для того, чтобы ее провести, необходимо точно знать местность. Была такая разведка или нет?

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. Нам была поставлена задача на схеме, затем я с офицерами выдвинулся для рекогносцировки. При подъезде к площади Ленина, как вы говорите, митингующие, а нам казалось, что это не митингующие, встретили нас агрессивно. Подъезды к площади все были заблокированы автомобилями с прицепами, груженными гравием, шины проколоты. Были также и автобусы. Когда мы подошли и хотели пройти, чтобы оценить обстановку, узнать характер проводимого мероприятия, условия местности, освещен-

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

ность, для организации взаимодействия между подразделениями и частями, участвующими в операции, то представители или, как мы их называем, участники массовых беспорядков, нам сказали, что это граница свободной Грузии, вам прохода нет. Если вы туда пойдете, то мы с вами расправимся. Вот такие были призывы. На саму площадь перед Домом правительства мы не смогли пройти. Местность изучили по карте.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Следовательно, вы хорошо знали, что это вовсе не площадь, а карман улицы Руставели довольно небольшой по своей площади, по своему пространству, от которого идут улицы Руставели, два спуска с горы и еще один спуск вдоль церкви. Итого с этого участка, на котором собралось более 8 тысяч людей, вело пять выходов. Нормально? Выход во круг Дома правительства был перекрыт?

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. До операции мы не выходили на площадь. До начала операции была поставлена задача министром внутренних дел Грузии начальнику ГАИ убрать транспортные средства, чтобы дать свободный выход участникам этого мероприятия.

Когда мы вышли на исходное положение и находились там около 20 минут, было обращение начальника УВД города к гражданам, чтобы те разошлись с площади. Затем я непосредственно к ним обращался через мегафон о том, что их митинг не санкционирован, и просил покинуть площадь, ибо в противном случае будет применена сила. Часть граждан покинула площадь. Мы их пропускали через свои войсковые наряды и оставляли в таком положении до принятия окончательного решения на вытеснение и рассредоточение. Команду на это дал командующий войсками Закавказского военного округа.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Когда вы по времени обратились в мегафон к митингующим? За сколько времени до начала вашей операции? То есть до выступления католикоса, или после выступления, или когда шла молитва, или после молитвы? Время мы приблизительно знаем точно. Оно вам и нам известно. Когда именно вы обратились?

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. Я обратился к людям после выступления начальника УВД города и после выступления католикоса.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Мы страна многонациональная. Вы обращались по-русски?

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. Естественно. Я грузинского языка не знаю.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. А они не обязаны знать русский. Как быть в этих случаях? Вы понимаете, взволнованная толпа, плохо понимающая по-русски, ночь... Вот этот вопрос я говорю не в упрек, а на будущее. Я хочу, чтобы на нашей армии не осталось ни одного темного пятна. Я говорю о будущем. Дорогие мои товарищи. Обращаться нужно на языке народа и только на языке народа. Это упрек высшему командованию вашему, которое было обязано

предусмотреть переводчика. Иначе вас не поймут ни в Таджикистане завтра, ни в Эстонии послезавтра, вас не поймут, и они будут правы.

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. Я с вами вполне согласен. Сейчас мы речь ведем о происшедших событиях. Мы можем сейчас обсудить вопрос о перспективах развития тактики действий внутренних войск, их оснащенности, другие вопросы. Но обращение начальника УВД шло на грузинском языке.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я говорю об обращении непосредственных исполнителей. Теперь еще один вопрос. Вероятно, он будет касаться не вас, а прежде всего медиков. Скажите, пожалуйста, газ «Черемуха» абсолютно безвреден? Время контакта с ним, количество, все вместе взятое абсолютно безвредно?

Начальник медицинской службы части капитан ЖИГАРЕВ В. Н. Он относится к отравляющим веществам раздражающего действия, то есть вызывает раздражение слизистых оболочек глаз, слезотечение, раздражение верхних дыхательных путей — кашель, чихание, и человек просто уходит с места, где он имеет соприкосновение с этим газом. Газ совершенно безвреден для людей и не мог вызвать того отравления, о котором я здесь слышал.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Даже при долгом контакте? Вы представляете эту улицу, вы там были, это тесный закуток. Там собралось очень много народа, народа взволнованного, паникующего, народа бегающего. Я сейчас не беру другую ситуацию, просто мы люди и они люди. Мы туда бросаем, условно говоря, вот такой совершенно безвредный газ. От него нужно убежать, это мы все видим в кино, нам показывают, скажем, как разгоняют в Сеуле. Там с одной стороны идут войска, одетые примерно так же, как вы. Только у них немножко не такие бронежилеты. Они бросают на площадь гранаты, от которых демонстранты разбегаются потому, что им есть куда бежать. Было ли куда бежать той толпе, которая там была?

Капитан ЖИГАРЕВ В. Н. Непосредственно перед Домом правительства мы «Черемуху» не применяли, а применяли ее несколько дальше. Наши военнослужащие, как вы знаете, не надевали противогазов, никто из них не пострадал. Поэтому я думаю, что газы могли быть применены непосредственно в толпе экстремистами, чтобы вызвать тяжелые последствия.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Вы подозреваете, что эти газы применяли экстремисты?

Капитан ЖИГАРЕВ В. Н. Да. Некоторые были готовы к применению этих веществ, были с повязками на лицах. Значит, они, я считаю, вполне могли их применить под видом нашей «Черемухи», которая не вызывает таких отравлений, а обладает только раздражающим действием. Аналогичный газ применяется и в других странах, у нас он разрешен Минздравом.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Еще вопрос к вам, как к медику. Собираясь вытеснить, выражаясь официальным языком, некий митинг—сейчас я говорю не о Тбилиси — с какой-то площади, вы своих людей оберегаете от травм. Вы их одеваете в бронежилеты, каски, в руках у них щиты. Значит, вы заранее предполагаете некое возможное сопротивление от тех людей, которых попытаетесь вытеснить. Я допускаю, что оно есть. Значит, должно быть медицинское обеспечение этого. Следуют ли за вашими подразделениями санитарные машины? В Тбилиси это было?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. ...Армия не берет на себя защиту своих же сограждан, пострадавших, для оказания помощи.

Капитан медицинской службы ЖИГАРЕВ В. Н. Мы выводили женщин из толпы, оказывали им помощь, доставляли в безопасное место. И помогали... многим пострадавшим...

Капитан ЖИГАРЕВ В. Н. У нас в Тбилиси для медицинского обеспечения был выделен обычный гражданский автобус. В нем мы производили медицинскую помощь раненым военнослужащим. Здесь мы проводили сортировку: тяжело раненных мы отправляли на санитарной машине в госпиталь. Впоследствии этот наш автобус был подвергнут нападению, в нем были выбиты стекла, несмотря на то, что нападавшие видели, что в автобусе оказывали помощь. Мы кричали из автобуса: «Не кидайте сюда, здесь находятся раненые». Но несмотря на это автобус был забросан камнями, булыжником, различными тяжелыми предметами. Приходилось оказывать помощь раненым прямо на полу.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я немножко опять отвлекусь от тбилисской трагедии. Допустим, завтра что-то такое снова случится, все мы живем в довольно сложное время, и никто не снимал этого тяжелого долга с ваших плеч. Возможны еще неоднократные какие-то вытеснения откуда-то, скажем, с площади Пушкина. Не существует ли возможность, вероятность, что ваши бойцы нанесут травмы людям на площади, которые как бы мы их ни считали, до суда являются советскими людьми, причем неповинными до суда и к тому же советскими. А вы им нанесете травмы. Кто же их будет медицински обеспечивать, раз вы говорите, что у вас есть автобус только для своих? А для чужих?

Капитан ЖИГАРЕВ В. Н. Знаете, они предполагали, что будут такие тяжелые послед-

ствия. Я даже не успел заметить, как подъехали санитарные машины. «Скорая помощь» была уже наготове. Впечатление такое, что они уже предвидели ход событий. Все пострадавшие у них вывозились транспортом в больницы.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Насколько я понимаю, армия не берет на себя защиту своих же сограждан, пострадавших, для оказания помощи.

Капитан ЖИГАРЕВ В. Н. Извините, я этого не сказал. Наши военнослужащие видели в толпе очень много женщин. И это несмотря на то, что было уже поздно, 3—4 часа ночи. Что там делать женщинам, особенно беременным, которые там были? Мы выводили женщин из толпы, оказывали им помощь, доставляли в безопасное место. И помогали даже многим пострадавшим, провозжая их до «скорой помощи».

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я хочу знать, не стоит ли в инструкциях записать на будущее, чтобы сопровождали вас санитарные машины, которые обязаны оказывать помощь не только воинам, пострадавшим в этой схватке, но и гражданским людям, которые тоже советское население. Я имею в виду завтрашние события. Как вы считаете, как врач, нужно ли это делать?

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. Дело в том, что этот вопрос отработан. Мы только участвуем в проведении операции, мы маленькая частица во всем этом сложном механизме. Местные органы власти, министерство внутренних дел Грузии указывают, каким медицинским учреждениям участвовать в проведении специальной операции. Местные власти обеспечивают также санитарным транспортом. И второе, хотелось бы, чтобы наш разговор шел в форме диалога, а не в форме допроса.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Диалог возникнет сам собой, когда мы выясним некоторые вопросы.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Можно все это понять. Но давайте оставим в стороне лишние эмоции.

КОКОРЕВ В. И. [ветеран]. Я участник войны. Прослужил 34 года в войсках НКВД и свыше 20 лет в этой дивизии. Меня интересует вопрос: санкционирован ли был этот митинг или нет?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Вы не по адресу обращаетесь. Мы разбираем последствия трагедии, а не митинг.

КОКОРЕВ В. И. Вы хотите анархии? Уходите от прямого ответа, вы просто валите одно на другое. Посмотрите, как вы задаете вопросы. Вы провоцируете ребят.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Я еще хочу напомнить, что здесь не следствие. Давайте будем терпимы друг к другу.

Старший лейтенант НАКОНЕЧНЫЙ В. В. Я, конечно, все понимаю, уважаю товарищей, которые здесь присутствуют, уважаю программу «Взгляд», сам с удовольствием ее смотрю. Но моя жена, мои дети и соседи посмотрели эту передачу, и мой сын

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ

спрашивает меня: «Папа, неужели ты убийца, неужели ты гонялся за теми детьми, теми женщинами и убивал их?». Хотелось бы спросить у товарищей из «Взгляда», где они взяли эти сведения, которых совсем не было, мы хотим восстановить истину, а не разобраться в тактических действиях наших внутренних войск. Вот что нужно уточнить. Где эти факты взяли, что нас сделали убийцами,—вот что удивительно. Моя жена со мной после этого чуть ли не перестала разговаривать.

Полковник УКОЛОВ А. И. Мы договорились, что не будем давать политическую оценку этим событиям. Но Андрей Дмитриевич сразу дал такую оценку, он сказал, что в Тбилиси произошло противопоставление армии и народа. Извините меня, я сын простой крестьянки, меня воспитала Советская власть, дала образование. Я служил срочную службу три года. Как видите, дошел до полковника. Всем, чего я достиг и что имеет моя семья, я всем обязан Советской власти. В Тбилиси и в Грузии я два раза был. Оба раза служил там, уже будучи офицером. Не знаю, откуда поступили сведения, о которых здесь говорили. Вот официальный орган газета «Заря Востока» от 14 апреля этого года (показывает). Я хочу вам зачитать, какую оценку дал этим событиям ЦК Компартии Грузии. Здесь и ответ тем, кто сейчас говорит о мирном характере митинга. «Над центральным проспектом города день и ночь раздавались гнусные призывы к физической расправе с коммунистами, разжигались антирусские и националистические настроения, группы хорошо обученных, организованных людей пробирались на предприятия, останавливали работу сотен и тысяч людей, возвращали в парки пассажирские автобусы, били стекла, оскверняли памятники, направляли ударные отряды в другие районы республики, повсюду сея смуту, раздор, беспорядки. Так случилось в Кутаиси, Телави, Сухуми и других городах». Вот политическая оценка, которую дал ЦК КП Грузии, и мы сегодня не можем подвергать сомнению или отвергать эту политическую оценку. Теперь еще один вопрос. Я все-таки присоединяюсь к мнению тех товарищей, которые здесь сидят. Давайте вести диалог. Если мы хотим найти истину и прийти к какому-то общему знаменателю, позвольте и нам задать уважаемым гостям некоторые вопросы. Я хотел спросить Андрея Дмитриевича: откуда у него эти данные, которыми он оперирует? Что, у Андрея Дмитриевича есть официальное заключение правительственной комиссии? ЦК и Верховного Совета СССР? Думаю, что этого у него нет. Здесь сидят свидетели этой страшной трагедии. Вы поймите меня правильно. Я говорил об этом на пресс-конференции, которая состоялась в Тбилиси 17 апреля. Там были представители средств массовой информации. Правда, к большому сожалению, ни одна из газет не дала отчета об этой конферен-

ции. Я еще раз говорю, первый мой сын родился и вырос в Грузии, второй сын тоже воспитывался в Грузии, я люблю этот трудолюбивый и хороший народ. Но давайте, чтобы после нашей встречи у наших сыновей, которые находятся здесь, не было ни тени сомнения, чтобы у них не осталось неясности, когда они разъедутся по нашей любимой стране. И последнее. Сегодня идет бурный рост национального самосознания. Мы здесь много говорим и по всем этим вопросам часто выступаем. Как нам оценить эти события, вопросы языка, вопросы культуры, вопросы традиций? Мы это только приветствуем. Но когда вопрос стоит так: быть Советской власти в Грузии или не быть,—я к этим вопросам не могу относиться равнодушно.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Очень понятно, что нас эта трагедия трогает. Об этом говорит и всплеск эмоций. Но все же давайте приглушим свои эмоции. Я предлагаю послушать наших воинов, которые видели, слышали, ощущали все. Они постараются ответить на все вопросы, которые были поставлены в выступлениях.

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Здесь говорилось, что людям некуда было отходить. Откуда это взято, что людям некуда было отходить? Я отвечу на это просто. С другой стороны проспект был полностью свободен. Военнослужащие находились только впереди. Люди могли свободно уйти, но они этого не делали.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Не нужно в нас видеть злую силу, которая хочет во что бы то ни стало положить темное пятно лично на вас. Вы выполнили свой долг, и мы это прекрасно понимаем. Мы другим обеспокоены. Инструкции защищают вас от того, чтобы вы не сделали лишнего, или не защищают? Вот чем мы обеспокоены. Вот чем объясняются мои конкретные вопросы. Я в армии прослужил достаточно, и я знаю, чем регламентируется в армии жизнь. Она регламентируется инструкциями и приказами. Меня беспокоит, кроме всего прочего, чем регламентируется ваше поле деятельности, как оно регулируется, какие есть приказы, какие есть возможности этого избежать? Вот вы конкретно, вы там были. Вас кто-нибудь предупреждал, что женщин нельзя бить резиновой дубинкой?

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Существует инструкция по применению резиновой палки. В ней указывается, что против женщин и детей резиновая палка не применяется. Также не применяется она по голове и по жизненно важным органам.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Значит, такая инструкция есть? Это очень важно.

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Да, есть такая инструкция, и каждый военнослужащий нашей части с этой инструкцией знаком. И смею вас заверить, что никто из здесь сидящих ребят сам, если только он не защищался, не применял эту резиновую палку. Ее применяли только в тех случаях, когда непосредственно самому или товари-

щу угрожала опасность. То есть, если на меня бежит этот разъяренный гражданин с обручком железа в руках, то что же, я буду смотреть на него, как он меня ударит по голове?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я вас спросил об этом не для того, чтобы на вас что-то наговорить. Поймите меня правильно. Не надо здесь горячиться. Мы хотим все вместе выяснить пределы допустимого. Все дело в том, что я прибыл в Тбилиси через четыре дня после трагедии. В самые, вероятно, трагические дни Грузии, поскольку тела уже были дома. Мы прибыли на похороны, и сами понимаете, что момент похорон — это есть момент похорон, это трагедия. Мы встречались с очень большим количеством людей. Все, с кем мы встречались, нам рассказывали свою версию. Мы сюда пришли, чтобы услышать вашу версию. Вот в чем все дело. Мне в Грузии все в один голос говорили, что улицы были перекрыты. То, что грузины видели, мы уже знаем. Теперь что вы знаете?

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Я могу вам ответить, что я видел. Я видел улицы, перекрытые грузовиками, которые были загружены щебенкой. И эта щебенка летела в нас. Бутылки с различной зажигательной смесью кидали в нас, и ребята горели здесь же.

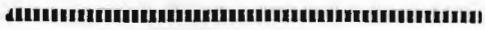
САХАРОВ А. Д. Сколько было грузовиков, и каким ведомствам они принадлежали?

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Они стояли на каждом практически перекрестке. И грузовики, и автобусы. У нас есть фотографии (показывает). А теперь у меня вопрос к вам, Борис Львович. Почему вы выступили в программе «Взгляд», а к нам или хотя бы к нашим ребятам, которые лежали в госпитале, не зашли? Не спросили, не узнали, почему, как это все произошло.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. В течение двух дней ни с одним из военнослужащих при всех наших просьбах нам встретиться не удалось.

Полковник УКОЛОВ А. И. 16 апреля на брифинге в ЦК КП Грузии прозвучало мое предложение о том, что мы приглашаем всех журналистов прибыть к нам в часть. Я знаю, что вам это было известно.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. По той простой причине, что нас в военный госпиталь просто не пустили. Вот и все. Элементарный ответ. (Смех в зале).

Старший сержант ПЕТРУНИН О. В. Если вы встречались с такими людьми, как прокурор и т. д., то что, вы не могли решить этот вопрос?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Мы встречались с Шеварднадзе, а вот встретиться с кем-нибудь из военных так и не смогли.

Полковник УКОЛОВ А. И. Вы когда вернулись из Тбилиси, Борис Львович?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. 17 апреля.

Полковник УКОЛОВ А. И. 16 апреля на брифинге в ЦК КП Грузии прозвучало мое предложение о том, что мы приглашаем всех журналистов прибыть к нам в часть. Я знаю, что вам это было известно. К нам на пресс-конференцию прибыли 28 журналистов. Мы показали все: как одеты военнослужащие, как они действуют, потом мы пригласили журналистов к нашим военнослужащим, которые находились в госпитале и лазарете. Многие из этих парней, которые здесь сидят, присутствовали на этой пресс-конференции. Я думаю, что если кто-то захочет, он всегда найдет такую возможность встретиться с военнослужащими.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я там был не один. Нас была там целая группа. И тем не менее несмотря на то, что мы очень просили, мы туда не попали. Я не могу сейчас сказать, кто этому воспротивился или не воспротивился, программа у нас была жесткая, всего 2 дня, но в течение этих двух дней ни с одним из военнослужащих при всех наших просьбах нам встретиться не удалось.

Рядовой ДОБРОВОЛЬСКИЙ А. Г. Когда мы подходили к Дому правительства, то из толпы на чистом русском, во всяком случае на хорошо слышимом русском языке, выкрикивали призывы о том, чтобы покончить с Советской властью, перерезать всех коммунистов, и нас, еще ничего не сделавших солдат, называли фашистами, когда мы подошли (буквально 10 метров отделяли нас от этой толпы), то уже из этой толпы выносили раненых женщин. Мы еще соприкосновения с ней никакого не имели. Мне больно слышать, что будто мы, военнослужащие, убивали женщин, потому что я лично, вытаскивая из толпы женщину, получил повреждение ног камнями. Это вам о чем-нибудь говорит?

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Вы оказывали помощь?

Рядовой ДОБРОВОЛЬСКИЙ А. Г. Да. Я лично выносил эту женщину. Помогал выходить из толпы и ефрейтор Виноградов.

Ефрейтор ВИНОГРАДОВ А. В. Я лежал в госпитале с 9 апреля по 19 апреля. Ко мне приходили все, кто желал, ко мне пускали всех, даже тех людей, которые были настроены против нас. Даже когда я лежал почти без сознания на койке, ко мне подошла женщина и спросила: «Мальчик, в какой руке ты держал лопату? Какой рукой ты убивал ребенка и убивал женщину?» У меня комок в горле собрался, и я не мог ничего ответить. Она сказала: «Вы всех положили и положили специально, пойдите

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

в городскую больницу, посмотрите, сколько там отравленных и убитых людей».

Вы еще говорите о «скорой помощи». Я ехал сначала в воинском автобусе, стекла были выбиты, мы лежали на полу. У меня лицо было полностью изуродовано, я потерял сознание, очнулся в «скорой помощи».

Я лежал в госпитале, ко мне через день приходили наши ребята, которым спасибо за все. Приходили офицеры, которые меня не забывали, и даже незнакомые люди, которые предлагали деньги, яблочки приносили каждый день. Я им буду благодарен до конца своей жизни. Грузинский народ я уважаю, но не тех людей, которые там подстрекали всю толпу, которые бросали в нас все. Когда я открыл щит, пропуская женщину, в меня полетела выхлопная труба от автомашины. Я упал, потерял сознание. Потом почувствовал, что правая сторона лица стала распухать. Потом еще целую неделю глаз был как бы покрыт пленкой. Я не мог им видеть, а честно говоря, я и сейчас им плохо вижу. Мне сказали врачи, что через 5—10 лет эта травма скажется.

Когда я смотрел программу «Взгляд», где вы выступали, мне стало стыдно за ваши слова, когда вы сказали, что мы только убивали и резали. Мне кричали на площади: «Фашист, зачем ты пришел убивать людей?» Я за 20 лет своей жизни не услышал столько плохих слов в свой адрес, в адрес наших ребят, наших офицеров, сколько я услышал за эти пять минут, когда мы вошли на площадь. Со мной лежал парень с пробитой головой. Он успел сделать на площадь только один шаг, и его ударили по голове чем-то тяжелым. Со мной еще один парень лежал. Вот он сидит сейчас здесь рядом, старший сержант Поляков. Он получил сотрясение мозга через каску, я даже не знаю, чем в него бросили.

Я уважаю своих командиров, которые не говорили: «Убивайте, ребята». Они говорили: «Защитайтесь, ребята, бить только в крайнем случае и бить не по голове, женщин и детей вообще не трогать». И вы сами знаете, что женщин и детей мы не трогали. А местные органы внутренних дел, которые стояли слева на ступеньках, бездействовали. Я честно скажу, это меня удивило. Когда я посмотрел в левую сторону, то увидел, что органы власти стали куда-то исчезать. Возле Дома правительства я вообще никого не видел, хотя я прошел почти до конца операции.

Со мной еще один парень лежал, он получил ножевое ранение в живот и ягодицы. Его втащили в толпу, кололи ножами, когда в той же толпе его подобрали те же грузины и поднесли к шеренге милиции и попросили забрать его, то те отказались это сделать. К раненому потом подбегали из толпы, избивали его ногами.

Я приду домой, и мне скажет мама: «Сыночек, зачем ты убивал?». Я ей скажу: «Мамочка, извини, нет». Она мне ответит:

«Вот тебе, сынок, газета, вот тебе телевидение, то, что люди говорят».

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Вы знаете, дорогие друзья, ваши волнения понятны, объяснимы. Объясними по-человечески. И конечно, об этом должны знать товарищи, которые присутствуют здесь. Надо сказать, надо высказаться. Но вот что мне невольно вспомнилось. Когда наш боевой товарищ говорил о том, что к нему многие в госпиталь приходили, в том числе и гражданские лица, представители грузинской национальности, предлагали деньги, фрукты приносили. Не здесь ли главная суть понимания того, что такое советский народ и что такое наш общий дом.

В прессе проскальзывает мысль о том, что внутренние войска — против народа. Так против народа или во имя народа мы подставляли под удар свои молодые головы? Что мы видели перед собой, когда вступали на площадь? Против кого мы применяли специальные средства, хотя и согласно известному Указу, во имя чего?

Старший лейтенант НАКОНЕЧНЫЙ В. В. Когда мы приехали для размещения на стадион «Динамо», еще до проведения операции, нас встретили женщины, которые там работали. Это были грузинка и русская. Они плакали. Это могут подтвердить солдаты и офицеры нашего подразделения, плакали и встречали нас, говоря: «Наконец-то вы наведете здесь порядок, защитите нас. Хулиганы распоясались, бьют витрины, не пускают на работу».

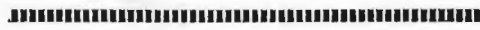
После проведения операции, когда мы еще находились на стадионе «Динамо», к нам подходили простые рабочие люди, которые работали на этом стадионе, рабочие-грузины с других предприятий, рабочий класс. Они все подходили и говорили, что полностью нас поддерживают. Говорили спасибо за то, что мы, рискуя жизнью, спасли их. И когда мы выезжали оттуда, то мужчины, которые работали на стадионе, выходили, и женщины махали нам платками и плакали. Это еще раз доказывает, что мы защитили народ. И еще один момент: вот эти все люди, которые здесь сидят, они принимали участие, самое непосредственное, в Сумгаите, когда там шла настоящая резня. Они подставили свои жизни, защищая других людей. Как можно так говорить? Еще полгода назад мы были защитниками, а теперь фашисты и убийцы. Неужели в людях может так быстро перемениться сознание и мы так быстро стали жестокими?

КАРЯКИН Ю. Ф. Я думаю вот о чем, я просто ставлю себя на ваше место. По некоторому тону вопросов, вот товарищ, который прослужил в войсках 34 года и сохранил горячность чувств, я вот о чем подумал: повторись завтра все это, неужели каждый из вас точно так же поступил бы? Или как-то иначе? В чем же тогда трагедия? Тогда трагедии нет. Вы выполнили приказ, вы должны получить благодарность за выполнение приказа. У меня

нет готовых ответов, но ведь и у вас нет готовых ответов, ребята. Это ведь вещи, о которых каждый должен себя спрашивать: «Повторись это еще раз?» У меня тоже был случай, когда я, защищая правое дело, чуть не убил человека. Мне это снится лет 30, и потом меня этот сон спасал от таких вещей, которых я себе никогда не позволю. И вот что я хочу: чтобы каждый из вас не отрапортовал сейчас, не отмаршировался, а каждый из вас подумал: «А случись все заново?..»

Но давайте не будем препираться. Есть 14 убитых ваших же невест, ведь каждый из вас на ней мог бы жениться, сложись судьба иначе. Они убиты. Вот проблема.

Рядовой ГЕРАСИМЧУК А. П. Я участвовал в операции с самого начала до самого конца, шел в первой шеренге, непосредственно соприкасался с толпой возле Дома правительства. И я отвечаю на ваш вопрос: случись это еще раз, я действовал бы точно так же, только сейчас был бы более осмотрительным, больше бы смотрел по сторонам, больше бы вглядывался в толпу, постарался бы запомнить тех, кто бросал в меня камнями, брызгал в меня дихлофо-

КАРЯКИН Ю. Ф. Не будем препираться. Есть четырнадцать убитых ваших же невест...

Рядовой ГЕРАСИМЧУК А. П. Около Дома правительства была целая свалка, лежали там люди десятками... друг на друге. Одни падали, другие пробегали по ним...

сом. Чтобы потом, когда, начитавшись газет и насмотревшись телевизор, в меня будут тыкать пальцами и будут говорить, ты, мол, убийца, я бы знал, как им ответить. Чтобы мои слова были аргументированны и у меня были факты. Поскольку у меня сейчас фактов мало, я не могу полностью вам ответить, чтобы вы были уверены, что я говорю правду.

КАРЯКИН Ю. Ф. Я опять верю вашему тону и вашим глазам, согласен с вами, но я хочу задать еще один вопрос. Конкретно видел кто-либо из вас убийство этих девочек? Кто-нибудь из вас видел, кто их убивал?

Рядовой ГЕРАСИМЧУК А. П. Около Дома правительства была целая свалка, лежали там люди десятками, они лежали там штабелями, друг на друге. Одни падали, другие пробегали по ним и тоже падали. Образовалась давка.

В какой-то местной газете я читал, что одна женщина говорила о том, что она не видела никакой давки и люди погибли не

от этого. Сама она нашла убежище в церкви. Но давка там была страшная. Некоторые люди уходили, некоторые пытались уйти. Но были и такие, кому не давали уйти, их сажали на землю, прикрывались ими, чтобы они прижимались к щитам. На моих глазах двое с одеялами на плечах (по-моему, это были голодающие) ввели под руки девушку, которая хотела уйти. Они ей не дали уйти, силой посадили на землю. Потом она выскочила и побежала вдоль шеренги. Ее никто не ударил палкой, не подставил подножку, не прижал щитом. Ее пропустили за цепочку, а эти двое мужчин вскочили и убежали в толпу.

Другие люди, которые пытались протаранить нас бревном, шли не по свободному асфальту. Они бежали по людям, которые лежали на асфальте. Бежали с бревном, чтобы ударить солдат.

КАРЯКИН Ю. Ф. У меня еще один вопрос. Когда вы отправлялись отсюда, как вы инструктировались политически? Я понимаю, часть бросают на подавление, ну скажем, мятежа...

Рядовой ГЕРАСИМЧУК А. П. Извините, я хочу вас немного поправить. Мы отправлялись не отсюда, а из города Ленинакана. Мы помогали пострадавшим от землетрясения людям. Помогали, охраняли общественный порядок.

КАРЯКИН Ю. Ф. Это тем более делает все трагичным. А я вот что хочу спросить: политические инструкции, политчасы?..

Рядовой ГЕРАСИМЧУК А. П. Я вам скажу на этот счет. Мы более трех месяцев находились в командировке в Закавказье. Сначала в Баку несли службу, когда произошло землетрясение, были в Спитаке, потом нас перебросили в Ленинакан. В Ленинакане мы несли боевую службу больше месяца. Мы охраняли различные объекты, обеспечивали нормальные условия для жизни и работы населения. Хотя мы службу несли там через сутки, у нас были и занятия, в том числе и политические. На этих занятиях нам объясняли положение в стране, говорили, например, о том, в каких регионах сейчас неспокойно. А вот перед убытием в Тбилиси нам сказали, что там произошли события, которые могут привести к массовым беспорядкам. Нам говорили, что там происходят несанкционированные митинги, которые сначала были связаны с Абхазией.

Когда мы приехали в Тбилиси, совершив марш ночью, и не смогли как следует отдохнуть, то на площади нас сравнили с инопланетянами (писала местная пресса). Конечно, после такой командировки трехмесячной, за прозрачными щитами мы действительно были похожи на инопланетян. Нам сказали, что на центральной площади в Тбилиси проходит несанкционированный митинг, что участники собираются не в первый раз и, возможно, будет проведена операция по вытеснению их с площади.

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

с воздушно-десантными войсками. У нас откровенность предусмотрена в самой жизни, в самой крови. И я беседовал с теми солдатами, которые были там. И в один голос заверения такие, что воздушно-десантные войска, которые обеспечивали порядок, патрулировали вместе с представителями гражданского населения, с комсомольцами, которые были выделены для наведения общественного порядка. Отношения между грузинами и русскими были вполне дружеские. Не было случая применения не только холодного оружия, но и даже случаев рукоприкладства. Не было никаких конфликтов, кроме выкриков из-за забора. И вот я склонен думать, что в этом трагическом событии крайне необходимо разобраться, вплоть до назначения государственной комиссии, государственного расследования, дальнейшей публикации материалов этого расследования. Чтобы эта взаимосвязь не рушилась людьми, которые заинтересованы в том, чтобы нарушить единство между армией и народом. Я в этом твердо убежден и буду стремиться к этому, используя свою депутатскую деятельность. Кстати, меня избрали народным депутатом СССР не военные, а гражданские люди, оказав мне доверие как военнослужащему.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Я должен проинформировать, наши товарищи это знают, что сейчас создана комиссия Верховного Совета СССР, проводят соответствующие расследования органы юстиции, военной прокуратурой возбуждено уголовное дело. Некоторые товарищи сегодня ездили давать официальные показания. Комиссия объективно разберется, кто виноват в этой трагедии, кто виноват в гибели людей. Но организаторы несанкционированного митинга были не простыми людьми. Кто призвал, кто спровоцировал нарушение общественного порядка? Это что, перестройка? Перестройка, мы знаем, — революция, а революцию надо защищать. Мы много говорим о правовом государстве, но, извините, правовое государство в основе своей имеет закон, который надо уважать. Мы много сейчас говорим о несовершенстве в законодательстве. Правильно говорим. Но изменять законы надо законным порядком, который существует в государстве, а не путем призыва к хулиганским действиям, отвлекающим от той перестройки, которую мы понимаем и которую мы будем защищать.

ХАРЧЕНКО К. А. Андрей Дмитриевич на предстоящем Съезде народных депутатов как раз и будет бороться за то, чтобы изменить эти законы, изменить эти инструкции, которые несовершенны в Вооруженных Силах. В основе новых военных инструкций будут лежать и общегосударственные интересы.

КАРЯКИН Ю. Ф. Инструкции надо менять, я напомню вам, что это необходимо. По ныне действующей инструкции Андрей Дмитриевич отеидел законным образом в

городе Горьком довольно длительное время. Так что эти инструкции менять нужно и вам, и нам.

Ефрейтор ТОПОРОВ Д. В. У меня вопрос к Андрею Дмитриевичу. Вот вы, будучи в Канаде, заявили, что якобы в Афганистане советский вертолет расстреливает своих же. Это утверждение, кстати, опроверг командующий армией генерал Громова.

САХАРОВ А. Д. Вопрос не по теме, но раз уж он задан, я отвечу. Мне был задан вопрос о том, что находясь в Канаде, собираюсь ли я поставить перед канадским правительством вопрос о возвращении всех советских военнопленных, которые находятся в Пакистане в руках моджахедов. Я ответил, что этот вопрос должен быть решен не канадским правительством, а в результате прямых переговоров между теми, в руках которых находятся эти военнопленные, и советской стороной, в руках которой находятся военнопленные другие и также находятся заложники — члены семей моджахедов. В частности в Ташкенте. Я считал, что этот вопрос может быть решен только в результате прямых переговоров, в результате признания моджахедов воюющей стороной, воевавшей стороной. Сейчас мы с ними уже не воюем, к счастью, именно так. Именно это было главным в этом разговоре. Судьба военнопленных. С обеих сторон был затронут вопрос о том, что (я при этом основывался на передачах западных радиоголосов, в частности ФРГ, которые слушал, находясь в Горьком), о том, что были случаи расстрелов с вертолетов попавших в окружение советских воинов. Дальнейшее развитие было такое, что мне, с одной стороны, было сообщено, что действительно случаи, когда рас... обстреливали попавших в окружение солдат, могли быть. Но это могла быть только ошибка. Сознательно такого быть не могло. С другой стороны, трудно разбирать, что ошибка, а что не ошибка. Во всяком случае, у меня были конкретные сообщения, на которых я основывался. Поступали и другие сообщения, что такие факты ил ели место, но это было уже потом. Во всяком случае, в тот период, в период застоя, всякое происходило, в частности, могло происходить и такое, могли быть люди, которые могли быть заинтересованы, чтобы не было советских военнопленных у той страны, которую мы не признаем за воюющую сторону. И это могло быть пятном на данной части и т. п. Могло быть, исключить этого нельзя. Этот вопрос в настоящее время рассматривается военной прокуратурой СССР. И соответствующие заключения будут даны.

БОННЭР Е. Г., жена академика Сахарова. Эти случаи были в 1981—1982 гг., после 1983 года этого не было.

САХАРОВ А. Д. У меня вопрос к присутствующим. В числе свидетельских показаний, которые мы слышали в Тбилиси, рассказывается такой эпизод, что один из военнослужащих пытался оказать помощь

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

дело. Вот ради чего я приехал сюда. В ваши глаза посмотреть, услышать вас, узнать другую сторону правды. Я узнал много интересного для себя, очень много. Но повторяю, заклинаю сидящих здесь в зале, как старший, как ваш дед, всегда помните, что вы мужчины и вы солдаты. Никогда об этом не забывайте на будущее...

Голос из зала. Борис Львович, мы всегда об этом помним, что мы мужчины.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Не заметил.

Голос из зала. Вы этого не заметили?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Нет. В ваших ответах этого не было. Никто не сказал «сожалению».

Старший лейтенант СЮРТУКОВ И. Н. Я внимательно вас выслушал, внимательно смотрел программу «Взгляд». За моими плечами много лет службы в нашей прославленной дивизии. Вот вы скажите, как представитель народа (я тоже представитель нашего народа советского), есть ли какая-либо реальная сила, способная сейчас восстановить порядок в Закавказье, хотя бы в данный момент в Степанакерте? Сила, единственно способная восстановить там порядок, чтобы не проливалась кровь?

Вы помните, наверное, о тех трагических событиях, которые произошли в Англии? Тогда на стадионе погибли люди. Кто там был организатор, кто спровоцировал гибель людей? Английская полиция, что ли? У нас в Лужниках был случай, когда погибло 80 человек. Это что, армия была виновата? По вашим словам выходит, что мы виноваты.

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. К сожалению, вы меня не поняли.

Ефрейтор ХОРОШЕВСКИЙ А. М. Понятно, что произошла трагедия. О ней надо говорить, и молчать нельзя, потому что погибли люди. Женщины погибли. Самое святое, что у нас есть. Лично у меня не поднимется рука на свою мать, на сестру, на невесту. Как можно? Я воспитан так, чтобы не обидеть женщину. А вы своими высказываниями... Вот эта ваша фраза: «У вас нет чести, вы не мужчины».

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Да, я еще раз повторю свою фразу, я говорил: «Не забудьте, что вы мужчины!». Не забывайте об этом.

Ефрейтор ХОРОШЕВСКИЙ А. М. Я слышал здесь такие слова: «Я чуть не убил человека, и это снится мне 30 лет». Мне всю жизнь будет снится та ночь, когда в меня летели камни, бутылки. Сумгаит мне будет снится, армянин, которого мы защищали, когда его отрубленный палец упал мне на сапог. Это будет мне помниться всю жизнь. Подумайте, что было бы, если бы мы опоздали? Что могло бы произойти в Тбилиси, если бы мы не приехали? Я люблю нашу страну, Советскую власть, они меня вырастили и дали очень много. И я не хочу, чтобы кто-то поднял руку на это святое, отнял, уничтожил...

Рядовой ЯСЕНКОВ И. В. Там, на площади, уже выбрали правительство. Оставалось только столкнуть старое. Телецентр уже

захватили. Что было бы, если бы опоздали хоть на день? Мы были бы виноваты. Мы опоздали в Сумгаит, и до сих пор нас за это винят.

КАРЯКИН Ю. Ф. Вот видите, как я понял, вы наконец ответили на мой вопрос. Вы ехали туда спасать правительство Грузии (оживление в зале). Я об этом и говорю, что, стало быть, вы получили такую политическую инструкцию. У меня гипотеза.

Рядовой ЯСЕНКОВ И. В. А у меня уверенность, что мы ехали защищать народ.

КАРЯКИН Ю. Ф. Видите, у вас уверенность в 20 лет, а у меня гипотеза в 60. И нам еще предстоит выяснить, кто дал вам такую инструкцию, что вы там спасали Советскую власть. А у меня гипотеза о том, что кто-то меня, вас, грузин, абхазцев, русских, эстонцев провоцирует, стравливает на гражданскую войну. Вы поймите, вопрос очень серьезный.

Рядовой ГЕРАСИМЧУК А. П. Вы были военнотружеником? Скажите, воинская часть, которая выполняет задачу в каком-либо другом регионе страны, может просто так, без подготовки уехать, оставить все, что мы там сделали? А мы уехали по просьбе правительства Грузии не для того, чтобы только защитить это правительство, а для защиты Советской власти рабочих, народа, который там живет, а не кучки тех людей, которые выкрикивали лозунги на этой площади: «Режь коммунистов!».

КАРЯКИН Ю. Ф. Милый юноша, в этом то и надо разобраться. Кто дал такое указание, чтобы приехали спасать правительство Грузии, которое дало приказ стрелять в собственный народ?

Голос из зала. А кто стрелял? Мы не стреляли!

КАРЯКИН Ю. Ф. Убивать, я имею в виду.

Голос из зала. А кто убивал?

КАРЯКИН Ю. Ф. Почему это правительство ушло в отставку, вам ясно, а мне не ясно. И вы не полемизируйте, вы прекрасно о себе сказали: «Повторится — я все так же буду делать». Но это чудовищно. Дня нельзя прожить так, как ты прожил.

Голос из зала. Что вы считаете чудовищным?

КАРЯКИН Ю. Ф. То, что вы ответили на мой вопрос. Повернися все заново, неужели для каждого из вас не было бы другого выхода?

Майор АВАЛЯН А. Г. Ни одну женщину, ни одного ребенка солдаты не тронули. А Советскую власть надо защищать, и мы будем ее защищать. Я отвечу вам, как армянин, поскольку речь идет о Закавказье. Отец у меня старый большевик, вместе с Шаумяном сидел в камере смертников. Кировабадский армянин. Я лично благодарен ребятам. Находясь в служебной командировке в Ереване, я многое понял. Я понял многие вопросы, о которых, может быть, здесь и неуместно говорить. Но каждый армянин, подходя ко мне, говорил:

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

Командир дивизии генерал-майор БОСОВ В. В. Вопросы, поставленные здесь, очень интересные. И, конечно же, на них надо найти ответ. Мне хотелось бы обратиться к представителям прежде всего прессы. Больные вопросы для нас, тем более мы являемся участниками событий в Тбилиси. Но давайте вернемся хотя бы коротко к тем условиям, которые послужили основой для применения войск. Во-первых, наличие организаторов несанкционированного митинга. Наличие людей, если их так можно назвать, которые препятствовали поддержанию общественного порядка в районе проспекта Руставели.

Нужно отдать должное организаторам этого несанкционированного митинга, которые заранее позаботились, и серьезно позаботились, загрузив машины щебнем и булыжником, чтобы воспрепятствовать органам внутренних дел, внутренним войскам выполнять свои обязанности. О целях, которые ставились организаторами этого митинга, мы с вами говорили. Это и захват здания Центрального Комитета партии, и захват политической власти, и объявление уже нового состава руководства республики. Решение о прекращении этого несанкционированного митинга было принято руководством республики Грузии с привлечением сил органов внутренних дел и Вооруженных Сил.

Надо учитывать, конечно, и ту обстановку, которая сложилась в городе Тбилиси. А также в городах Рустави, Кутаиси, где также раздавались призывы к нарушению общественного порядка. Поэтому отрицать это, видимо, очень трудно и сложно. Тем более что, я еще раз повторяю, решение было принято руководством Грузии. Массовые беспорядки, я высказываю свое собственное мнение, являются преступлением. А участие в массовых беспорядках — правонарушение. И поэтому, конечно, материалы расследования расскажут о происшедших событиях и степени вины. Мы — за правду, только за правду, без всяких искажений. Что касается нашей с вами чести, то я должен сказать, что люди эти действительно высокой чести, отдающие себя без остатка службе охраны общественного порядка. Это и шесть предотвращенных пожаров, и около двух тысяч боеприпасов, изъятых у задержанных, и около тридцати единиц огнестрельного и ста пятидесяти единиц холодного оружия. Это все могло быть направлено против рабочего человека. И поэтому хотелось бы, чтобы события освещались правдиво, с участием всех заинтересованных сторон. Что касается военнослужащих, которые присутствуют здесь, в этом зале, это люди действительно высокой чести. Спасибо им.

КАРЯКИН Ю. Ф. Вопрос к товарищу генералу.

У меня к вам, товарищ генерал, один вопрос. Борис Львович говорил о чести, а честь была и у русской армии. Давались бесчеловечные приказы, а офицеры отка-

зывались выполнять эти приказы. Меня мучает этот вопрос, а мучает ли он вас? Почему Родионов, скажем, был против применения войск? Значит, была другая альтернатива? Или он ошибался? Как вы думаете об этом?

Генерал-майор БОСОВ В. В. Я думаю, что этот вопрос прежде всего к генералу Родионову. Он, наверно бы, точно ответил на ваш вопрос.

КАРЯКИН Ю. Ф. Стало быть, была альтернатива у него?

Генерал-майор БОСОВ В. В. Видимо, он по-своему оценил обстановку.

САХАРОВ А. Д. Министр внутренних дел Грузии тоже считал, что есть альтернатива, и он заявил это совершенно официально.

ХАРЧЕНКО К. А. Хочу задать такой вопрос солдатам. Представим такую ситуацию, что ваш непосредственный командир дает приказание стрелять в собравшуюся толпу. Вы вооружены автоматами. Ваши действия? Это не провокационный вопрос, товарищи, он очень сложный. На него, может быть, сразу нелегко ответить.

КАРЯКИН Ю. Ф. А я добавлю справку одну. В ряде стран есть в конституции положение, предусматривающее эти моменты. У нас нет таких законов, к сожалению, которые предусматривают такие моменты. Как мы отнесемся, если командир отдаст незаконный приказ? Ведь может он быть незаконным? Может, и такие приказы бывают, которые расходятся с нашими основными положениями советского военного законодательства (шум в зале).

Голоса из зала. А кто может определить, законен или незаконен приказ?

Ефрейтор РАЗОРЕНОВ Г. В. Я должен немедленно и беспрекословно выполнить приказ.

Реплика ХАРЧЕНКО К. А. Так точно.

Ефрейтор РАЗОРЕНОВ Г. В. А дальше я могу уже обжаловать его.

ХАРЧЕНКО К. А. Так, дорогой мой, вы уже откроете огонь, укокошите людей, а потом обжалуете.

Ефрейтор РАЗОРЕНОВ Г. В. Дело в том, товарищ майор, что у своей матери я один, я люблю ее, понимаю, люблю своих родственников, неужели я могу стрелять в безоружную толпу? Я, например, лично не смог бы этого сделать. Да и никто мне такой приказ не отдаст.

ХАРЧЕНКО К. А. А если отдаст и вы не подчинитесь? Тогда вы нарушите основной закон. У нас устав, который предусматривает, что я должен выполнить приказ командира... Почему я завел эти рассуждения? Потому что перестройка, которая осуществляется у нас сейчас в государстве, также касается Вооруженных Сил и требует пересмотра тех наших основных законов, которыми мы живем.

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. У меня есть ответ. Вы действительно задели интересный вопрос. Конечно, наша система требует доработки, но вы, как военнослужащий, должны понимать, что каждое ре-

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ

шение младшего командира утверждается старшим командиром, то есть он не самостоятельно принимает решение, он докладывает его старшему командиру, и когда старший командир утвердит, оно выполняется. Это—первое.

Второе—перед принятием решения командиром подчиненные могут принимать участие в обсуждении его. Но когда решение принято, военнослужащий должен выполнить его так, как записано в уставе — беспрекословно, точно и в срок.

У меня есть вопрос к тов. Васильеву. Он создал произведения, на которых воспитываются поколения молодых людей. И в то же время он вкладывает в уста одному из пожилых грузин (у меня в руках газета от 9 мая «Молодежь Грузии») фразу: «Пусть лучше мой сын отсидит в тюрьме, но я его в армию не пущу».

Каков контраст таких больших по значимости произведений и вот этих слов, вложенных в уста этого грузина. Это ведь не только слова грузина, но и слова автора—человека военного, писателя...

Мы здесь познаем друг друга, и хотелось бы, чтобы Борис Львович коротко рассказал о себе, о проблемах, которые его волновали тогда и теперь. Хочется задать вопрос, во что выльется эта фраза для воспитания нашего подрастающего поколения, для тех людей, которые придут на смену вот этим ребятам, выполнившим свой долг? Да, мы скорбим о тех жертвах, пытаемся найти причину. Но вот эти слова, что посеют они в народе, во всем нашем подрастающем поколении, с каким чувством придут они в армию и пойдут ли служить вообще? Кто будет отстаивать завоевания социализма, неприкосновенность наших границ? А если они, молодые люди, придут во внутренние войска, то как они будут защищать интересы государства, общественный порядок?

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Я ничего не вкладывал грузину в уста, это он мне сказал. Это не рассказ, это репортаж. Это его слова, которые я с горечью услышал.

Биография же моя довольно простая, я сын офицера, вырос в военных городках, я всю жизнь гордился армией и горжусь ею, я воевал, кончил бронетанковую академию.

А вот то, что сказал мне грузин, — это меня ударило по сердцу, потому что учат и воспитывают не словами, а действиями. И только действия воспринимает народ. А мы все словами пытаемся учить. Поздно, доучились! Работать пора, пример показывать хороший, честный, а не болтать — кто будет защищать и что будут защищать. Найдем кому защищать.

Подполковник БАКЛАНОВ А. М. У меня в руках газета «Правда» за 5 мая этого года. В передовой статье этой газеты «Сильная и смелая пресса», посвященной Дню печати, В. И. Ленин, говоря о словах писателей (а сейчас у нас и телевидение есть, и радио), говорит: «...Мы не намерены сде-

лать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса...».

Какие идеи вложил этот грузин с вашей помощью? Марксистские?

САХАРОВ А. Д. Дайте сказать женщине. **Полковник НЕЧАЕВ Е. А.** Вам слово, Елена Георгиевна.

БОННЭР Е. Г. Вы знаете, ребята, я служила, я знаю, что такое приказ и что такое честь. Надеюсь, что понимаю. Но мне бы хотелось, чтобы сегодняшние молодые люди поняли еще одну вещь — что у нас постепенно произошла подмена понятий. Когда-то говорили: «Служу советскому народу», потом стали говорить: «Служу Со-

ВАСИЛЬЕВ Б. Л. Не прозвучало ни одного слова сожаления по поводу загубленных жизней, раненых и отравленных.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Мы собрались здесь по общей боли... Мы скорбим о случившемся.

Майор АВАЛЯН А. Г. То, что произошло в Тбилиси, волнует и мою мать, и меня, и присутствующих здесь солдат.

Ефрейтор ХОРОШЕВСКИЙ А. М. Произошла трагедия. О ней надо говорить, молчать нельзя, потому что погибли люди. Самое святое, что у нас есть.

ветскому Союзу». Так вот народу надо служить, а не государству. Государство бывает ленинским, бывает сталинским, хрущевским, брежневским и т. д. и т. п. И вот мы сейчас стоим на пороге того, что выбирали новый Съезд народных депутатов. Мы все надеемся, что это будет народная власть, народовластие, мы идем к новым понятиям и, соответственно, к новым представлениям о том, что такое воспитание, в том числе и воинское.

Сегодня вы обижены на «Взгляд», на средства массовой печати, на комиссию, которая к вам приехала. Вам кажется, что вас обвиняют в поступках, позорящих вашу честь. Но ведь они приехали не обвинять,

Сегодня на средства массовой информации обижаются «афганцы». Но обвиняют не ребят, которые воевали в Афганистане, их можно только жалеть. Обвиняется строй, который придумал никому не нужную, не справедливую, не защищающую, а позорящую страну войну. Ребят никто не обвиняет, но обижаются ребята, травмированные и погибшие на этой войне. То же самое сейчас происходит с вами. Вы не должны обижаться, и вас никто не обвиняет. Мы приехали сюда, потому что хотим понять, что произошло, вне зависимости от тех лозунгов, которые были в Тбилиси.

Я, наверное, больше, чем все ваши командиры (хотя меня сто лет обвиняют как антисоветчицу), верю в неизбежность Советской власти. У меня ни на секунду нет сомнения, что от митинга, который был на площади, не поколеблется Советская власть. Ни капельки она не поколеблется. Но вот от того, что произошло и от того, что там остались трупы, наша власть может поколебаться. Вот это корень, а не наоборот. Поэтому, защищая власть, надо думать, что ты защищаешь.

Вот вы знаете Окуджаву не хуже меня. «Как просто быть солдатом, иду себе, играю автоматом». Не играйте с этим и никому не давайте играть. Каждый должен иметь свою собственную ответственность.

Вот ребята говорили здесь только что, стоит строй солдат со щитами. Так я себе представляю. Вы все тоже не слабенькие. И какие-то два парня — грузины волокут якобы какую-то женщину не туда.

А что делали вы? У меня к вам вопрос. Была бы я вашим командиром отделения и отвернулась... Что делает строй солдат, почему эти два парня сильней, чем вы, и могут справиться с этой женщиной? Я не верю в это. Я думаю, что вы сильнее, и поэтому ваш рассказ звучит для меня очень странно. Непонятно. Точно так же вы говорите: «Там где-то убивали или избивали женщин». За какой-то загородкой. Непонятно. Загородок вроде я на площади не видел.

А что вы делали? Вам дали задание, но ведь на местности-то ориентируются уже по-своему, у каждого своя голова, и каждый солдат уж тут должен сам думать. Так если где-то там в толпе убивают, так вам надо спасать. Где были ваши спасатели?

Ефрейтор ВИНОГРАДОВ А. В. Разрешите сказать.

БОННЭР Е. Г. Что? Раненый был? Но раненые всегда бывают. Все калеченные, кто бывает в солдатах, и кто бывает в бою, может быть покалеченным. Не надо мне кивать на это, я сама хорошо покалечена. Вот. Значит, вас-то был не один, а больше, и я не верю, что вы не могли, если там где-то убивали, сделать так, чтобы этого не было. Сейчас мы говорим «провокация». Чья? Десятка? Десятка тысяч человек? Сколько провокаторов было на этой пло-

щади, если вы говорили, что это они убивали? Сколько?

Рядовой ЛАРКИН С. Ю. Нас сейчас обвиняют в том, почему мы не заступились за тех всех женщин, которых толкали вперед, уводили куда-то, и что нас было так много, что ж мы не могли справиться. Понимаете, наша цель, когда мы туда пришли, было вытеснение, а не избивание. Тут тоже я не согласен с Борисом Львовичем, когда он сказал, что это было методическое избивание мирной демонстрации. Их было 10 тысяч или 8, я могу точно сказать: нас было 600 человек. Мы просто физически не могли, иначе просто-напросто из этого вообще ничего не получилось, нас просто по одному бы избивали и все. И выкинули.

Полковник НЕЧАЕВ Е. А. Давайте мы так, товарищи, договоримся, последний ответ, и если вы мне разрешите, я от вашего имени скажу. Нет вопросов? Спасибо.

ХАРЧЕНКО К. А. Я здесь сделаю небольшую оговорку, потому что конкретно ваш устав, именно внутренних войск, честно говоря, не знаю. Я рассуждаю об уставе Советской Армии. Это гораздо большая организация, чем внутренние войска, согласитесь. Если у вас в уставе есть, что в народ нельзя стрелять, если даже прикажет командир, то это очень хорошо. Я не совсем согласен, что устав Советской Армии рождается в недрах кабинетных и общественности армейская не привлекается к твердому обсуждению его.

Как мне кажется, и у вас бывают такие ситуации, что командир принимает решение, не согласовывая с вышестоящим начальством. Это же армейская жизнь, от нее никуда не денешься. Согласитесь со мной. Разве нет таких ситуаций? Я не всегда буду звонить своему командиру и спрашивать: «Товарищ командир, как мне поступать в данной ситуации?»

Мы должны в нашей армейской действительности пересмотреть отношение к нашей жизни армейской, к нашим условиям, к нашей социальной защищенности, начиная от солдат и заканчивая генералом. Ведь это не предусмотрено ни одним уставом, я думаю, вашим тоже.

Мы сейчас говорим, обсуждаем многие детали, вопросы, и мне кажется, что мы начинаем уже пробуксовывать, уходить на второй круг, как говорят летчики, для того, чтобы повторно зайти и сесть правильно. А все из-за того, что, на мой взгляд (это сочетается с названием телепрограммы), мы не обладаем достаточностью информации. А корни в этой ситуации, которая произошла в Грузии, гораздо глубже. И мы ее, к сожалению, не знаем. Поэтому мы строим гипотезы-предположения, а вы излагаете факты, которые вы наблюдали сами. Вы факты частично изложили, что вы видели, что вы действительно никого из граждан нашей братской республики не уничтожали. А толчка, первопричины вот этих событий, которые в общем-то и опо-

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТБИЛИСИ!

Через несколько дней в газете «Московские новости» появилась корреспонденция Дмитрия Радышевского с категоричным заголовком — «Ни слова сожаления». Приведем слова Бориса Львовича Васильева, записанные корреспондентом «Московских новостей»:

«Кроме прозвучавших свидетельств, нам не было представлено никаких иных, мы не увидели ни одного кадра документальной съемки, которая, по словам командовавших, производилась в то трагическое утро. Но больше всего меня огорчила единая атмосфера полного отрицания каких бы то ни было ошибок, не говоря уже о превышении допустимых действий. Не прозвучало ни единого слова сожаления по поводу загубленных жизней, раненых и отравленных. Совесть действующих лиц этого кровавого события оказалась абсолютно не отягощенной сопричастностью к трагедии. Что это — нравственная инфантильность! Непонимание ужаса того, что произошло в результате! Позиция тупого исполнительства! А может, видение призрака нового внутреннего врага! Не знаю. Но мне—страшно».

Академик А. Сахаров выступал на встрече с воинами-дзержинцами последним. Слова писателя Б. Васильева корреспондент «Московских новостей» поставил в конце своей публикации, как бы комментарием к состоявшейся встрече...

Что это! Упорная претензия на истину в последней инстанции!..

События, происшедшие в столице Грузинской ССР 9 апреля 1989 года, стали предметом острых дебатов на Съезде народных депутатов СССР. Выступавшие высказывали далеко не однозначные суждения обо всем, что имело место на площади у Дома правительства, начиная с 4 апреля. Было в связи с этим принято решение создать из числа народных депутатов комиссию для расследования обстоятельств, связанных с событиями в гор. Тбилиси 9 апреля 1989 года.

ИНФОРМАЦИЯ В НОМЕР

ВОССТАНАВЛИВАЯ ПОРЯДОК

НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ СООБЩАЕТ ИЗ ФЕРГАНЫ

Обстановка в ряде населенных пунктов Ферганской области накалилась внезапно. Произошли беспорядки на межнациональной почве. Сожжены дома, нанесен ущерб общественным зданиям, имеются человеческие жертвы. Раненым оказывается квалифицированная медицинская помощь. В районах компактного проживания турок-месхетинцев введен комендантский час.

Для поддержания общественного порядка и нормализации обстановки в кратчайшие сроки в область переброшены подразделения внутренних войск. Несмотря на то, что напряженность в целом не спадает, присутствие наших военнослужащих вносит в обстановку стабильность. Патрули в бронжилетах и касках, бронетранспортеры на перекрестках улиц, часовые у важнейших объектов — все это не признаки мира и покоя, но тем не менее именно они придают сегодня уверенность местному населению в том, что трагический ход событий приостановлен.

Старики, женщины, дети, люди разных возрастов рассказывали о военнослужащих внутренних войск как о своих спасителях. Войсковыми нарядами предотвращено немало попыток бесчинств, погромов, поджогов, расправ с местным населением из числа турок-месхетинцев.

Решительно, мужественно действовал личный состав, которым руководил подполковник В. Аголец. Защищая от экстремистов большую группу граждан, офицер и восемь военнослужащих получили ранения, но не допустили рас-

правы над беззащитными людьми.

Бдительно несут патрульную службу на улицах населенных пунктов солдаты и сержанты. Рядовой Айматов вместе с работниками милиции задержал группу подозрительных лиц, у которых были изъяты два пистолета с боеприпасами.

В Фергане группа экстремистов пыталась прорваться на территорию нефтебазы. Военнослужащие пресекли эти незаконные действия.

Во многих местах проходят несанкционированные митинги. На них порой звучат призывы к расправе с гражданами. Войсковые наряды восстанавливают порядок на улицах и площадях, при этом, как отмечают представители средств массовой информации, действуют корректно, в рамках законов.

Министр внутренних дел СССР В. В. Бакатин, побывав в районах Ферганской области, в интервью журналистам заявил, что подразделения внутренних войск и милиции обеспечат законность, порядок, и выразил уверенность, что здравый смысл все же восторжествует над эмоциями.

В местах массовых беспорядков бывали народные депутаты СССР первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Нишанов, Председатель Президиума Верховного Совета республики М. Ибрагимов, другие члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана. По урегулированию конфликта и принятию соответствующих мер работает правительственная комиссия.

Полковник П. СТУДЕНИКИН.

СВИДЕТЕЛЬСТВОМ

■ Жизнь рядовому Ю. Глогову спас стальной защитный шлем.

■ На бронжилете — кровь ефрейтора А. Виноградова, раненного экстремистами.

■ Машины со спущенными шинами, груженные щебнем, зачинщики беспорядков использовали в качестве баррикад.

■ Солдаты говорят искренне. А как о них напишут?

ВЗГЛЯД А. БОРОВИКА ИЗЛИШНЕ РАДУЖЕН

ДОСТАТОЧНО ли глубоко можно узнать американскую армию, «прослужив» в ней чуть больше двух недель? Вряд ли. Поэтому убедительной мне кажется оговорка Артема Боровика («Каков он, солдат армии США...» — «На боевом посту», 1989, № 5): он пишет лишь о том, что видел сам. А «блячки» свои американцы, конечно же, старались не выпячивать.

Прочитал я интервью с А. Боровиком с большим интересом, кое-что узнал для себя новое, хотя «занимаюсь» американской армией многие годы. Но взгляд первого гостя молодежного клуба «Пульс» на вооруженные силы США мне показался все же излишне радужным. В каком смысле? Попробую объяснить.

Возьмем хотя бы проблему воинской дисциплины. По Боровику, у них этой проблемы почти не существует — все в прошлом. Однако сошлемся на самих же американских авторов. Ричард А. Габриэль, профессор политических наук, бывший военный консультант палаты представителей и сената по вооруженным силам, а ныне — преподаватель в разведывательной школе сухопутных войск США, утверждает, что для американской армии 80-х годов характерны злоупотребление алкоголем, самовольные отлучки, нападения солдат на офицеров и сержантов, дезер-

тирство, широкое распространение употребления наркотиков и т. д. Но в официальных документах говорится, что количество нарушений дисциплины в связи с комплектованием армии добровольцами сократилось. В действительности же, как отмечают американские ученые, сократилось лишь количество «регистрируемых» нарушений. Ибо серьезные нарушения часто не включаются в общую статистику — военнослужащего просто увольняют досрочно.

Примером такого увольнения является случай с подполковником О. Нортон, о котором упоминает А. Боровик. За участие в организации незаконной продажи оружия Ирану, о чем стало известно в ноябре 1986 года, Нортону грозили 5 лет тюрьмы, но его попросту уволили из армии.

Практика сокрытия истинного состояния дисциплины в американской армии получила название «регулирования», или «приукрашивания». Даже в самой армии признают, что количество зарегистрированных нарушений упало главным образом в связи с «предусмотрительным применением различного рода досрочных увольнений». Например, в сухопутных войсках 23 процента военнослужащих увольняется досрочно. Центральное финансово-контрольное управление вооруженных сил США подсчитало, что поиск и

задержание дезертиров ежегодно обходится в 58 млн. долларов, а лиц, совершивших самовольное оставление части, — более чем в 1 млрд. долларов, поэтому военному командованию рекомендуется увольнять таких лиц «по-хорошему», без ареста и передачи дела в военный суд.

На мой взгляд, следует существенно дополнить ответ А. Боровика и на вопрос, какие дисциплинарные взыскания налагаются на военнослужащих США.

Изложены они в статье 15 Единого кодекса военной юстиции, где определены достаточно жесткие меры наказания: арест (для офицеров — домашний) до 30 суток; лишение увольнения из расположения части рядовых и сержантов на срок до 60 суток; наряд на работу до 45 суток; снижение в воинском звании. Командирам подразделений предоставлено право подвергать подчиненных денежному штрафу в размере от полумесячного до 2-месячного денежного содержания, а также производить начет в размере половины денежного содержания на срок до 3 месяцев. В отношении рядового и сержантского состава применяются и такие наказания, как ограничение в питании (переводятся на хлеб и воду) или урезанный рацион до 3-х дней. За один проступок командир может наложить на военнослужащего одно или более из перечис-

ленных дисциплинарных взысканий.

Военнослужащие, осужденные к лишению свободы, как правило, отбывают наказание в исправительных учреждениях вооруженных сил. Создание и функционирование военных исправительных учреждений предусмотрено законом об организации мест заключения и определении режима для лиц, совершивших преступления.

Согласно этому закону в каждом виде вооруженных сил, а также в корпусе морской пехоты создаются исправительные учреждения для осужденных военнослужащих.

Заканчивая эти заметки, хочу напомнить, что и сегодня актуальным остается положение Программы КПСС, где сказано, что империализм не желает считаться с политическими реально-

стями современного мира. Игнорируя волю суверенных народов, он стремится лишить их права самим выбирать путь развития, угрожает их безопасности. В этом — главная причина возникновения конфликтов в различных районах мира.

Полковник юстиции В. СЕРЕГИН, начальник кафедры военного права Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

«КОМСОМОЛЕЦ, ОТПУСТИ!»

Здравствуй, «Пuls»!

Хочу рассказать о совсем необычном случае, который произошел со мной, когда я был часовым во внутреннем карауле. Случай этот, по-моему, еще раз убеждает: каким бы ни был нарушитель, как бы неожиданно, странно он себя ни вел, остается нарушителем, а часовой должен всегда оставаться часовым и руководствоваться одним лишь уставом.

Надеюсь прочитав подобные рассказы других военнослужащих. Это, мне кажется, будет не только интересно, но поможет многим лучше нести службу, быть увереннее на посту.

Смеркалось, когда рядом с постом появился модно одетый парень лет двадцати пяти. После того, как я подал соответствующую команду, он стал вести себя довольно странно: пригибался, бегал перебежками, ползал по-пластунски. Действуя строго по уставу, я его задержал. Тогда он взмолился:

— Комсомолец, отпусти меня! Я выполняю особо важное секретное задание. Я — старший лейтенант, фамилия Браун. Майкл Браун. Понимаешь, солдат?

Парень смотрел куда-то в сторону. Голос его был спокойным, ровным, в дикции чувствовался иностранный акцент. Первое мое желание — поверить ему. Уж очень откровенно, от сердца все это он говорил, но настаивала какая-то заученность в его речи.

— Помоги мне, комсомолец! Там, в Анголе, погибает наш десантно-штурмовой батальон. Ему нужна помощь, срочная помощь. Сообщи в Москву, что резидент, — он сильно ткнул себя в грудь кулаком, — приступил к действиям. Ленинец! Ты будешь поощрен! Там погибают наши ребята... — тут он зарыдал.

Кто это? Сумасшедший, параноик? Но разговаривать нельзя — устав есть устав. В это время показалась вызванная мной резервная группа. Нарушитель резко прислонился к дереву, сунул руку в карман и громко крикнул:

— Стоять! У меня в кармане граната «Ф-1», или «лимонка», как там вы ее у себя называете... — и начал считать... Наше ощущение можно себе представить. — ...Четыре, пять, шесть. Бах! — Он выхватил из кармана... картофелину. — Мой позывной — «одинокий ковбой». Мне срочно нужно говорить с офицером. Мой номер — А0111. Я должен лететь в Средиземное море. Там меня ждет полковник Армандо... ДзШэБз погибает... Наши ребята...

Он закрыл глаза, стал приседать. Но в помощи неожиданный гость не нуждался. Мы уже поняли, что это — наркоман. Он вдруг вскочил, оттолкнул находящегося рядом караульного. Несмотря на свою далеко не атлетическую фигуру, «Майкл» был силен. Он попытался бежать, но вдруг упал. Глаза его закатились, видны были лишь желтые белки. Руки судорожно вцепились в траву. Начался приступ эпилепсии. Вместе с милицией пришлось вызывать и «скорую».

Вот такая, на первый взгляд, веселенькая история произошла в карауле. А если подумать серьезно? Ведь последствия ее могли быть непредсказуемыми. Тем более что, согласно Уставу гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил СССР, после невыполнения нарушителем моих команд я бы мог применить оружие. А какими были бы действия наркомана, если бы ему самому потребовалось оружие и он внушил себе, что часовой — враг и его надо убить?..

Заступая в караул, надо быть готовым ко всяким неожиданностям. Бдительность — превыше всего. Тем более сейчас, когда любителей острых ощущений развелось немало.

...В милиции мы узнали, что наш «Майкл» действительно наркоман, смотрит различные западные видеофильмы. От лечения он всячески отказывался и даже убежал из больницы. Тогда, наверное, и решил сделать себе «шпионскую» карьеру.

Курсант А. МАЛИВАНЧУК,

СОЛДАТЫ ПОЮТ НА БИС

ДОСТОЙНО ПРЕДСТАВИЛ НАШИ ВОЙСКА НА ВСЕСОЮЗНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ КОНКУРСЕ «КОГДА ПОЮТ СОЛДАТЫ» САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР ПО УРАЛУ.

Четвертый год Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота совместно с Центральным телевидением, Союзом композиторов и Союзом писателей СССР проводят Всесоюзный телевизионный конкурс «Когда поют солдаты», цель которого — повышение роли военно-патриотической песни в политическом, культурном и воинском воспитании личного состава, дальнейшая популяризация солдатских песен среди молодежи, привлечение к их созданию широкого круга профессиональных и самодеятельных авторов.

Первый песенный тур цикла состоялся в Беловежской пуще (Белоруссия). Затем были Одесса, Таллинн, Берлин...

Очередной тур проводился в Москве. Вместе с армейскими самодеятельными коллективами свое исполнительское мастерство демонстрировали популярные среди молодежи вокалисты А. Малинин, П. Деметьев, Ю. Слатов, Н. Рожкова, гостя из Югославии Н. Марьянович и другие артисты, в творчестве которых заметное место отводится героико-патриотической песне.

Впервые в столь представительном мероприятии принимали участие посланцы наших войск — эстрадный солдатский ансамбль внутренних войск МВД СССР по Уралу под руководством старшего лейтенанта В. Михалева.

Без малого тридцать лет радует этот музыкальный коллектив своим искусством воинов-уральцев. Подготовлены десятки концертных программ, с которыми самодеятельные артисты выступали не только в клубах частей, но и в казармах отдаленных таяжных гарнизонов. В подразделениях с нетерпением ждут приезда солдатского ансамбля. Люди знают: каждое его выступление — это приобщение к прекрасному миру искусства, вдохновляющее на

ратный труд, добросовестное выполнение воинского долга. Песнями о Родине-матери, отчетом дома, воинской славе самодеятельные артисты оказывают большую помощь командирам и политработникам в идейно-политическом, военно-патриотическом и эстетическом воспитании личного состава.

Тепло и радушно встречают ансамбль и трудовые коллективы заводов, предприятий Урала. Популярны его концерты на открытых городских площадках, в пионерских лагерях. Самодеятельные артисты неоднократно участвовали и в различного рода смотрах художественной самодеятельности, в конкурсах и фестивалях народного творчества. В общем, за три десятка лет ансамбль стал одним из известнейших музыкальных коллективов на уральской земле. Свидетельство тому — звание лауреата II Всесоюзного фестиваля народного творчества и дипломанта конкурса «Юность комсомольская моя». Успешными были его выступления по Свердловскому телевидению...

Поэтому не случайно комиссия Главпура СА и ВМФ, прибывшая в Уральский и Сибирский военные округа на просмотр концертных программ армейских музыкальных коллективов, пригласила выступить в Свердловске и наш эстрадный солдатский ансамбль. Воины порадовали зрителей и жюри. Ансамбль был награжден призом Свердловского обкома ВЛКСМ, а солисты рядовой Вадим Белоконов, собравший самый большой «урожай» аплодисментов зрителей, и рядовой Икрам Рахимов, исполнивший на родном языке песню «Гуль-нара», получили приз комитета ВЛКСМ Уральского медеплавильного завода и коллектива Свердловского академического театра музыкальной комедии. Но самое главное — наши воины завоевали одну из путевок на конкурс в Москву.

С самодеятельными артистами довелось встретиться поздним вечером, когда они приехали с концертом в одну из частей дивизии имени Ф. Дзержинского. Несмотря на усталость (только что вернулись с репетиции), они с большим желанием и артистическим мастерством выступали перед личным составом, прибывшим в солдатский клуб после несения боевой службы.

— И вот так каждый день, — сказал в беседе старший лейтенант В. Михалев. — Вчера выступали с концертом перед политработниками Оршанско-Хинганского Краснознаменного Центрального управления внутренних войск, завтра новая встреча с воинами. Но солдаты не жалуются, они рады каждой встрече со зрителем.

Владимир Иванович выглядел усталым:

— Борьба на конкурсе будет острой, но я надеюсь на воинов, ведь каждый горит желанием оправдать оказанное доверие,

достойно представить наши войска. В конкурсе участвуют еще восемь творческих коллективов, но наш — самый представительный. Да и по национальному составу равных ему нет...

Офицер назвал состав ансамбля. В вокальное трио входят старший сержант П. Куколев, рядовые В. Белоконов и А. Гнищевич. В инструментальную группу — младший сержант Е. Вагнер, рядовые И. Рахимов, Р. Мичалис, В. Фетисов, В. Григорян, А. Наймушин и другие.

Опасения руководителя эстрадного ансамбля относительно острой борьбы между конкурсантами подтвердились. И хотя в зале царил непринужденная, доброжелательная обстановка, придававшая будущей телепередаче эмоциональность и привлекательность, накал страстей чувствовался во всем.

Положение ансамбля войск осложнялось и тем, что в программе Всесоюзного телеконкурса о нем не было ни строчки. Но несмотря на трудности, самодеятельные артисты внутренних войск не ударили лицом в грязь. Выступив с попурри на темы военных песен из репертуара Леонида Утесова, наши воины длительное время лидировали в конкурсе, набрав 2340 баллов. И только на самом финише тура с разницей в сорок четыре балла их обошел вокально-инструментальный ансамбль «Поворот».

Подводя итоги очередного тура солдатской песни, заместитель начальника управления пропаганды и агитации Главного политического управления СА и ВМФ генерал-лейтенант Н. Шапалин от имени авторитетного жюри, в состав которого входили композитор А. Пахмутова, поэты Н. Добронравов и Б. Дубровин, секретарь ЦК ВЛКСМ С. Епифанцев и другие товарищи, особо подчеркнул прекрасное исполнение песен минувшей войны ансамблем внутренних войск МВД СССР.

О том, как проходил московский тур Всесоюзного телеконкурса «Когда поют солдаты», известно из телепередачи, вышедшей в эфир накануне Дня Победы.

Впереди новые фестивали, новые песни. И очень хочется надеяться, что в них примут участие другие самодеятельные ансамбли внутренних войск. Начало воинскими-уральцами положено. Доброе начало.

Майор В. КУДРЯШОВ.
Фото прапорщика В. НИКОЛАЙЧУКА.

ПРИМЕТЫ НОВОГО

НЕОБХОДИМОСТЬ перестройки учебно-воспитательного процесса в Высшем политическом училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР в соответствии с требованиями времени остро поставила задачи обновления идеологической работы, решительного пересмотра всей системы воспитания личного состава. Ведется поиск наиболее действенных и гибких форм и методов воздействия на сознание, чувства, поведение людей с учетом того, что и обучающие, и обучаемые стремятся к единой цели — повышению качества подготовки политработников для внутренних войск и органов внутренних дел.

Из примет нового в агитационно-массовой работе, на наш взгляд, следует выделить прочно входящие в практику альтернативные по своей методике политико-воспитательные мероприятия. Вот характерные примеры. В один из дней офицерам было предложено на выбор: выступление лектора-международника, научный отчет начальника кафедры уголовного процесса и специальных дисциплин училища доктора юридических наук, профессора полковника И. Возгринина, а также обзор периодических военных изданий.

В другой день слушатели были приглашены (по их выбору) на дискуссию по проблемам истории КПСС, встречу с преподавателем кафедры политэкономики Ленинградской Высшей партийной школы, на просмотр антирелигиозного фильма.

Без сомнения, подобное разномыслие позволяло полнее учесть профессиональные и научные интересы офицерско-преподавательского состава училища, лучше исползовать, так сказать, идеологический потенциал города и самого учебного заведения.

Нельзя не отметить, что в последнее время преподаватели-обществоведы училища все чаще приглашаются областными, городскими и районными комитетами партии, местными политорганами войск и органов МВД для обучения идеологического актива, участия в дискуссиях с представителями самостоятельных организаций по наиболее острым вопросам перестройки, истории, теории и практики социализма в СССР.

Активную позицию здесь занимают кафедры научного коммунизма, политической экономии, истории КПСС, а среди преподавателей — молодые ученые — подполковники К. Привалов, С. Степашин и В. Шульц.

И, видимо, закономерно, что выпускники военно-политического факультета этого года по итогам опроса, проведенного Государственной экзаменационной комиссией, назвали кафедры общественных наук среди тех структурных подразделений училища, которые идут впереди в перестройке учебно-воспитательного процесса.

ЧТО ЖЕ надо предпринять, чтобы массово-политическая работа среди курсантов и слушателей стала более предметной и поучительной, а значит, полнее способствовала бы привитию будущим политработникам необходимых знаний, умений и навыков? Первые шаги уже сделаны: внесены коррективы в факультетские перспективные планы коммунистического воспитания обучаемых. На занятиях в университете культуры вместо скучных (и обязательных!) лекций слушатели имеют возможность выбрать мероприятия и побывать по своему желанию на концерте студентов консерватории, встретиться с известным режиссером или артистом, посмотреть новую киноленту, пойти в театр или на тематическую экскурсию и т. п.

Для овладения навыками устного выступления обучаемые все чаще проводят политинформации, беседы, Ленинские чтения, политбои среди младших товарищей по училищу, в подразделениях обеспечения и обслуживания. Эти и другие формы и методы массово-политической и воспитательной работы уже складываются в определенную систему, которая действует наступательно и целенаправленно. Выполняя установки XIX Всесоюзной партийной конференции, мы наладили оперативное информирование людей с помощью специальных стендов с публикациями из периодической печати, организовали поэтапное доведение актуальных материалов с комментариями политработников и обществоведов, провели встречи с делегатом партконференции первым секретарем Красносельского райкома КПСС В. Филипповым. Перестройка политико-воспитательной, культурно-массовой работы способствует успешному выполнению учебно-воспитательных и служебных задач.

Так, в период участия личного состава училища в мероприятиях по поддержанию правопорядка в республиках Закавказья

В ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ

курсанты активно действовали в роли политбойцов, разъясняли сложившуюся ситуацию в трудовых и молодежных коллективах, оказывали местным комитетам комсомола помощь в героико-патриотическом и интернациональном воспитании пионеров и школьников.

Вместе с тем идеология обновления коснулась далеко не всех сфер и участков учебно-воспитательного процесса в училище, что по-прежнему отражается на качестве практической деятельности выпускников в войсках, затрудняет воспитание и обучение будущих политработников, тормозит процесс коренного укрепления воинской дисциплины, порядка и организованности в ряде структурных подразделений.

В некоторых офицерских и преподавательских коллективах до сих пор царит атмосфера келейной бесконфликтности, беспринципности, нет-нет да и встречаются элементы протекционизма, покровительства отдельным поступающим и обучающимся, неделовых отношений с родителями курсантов. В курсантской среде не изжиты иждивенческие настроения, бескультурье, стремление почаще отдыхать при больших поках учебных и служебных нагрузках, попытки всеми правдами и неправдами по окончании училища получить назначение в «теплое» местечко.

Анализ практики распределения молодых политработников, окончивших училище в последние годы, показал, что дети преподавателей и офицеров внутренних войск, как правило, направляются для прохождения дальнейшей службы в европейскую часть страны, причем зачастую в те коллективы, которые не связаны с деятельностью ИТУ.

Многие выпускники при активной помощи своих отцов прилагают усилия к тому, чтобы уже в первые два-три года службы добиться перевода по месту работы и жительства родителей. Такая вот закономерность выносит на повестку дня непростые вопросы воспитания у питомцев училища чувства социальной справедливости, осознанного понимания необходимости ехать туда, куда требуют интересы службы.

НА ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ ситуацию в таком неоднородном коллективе, каким является в отличие от командных вузов внутренних войск политическое училище МВД СССР, заметное влияние оказывают факторы, связанные с изменением общественно-политического климата в городе, в стране в целом. Поэтому, понимая важность обновления идеологической работы, коммунисты-руководители, партийная организация, идеологический актив училища в своей повседневной практике определяют наиболее приемлемые его пути.

Один из них — всемерное расширение гласности, демократизации. Стало правилом публиковать на страницах многотиражной газеты «Политработник» тезисы докладов, выносимых на обсуждение собраний

партийного и комсомольского актива, материалы, информирующие личный состав относительно вопросов, рассматриваемых в ходе единых политдней, на заседаниях ученого совета училища, совещаниях политического отдела, освещать ход реализации критических замечаний и предложений.

При непосредственном участии актива, широкой общественности решаются вопросы замещения вакантных должностей, представления к наградам и очередным воинским званиям, распределения жилья, товаров повышенного спроса, автомашин и т. п.

КУРС на демократизацию и гласность, горячо поддержанный советским народом, породил небывалый поток информации — неоднородной, а порой противоречивой по своему содержанию. Это обстоятельство неизбежно повлекло за собой задачи своевременного ознакомления преподавателей, курсантов и слушателей с наиболее злободневными публикациями, выработки у читателей умения проводить четкий классовый, партийный водораздел между серьезными, с точки зрения исторической правды, произведениями и конъюнктурными писаниями, рассчитанными на дешевый, сиюминутный успех.

Естественно, читательскую общественность училища привлекают в первую очередь те книги, журналы и газеты, в которых освещаются различные аспекты истории, жизни и деятельности внутренних войск, органов внутренних дел. Поэтому тенденциозная, подчас недоброжелательная их интерпретация даже такими известными авторами, как Е. Евтушенко, М. Дудин, вызывает бурю откликов, столкновение мнений, порождает у некоторых курсантов неуверенность в правильности выбора своего жизненного пути, практического дела. Вот почему своевременным и целесообразным выглядит образование при политическом отделе училища совета кафедр общественных наук. В круг его задач наряду с учебными и научными входят идеологические, оказание методической помощи командам и политработникам, партийному, комсомольскому, лекторскому активу в организации контрпропагандистских мероприятий.

Среди них — регулярные занятия в дискуссионном политическом клубе «Комиссар», где любой желающий имеет возможность в установленные дни встретиться с выпускниками училища, компетентными специалистами, проверить в споре свою точку зрения, обсудить заинтересовавшие его телепередачу, кинофильм или публикацию.

ВАЖНЕЙШИМ направлением идеологической работы остается воспитание личного состава в духе советского патриотизма, единства и дружбы народов СССР, гордости за службу в Вооруженных Силах страны, верности славным революционным, боевым и слу-

жебным традициям внутренних войск. Сегодня уже всем ясно, что делать это формами и методами застойного периода в стиле рекламных агиток, какие, к примеру, еще недавно использовались в телевизионной программе «Служу Советскому Союзу!», просто недопустимо.

Требует серьезной корректировки вся система героико-патриотического воспитания курсантов как будущих активных пропагандистов боевого пути войск, училища, части, в которой будет служить молодой офицер.

Это тем более необходимо, что в последнее время в силу известных обстоятельств аббревиатура «НКВД» приводится не иначе, как в отрицательном смысле, причем делается это без разбора, идет ли речь об органах упомянутого наркомата, причастных к беззакониям 30—40-х гг., или о войсках НКВД, внесших достойный вклад в победу над врагом в годы минувшей войны.

Не поэтому ли в музее обороны Ленинграда представлены Боевые Знамена, другие реликвии частей и соединений всех видов и родов Советских Вооруженных Сил, кроме внутренних войск? И не поэтому ли с обелисков и памятных знаков, поставленных на рубежах боев под Ленинградом в 1941—1944 гг., как-то незаметно исчезли наименования формирований войск НКВД? В том, что это так, убедились за минувшие два года офицеры, курсанты и слушатели училища — участники агитационных лыжных переходов и пробегов по маршрутам боевой славы нашего народа, Советской Армии, в том числе и внутренних войск.

СЕГОДНЯ особенно остро ощущается недостаток аргументированных, хорошо подобранных различных по тематике книг, альбомов, наглядных пособий по истории внутренних войск. Чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, по инициативе группы ученых-обществоведов училища во главе с начальником кафедры марксистско-ленинской философии доцентом, кандидатом философских наук полковником Г. Хоном подготовлено 2-е издание учебного пособия «Гордись службой во внутренних войсках», продолжается сбор материалов для создания комнаты истории училища.

Было бы, видимо, правильным, взяв за основу имеющиеся монографии и диссертации по этой актуальной теме, объединить под эгидой Политуправления историков, работающих в военных академиях и училищах, Центральном музее и архиве войск, для подготовки к изданию популярного учебника по истории внутренних войск. Значение подобной книги в организации политико-воспитательной, в том числе контрпропагандистской, работы трудно переоценить.

Одним из ключевых звеньев процесса обновления идеологической работы в училище видится коренное улучшение право-

вого воспитания будущих офицеров-политработников и, конечно же, значительное увеличение часов, выделенных на изучение курсантами основ права по новой программе.

НЕЛЬЗЯ не признать, что политический отдел училища еще не стал тем координирующим центром, который бы в полной мере привлек усилия партийных организаций кафедр, всех членов КПСС — юристов — к систематической и целенаправленной работе по формированию у курсантов, военнослужащих подразделений обеспечения и обслуживания высокой правовой культуры. Актуальность этой проблемы многократно возрастает в связи с необходимостью глубокого осознания каждым офицером, курсантом, солдатом и сержантом существа положений Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка».

Разъяснительная работа вокруг этого важнейшего документа — лишь начало целого комплекса мероприятий, призванных усилить юридическую вооруженность будущих политических руководителей воинских коллективов, что в свою очередь позволит в недалеком будущем улучшить правовое воспитание воинов внутренних войск.

СРЕДИ труднорешаемых — вопрос совершенствования материально-технической базы идеологической работы училища. Морально устаревшие технические средства наносят двойной вред: не позволяя поднять на современный уровень весь учебно-воспитательный процесс, они не дают возможности овладеть новейшей техникой тем, кто завтра придет к руководству политаппаратами и политорганами войск.

Училище остро нуждается в новом клубе, клубной машине, комплекте телестудии, видеотехнике, которыми располагают другие военные вузы. Просьбы приобрести все это пока что повисают в воздухе.

Пристального изучения требует совершенствование полиграфической базы ВПУ, что позволит увеличить выпуск методической литературы, необходимой практическим работникам в войсках и органах внутренних дел.

Много сложностей возникает в связи с повышением идеологического влияния партийных организаций, общественности училища, усилением индивидуального воспитания всех членов коллектива. Но это — тема особого разговора.

Полковник Л. СМИРНОВ,
кандидат исторических наук.

ПРОФЕССОР — ОФИЦЕР — ВОДЯНОЙ
АГЛЫ РЭТИФ —

Приказом МВД СССР для Харьковского высшего военного училища тыла установлена дата годового праздника — 26 декабря. Изучением архивных документов подтверждено, что оно ведет свою историю от 2-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ, сформированной в 1931 году. Славные боевые традиции вдохновляли многие поколения курсантов, пополняющих после учебы офицерский корпус.

■ **Ветеран внутренних войск подполковник в отставке Николай Константинович Зотов — частый гость в училище.**

■ **Офицер любой службы войскового тыла должен уметь грамотно действовать в бою. Занятие по теме «Взвод в обороне» проводит старший преподаватель подполковник А. Арестов.**

■ **Как продлить век солдатских сапог? На этот вопрос дает ответ старший преподаватель подполковник Н. Сизгур.**

■ **Из сапожной мастерской — в класс вычислительной техники. Навыки работы на персональных ЭВМ прививает курсантам старший преподаватель подполковник В. Середя.**

Фото Е. БУЛАКЕВИЧА.

БОЯ УДАЧНОГО РАДИ НЕ

С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ МЫ ВДРУГ УВЛЕКАЕМСЯ КАРАТЭ, ДЗЮДО, В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ — УШУ. ПРИ ЭТОМ ЗАБЫВАЕМ, ЧТО В НАШЕЙ СТРАНЕ ИЗДАВНА ПОЛЬЗОВАЛСЯ ПОЧЕТОМ РУКОПАШНЫЙ БОЙ, КОТОРЫЙ НИЧУТЬ НЕ ХУЖЕ ИМПОРТНЫХ СИСТЕМ.

ПРИБЛИЖАЛАСЬ смена, и прапорщик Н. Олексюк, взглянув на часы, решил еще раз проверить столярку — небольшое строение у механического цеха. Свет там не горел, и Николай Григорьевич, толкнув свежевыкрашенную дверь, шагнул в темноту, ощутив неприятный и тяжелый застойный воздух. Пошарил рукой по стене в поисках выключателя. И в тот же миг почувствовал, что теряет равновесие: кто-то цепко схватил его сзади.

Среагировал на происшедшее мгновенно: сделал кувырок вперед, в темноту, где угадывался дальний угол, и встал в стойку. Напряг зрение и с трудом разглядел двоих. Один тут же испуганно воскликнул: «Это не он!» Осужденные, видимо, узнали Олексюка, физически отлично подготовленного прапорщика, с которым едва ли сладят и два-три человека. И попытались бежать...

Один рядовой эпизод, но и он говорит о том, как важно для контролера владеть приемами рукопашного боя. Увы, этими навыками владеют далеко не все.

В одном из выступлений начальника внутренних войск генерал-полковника Ю. В. Шаталина прозвучала обеспокоенность низкой физической натренированностью контролеров. Многие, не сумев защитить себя, получают увечья. С глубокой озабоченностью подчеркивалось, что количество нападений на контролеров за последнее время возросло в два раза. Ежегодно по этой причине мы теряем людей.

Вот два примера. На прапорщика С. внезапно набросился осужденный, который хотел рассчитаться с принципиальным военнослужащим. А тот не отразил нападение. К счастью, удар пришелся по касательной, прапорщик остался жив.

Ничего не мог противопоставить осужденному и прапорщик К. Он не знал ни одного приема рукопашного боя, хотя присутствовал на плановых и инструктивных занятиях, где, если верить аккуратным учетам, тренировки регулярно проводились.

ПОЧЕМУ участились случаи нападения на контролеров? Причин тому немало — и объективных, и субъективных. В частности, сказалось сокращение контролерского состава. Потребовалось внести изменения в табель постам. Там, где это было сделано, военнослужащие несут службу только вдвоем. В ряде же подразделений необходимые коррективы внесены не были, что является грубым нарушением существующих требований.

Важно учитывать и то, что в результате позитивных изменений в судебной практике и прошедшей амнистии было освобождено большинство положительно характеризовавшихся осужденных, в том числе актива. Одновременно возрос удельный вес лиц, осужденных за убийства и другие тяжкие преступления. Повысилась агрессивность таких осужденных.

Но, как бы ни складывалась обстановка и ни решалась расстановка личного состава на службу, главная задача командиров и политработников — вселить в военнослужащих уверенность в своих силах, психологически и физически подготовить их. И именно владение приемами рукопашного боя во многом способно сохранить здоровье и жизнь наших людей. При несении боевой и патрульно-постовой службы, решении внезапно возникающих задач офицер, прапорщик и солдат должен уметь обеспечить необходимую самооборону. И закон дает ему право вступить как лично за себя, так и за подвергшихся нападению граждан.

Чтобы соразмерить степень реальной угрозы с ответными мерами, нужно даже в горячих ситуациях сохранять холодную голову. Это

умение (добавим, и физические возможности) вырабатывается длительными и упорными тренировками. У человека появляются смелость и решительность, выдержка и самообладание.

Но, к сожалению, подготовка военнослужащих, а контролеров, наверное, в первую очередь, не удовлетворяет требованиям нашей сопряженной с немалой долей риска службы.

Какое трудности испытывают командиры контролерских подразделений? Один из них сказал: «Больше половины прапорщиков роты освобождены от занятий по физической подготовке. Начинаешь проводить с ними тренировки в ходе инструктивных занятий и слышишь, что тот или иной не может даже руку поднять, не то что прием провести или удар отразить. И служат по 15—18 лет, добросовестные, знающие свое дело люди...»

ГОВОРЯТ, новое — это хорошо забытое старое. Так и рукопашный бой. Испокон веков он в арсенале русских воинов. Как подмечает автор «Слова о полку Игореве», русские дружины «без щитов, с одними за-сапожными ножами кликом полки побеждають».

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что успех в столкновении с противником зачастую определялся в ближней схватке. В боевой летописи Рымникского орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды полка внутренних войск есть такой эпизод о боях на румынской земле.

Один из батальонов отражал бешеный напор равшейся из окружения гитлеровской части, сформированной из офицеров. В трехчасовой схватке воины уничтожили около 250 гитлеровцев и почти 100 пленных. Не раз сходились врукопашную. Коммунист старшина Михайличенко, действуя штыком и прикладом, сразил семь фашистов, а когда приклад от яростных ударов раскололся, то еще троих воин уничтожил своей пехотной лопатой.

Что примечательно, в сорок первом году большим тиражом было отпечатано наставление по рукопашному бою. Тогда понимали значение подобного издания.

Более свежий — афганский — пример. Во время одной из операций сержант А. Циркунов продвигался вдоль арыка. Когда кончились патроны, спустился за валун в воду, чтобы перезарядить рожок. И тут увидел бегущего прямо на него бандита. «Дреш!» (стой) — вскрикнул Циркунов и, не давая душману опомниться, с незаряженным автоматом бросился врукопашную. И вышел победителем.

Умело применяли приемы рукопашного боя военнослужащие наших войск во время событий в Закавказье. Им порой приходилось не только слышать угрозы и оскорбления. Случались откровенные провокации, цель которых — попытаться толкнуть наших солдат на противоправные действия по отношению к местному населению. Так,

ефрейтору А. Карпунину один из экстремистов начал угрожать самодельным огнестрельным оружием. Ловким приемом солдат изъял оружие и задержал хулигана.

На высоте положения оказались также рядовые А. Желваков, И. Донсков, младший сержант К. Афоничев. При выполнении поставленных задач они продемонстрировали умелое владение приемами рукопашного боя.

К СОЖАЛЕНИЮ, не все военнослужащие действовали грамотно, уверенно. Анализ полученных солдатами травм показал, что отдельные не смогли уклониться или защититься от ударов, выбить из рук нападающего палку или нож. В общем, были не готовы ни в физическом, ни в моральном плане. О втором говорит такой пример. Во время многолюдных митингов на площадях Еревана легковые автомобили с включенными сиренами проносились на угрожающе малом расстоянии от шеренг военнослужащих. Реагировали на это солдаты по-разному. Одни заметно снижали: чувствовалось, что непривычная обстановка давит на них. Кто был уверен в своих силах, напротив, как бы раскрепощался, приобретал воинственный вид, освобождался от растерянности и подавленности.

Причин же недостаточной подготовленности личного состава несколько. И главная видится в том, что иные офицеры недополнимают значение для войск именно рукопашного боя, ставят его на одну доску с другими разделами физической подготовки (правда, к тем порой тоже отношение не лучшее. Иначе бы откуда взяться солдатам, не умеющим плавать, бегать, подтягиваться и т. д.). О какой мощи мышц, а если глубже — о боеспособности личного состава можно вести речь?

Управлением боевой подготовки ГУВВ разработаны рекомендации по обучению личного состава приемам рукопашного боя. Но даже этот минимум не отрабатывается во многих подразделениях.

Вот картинка. Идет занятие по рукопашному бою во взводе старшего лейтенанта Ю. Христинина. Проходит скучно, без напряжения. Чувствуется нехватка методических навыков у руководителя. Не умеет, а видимо, и не желает он интересно построить тренировку. А ведь каждый командир взвода должен мастерски владеть приемами рукопашного боя. Но это в идеале, на практике так не получается.

Таких офицеров, как Ю. Христинин, в войсках немало. И не только среди командиров контролерских подразделений. Есть пробелы в выучке вчерашних выпускников военных училищ. Почему это происходит, понять не сложно: программы вузов отводят немного времени на изучение приемов рукопашного боя. В семестре — лишь 2—4 часа. Разумеется, ищущие, относящиеся с душой к делу преподаватели находят возможность выкроить время на эту дисциплину в ходе комплексных заня-

тий, даже за счет других разделов программы. Но это исключение из правил.

Здесь речь не идет о спецзводах, как и о тех, кто посещал секции и кружки. Понятно, такой работой охвачена лишь часть выпускников.

Вторая причина — отсутствие в достаточном количестве необходимой методической литературы. О том, что она — солидное подспорье, говорит такой пример. Занятия во взводе лейтенанта В. Файбишенко проходили динамично, с огоньком. Воины с желанием работали в парах, разучивали приемы. Присутствовавший на занятиях проверяющий, правда, отметил, что руководитель мало внимания уделил отработке приемов самостраховки при падении. Подчеркнул: «Порой солдат падает как мешок с песком, вот и травмы. А он должен уметь падать, делать кувырки, уходить от ударов. Каждое занятие надо начинать с кувырков, акробатических упражнений, а этого у Файбишенко не было». Но в целом старший офицер остался доволен организацией занятия.

Молодой офицер по выпуску из училища имел минимум знаний и навыков проведения занятий по рукопашному бою. А помогло активно использование литературы по рукопашному бою, которая есть в части. Имеются в виду брошюры бывшего преподавателя Новосибирского высшего военного командного училища МВД СССР, а ныне начальника физподготовки и спортивной части майора С. Черкая «Специальные приемы рукопашного боя для военнослужащих внутренних войск МВД СССР», «Особенности организации и проведения соревнований по рукопашному бою» и другие. Офицер глубоко разрабатывает данную тему, может дать квалифицированный совет, умело показать тот или иной методический прием. Так что лейтенанту Файбишенко в этом плане повезло. Впрочем, в других частях и военных училищах также есть настоящие подвижники этого дела, люди увлеченные, ищущие.

Интересный опыт накоплен в воинском коллективе, в котором служит майор В. Кибардин. Большинство занятий здесь проводится на открытой площадке, и падения военнослужащим приходится совершать не на борцовский ковер, а на землю. Площадка для занятий рукопашным боем оборудована с использованием старых автомобильных покрышек. Внутри их вставлена резина, что позволяет реально отрабатывать удары кулаком и ногой. Используются покрышки также для укола штыком и ударов прикладом.

И в этом, и в других воинских коллективах хорошо зарекомендовала себя утренняя физическая зарядка по третьему варианту с элементами рукопашного боя. После пробежки и вольных упражнений военнослужащие сначала тренируются в изготовке к бою, передвижениях, затем в быстром темпе отрабатывают удары руками, ногами, способы защиты от них и т. д. После этого для закрепления навыков — тренировка в парах. По команде руково-

дителя солдаты одной шеренги наносят удары, другой — защищаются. Потом меняются ролями. Действия в непосредственном соприкосновении с «противником» воспитывают сноровку, решительность, пространственную ориентацию.

Опыт показывает, что проведение утренней физической зарядки с элементами рукопашного боя значительно повышает интерес военнослужащих, физическую и психологическую нагрузку, эмоциональную насыщенность занятия. Воины получают заряд бодрости и здоровья.

ЗАСЛУЖИВАЕТ одобрения и опыт работы капитана С. Григораша и его подчиненных. Такая деталь: для личного состава показаны фильмы «В зоне особого внимания», «Одинокое плавание», «В квадрате 36—80», другие художественные и документальные киноленты, в которых немало примеров единоборства с использованием приемов рукопашного боя. Все это создало определенный настрой воинов.

Стараются в коллективе не упускать из виду тех, кто теряется в напряженные минуты тренировки. Они — под особой опекой.

Довелось наблюдать одну из тренировок. Обратила на себя внимание методика совершенствования приемов с постепенным усложнением обстановки — после кувырков, быстрых поворотов кругом и других действий. Сноровисто все выполнил рядовой Ч. Бахтияров. Не успел он подняться на ноги после кувырка, как перед ним возник сержант Х. Эргашев с «ножом» в руке. Из довольно неудобного положения молодой солдат четко провел прием. А ведь еще пару месяцев назад он мало что умел, теперь же был морально и физически готов к любого рода неожиданностям.

Поинтересовался у капитана Григораша: откуда черпают его подчиненные информацию? Он показал аккуратно переплетенные листы из журнала «Советский воин». «Школа неуязвимых» — так называется страничка.

— Публикации такого рода есть в периодической печати, только надо проявлять заинтересованность в них. Но главное — тренировать людей, желательно ежедневно. Требуется, заставляя до тех пор, пока не втянутся, сами не почувствуют вкус к занятиям.

— Вот мы говорим о близости к людям, заботе о них, — продолжал офицер. — Согласен, подчиненный должен быть обеспечен всем необходимым. Но ведь главная командирская забота в том, чтобы солдат мог с честью выйти из любой ситуации. Вот тогда он вернется домой целым и невредимым, а родители скажут командиру спасибо за заботу. Обученность же сама не приходит, ее надо неуклонно добиваться.

Капитан Григораш, как видите, один из тех энтузиастов, о которых уже шла речь. Но их все же пока недостаточно для то-

го, чтобы поднять выучку всего личного состава войск на требуемую высоту. Ведь без должной физической закалки, как известно, не может быть надлежащей боеготовности и боеспособности. И какие бы «хлюпики» ни прихотили в войска, командиры обязаны сделать из них за два года настоящих защитников Родины. Физическая подготовка — важная составляющая этой работы. В любом подразделении имеются немалые возможности для физического воспитания военнослужащих. Тот же рукопашный бой не требует особой материальной базы. Местом тренировок может служить более или менее подходящая площадка. А если приложить руки и старание, то можно с выдумкой оборудовать спортивный уголок в роте или отвести специальное место в спортгородке.

Но тренировать людей можно и нужно не только во время занятий по физической подготовке. Опыт передовых подразделений убеждает, что это следует делать в процессе боевой подготовки, в частности, на занятиях по тактике внутренних войск.

— Порой командиры, боясь, как бы чего не вышло, избегают элементов риска на занятиях, — говорит подполковник В. Еловский. — В корне неверный подход. Не отказ от риска и опасности, а разумное

применение их элементов — вот что нужно. Здесь важно предусмотреть все меры предосторожности, чтобы уберечь подчиненных от травм и увечий. А если будем излишне перестраховываться, то никогда не научим людей.

Сам офицер постоянно на занятиях по боевой подготовке использовал элементы рукопашного боя, а ныне требует от подчиненных на занятиях устраивать нападения из засад, проводить их в условиях ограниченной видимости, создавать шумовые эффекты. Получив определенную психологическую и физическую закалку, солдат не растеряется в сложной ситуации, отобьет удар, совладеет с нападающим на него преступником.

Подмечено: большинство военнослужащих хотя и владеет приемами рукопашного боя. Ищут литературу, публикации в периодической печати, переписывают и размножают то, что попадает им в руки. Заинтересована в выучке своих подчиненных и подавляющая часть командиров. Интерес тех и других нужно соединить. И тогда рукопашный бой в войсках будет поднят на ту высоту, на которой он должен находиться в силу специфики нашей службы.

Подполковник В. ГОНДУСОВ.

* * *

Редакция попросила начальника физической подготовки и спорта ГУВВ полковника А. МИХАЛЕВА прокомментировать материал.

— В последнее время задачи войск значительно усложнились. Наша боевая и патрульно-постовая служба требует от каждого военнослужащего быть готовым в рукопашной схватке, ни в чем не уступать своим солтерникам. Для этого нужны твердые навыки владения приемами и, что не менее важно, психологическая готовность действовать в любой обстановке, в том числе и против вооруженных преступников.

Такая подготовка нуждается в стройной системе, руководителя, способных методически грамотно обучать подчиненных. К сожалению, не все выпускники военных училищ, что справедливо подчеркивает автор, отвечают этим требованиям. Приобретенные в вузе навыки офицеры должны регулярно совершенствовать во время службы в частях. Большую помощь им при проведении занятий по рукопашному бою могут оказать сержанты. Во всех контролерских подразделениях из числа наиболее развитых в физическом отношении прапорщиков необходимо подготовить инструкторов рукопашного боя [один-два человека на каждую смену] для проведения тренировок перед заступлением на службу.

Достичь желаемых результатов можно при условии систематического обучения приемам. И начинаться оно должно с момента прибытия молодых солдат на учебный сбор. На плановые занятия по рукопашному бою для большинства военнослужащих

отводится всего 8—10 часов в год. Времени хватает лишь на то, чтобы разучить упражнения программы. Во многих подразделениях на этом обучение солдат и заканчивается. Разучили приемы по подразделениям, затем выполнили в целом и все. Этого, конечно, недостаточно, чтобы успешно применять их в боевой обстановке. Работать следует постоянно, изо дня в день. Отрабатывать приемы на инструктажах при подготовке к службе, на утренней физической зарядке по третьему варианту, в часы спортивно-массовой работы. Лишь тогда можно довести выполнение приемов до автоматизма. Необходимо усложнять и обстановку: вначале прием выполняется на месте, затем после передвижений, поворотов кругом, кувырков и других действий и наконец — в городке рукопашного боя или на полосе препятствий.

Большую пользу могут принести занятия по рукопашному бою. Кстати, по этому виду можно выполнить нормы спортивных разрядов и даже стать мастером спорта СССР.

Справедливо ставится вопрос о нехватке методической литературы. Будем искать выход из создавшегося положения. Но и в подразделениях не должны сидеть сложа руки. Хорошим подспорьем могут стать специально оформленные стенды с рисунками и описанием техники выполнения приемов.

Но главное, что хочется подчеркнуть, необходима ответственность каждого за свою личную выучку, а командиров — за постоянное обучение подчиненных.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

Человеческий фактор, социальная справедливость, достоинство, честь... Сегодня это не просто звучные понятия. Люди всерьез начинают верить в их возрождение, жизненность, в то, что правда торжествует не только в сказках, где своевременное появление доброй волшебной силы расставляет все на свои места. Надеются, что если не в состоянии самостоятельно добиться ее, правды, то вправе бить в колокола, звать на помощь: в беде не оставят. Так и поступил старший прапорщик А. Велиев, обратившись в редакцию журнала «На боевом посту».

«Меня, заместителя командира взвода контролеров, перевели на должность контролера в отдаленное подразделение — 40 км от моего дома. Для чего? Я в этом коллективе более двадцати лет, пользуюсь заслуженным авторитетом. И за мелкие недостатки снимать с должности! Они даже не касаются моих функциональных обязанностей.

Являюсь членом КПСС. Почему же меня не привлекли к ответственности по партийной линии, если виноват! Где справедливость!

Я отличник учебы, имею знак «За отличие в службе» двух степеней, другие поощрения. Фотография на стенде «Лучшие люди части». В 1986 году умерла жена, остались четыре дочери на моем иждивении и слепая мать, ей 83 года.

На мое обращение командир части подполковник А. Повлюченко сказал: «Ну и что же! Подумаешь!» Снижение в должности повлияло на оклад. А это сказывается на детях. Уважаемая редакция, где же гуманность! Где забота командира о подчиненных!»

Копии этого письма ушли в ЦК КПСС и начальнику внутренних войск страны. Что это, холодный, трезвый расчет дальновидного, битого жизнью склочника или растерянный жест человека, отчаявшегося добиться справедливости на месте? И о каких «мелких недостатках» идет речь?

На вопросы ответила командировка.

Подполковник А. Повлюченко был предельно логичен: «Знаете, время перестройки — это время переоценки ценностей. Бывает такое, десять—пятнадцать лет человек числится в отличниках, исправно получает награды, поощрения, и вдруг выясняется, что нет у него ни знаний, ни мастерства, ни совести... В застойные времена тут такое творилось! Увольнять многих приходится. Остаться должны лучшие».

Вполне в духе времени. Но это слова. А что на деле, вернее, по делу? К нему непосредственно относится приказ о недостатках в организации и несении контролерской службы в роте, которой командует капитан Ю. Адинбеков. Так, проверка показала, что наряд контролеров обстановку на объекте не знает, в штрафном изоляторе нарушается режим содержания осуж-

денных, ножи и топоры в столовой хранятся безучетно и на ночь не сдаются, взаимодействие войскового наряда с караулом и администрацией не организовано, контроль за службой носит формальный характер... Так родился приказ о наказании виновных, в их числе был и старший прапорщик А. Велиев: «Подготовить документы об освобождении от занимаемой должности».

...Командир части лично трижды проверял службу надзора. Еще в первый раз Велиев пообещал подполковнику Повлюченко устранить выявленные недостатки. Прошло два месяца — все осталось как было, и командир части строго предупредил Велиева. А спустя полгода, окончательно

«ВНИЗ»

И «В СТОРОНУ»

ПЕРЕВЕЛИ

СТАРШЕГО ПРАПОРЩИКА

А. ВЕЛИЕВА.

ЗА ЧТО?

но убедившись в неисполнительности старшего прапорщика, принял решение о переводе его в другое подразделение с понижением в должности.

Нет необходимости вести речь о справедливости приказа, предвзятости и крутости командира. Ему (пусть даже субъективно) ситуация могла представиться и так. А вот о недостаточной обоснованности для подчиненных его решения, принятого под горячую руку, и, как следствие, о бездушии и черствости начальника поговорить стоит. Заметьте, даже на самое строгое, но справедливое решение жалуются редко.

Если взглянуть на случившееся с точки зрения старшего прапорщика Велиева да отбросить в сторону эмоции, картина будет выглядеть иначе.

Так, еще во время первой проверки службы войскового наряда контролеров он, увидев командира части, быстро выбежал из помещения, представился. И с ходу получил строгий выговор за нарушение формы одежды: не облачился в шинель.

Выявленные недостатки были сразу устранены. А полутно и другие, не входящие

В функциональные обязанности Велиева, как-то: клеймение ножей и топоров — забота администрации колонии.

В последний свой приезд в роту командир обнаружил неверно заполненную книгу учета выдачи колоше-режущих предметов, а в шкафу в столовой — продукты осужденных, работающих там постоянно. Конечно, беспорядок, соглашается Велиев, но ведь из этого факта командир части сделал далеко идущий вывод: обыски контролерами не проводятся. Неправда. И далее — в штрафном изоляторе меняли полы в камере. Там и нашел командир части окурки (столляр курил). В итоге контролеру — выговор, а Велиева — с должности долой...

Кто объективен в трактовке событий — начальник или подчиненный, судить трудно. Но показательна реакция коллектива. Вскоре после инцидента состоялось партийное собрание, на котором выбирали делегатов на партконференцию соединения. Политотдел части вполне демократично, но настоятельно порекомендовал избрать Гусейнса и Арутюнова. Но коллектив, надышавшись с апреля восемьдесят пятого года воздухом демократии, не прислушался, избрал не любимого командиром, но уважаемого коммунистами Велиева, а также Гусейнова.

А наутро в роту позвонил секретарь парткомиссии при политотделе части майор Б. Дарьин и спросил у Велиева, не будет ли тот возражать, если вместо него на конференцию поедет Арутюнов? Велиев ответил, что вопрос, дескать, не по адресу, ибо решение принято не им — коммунистами. Тогда Дарьин опрометчиво заявил, что политотдел отменяет это решение и потому состоится новое собрание с повесткой «Довыборы делегатов».

Явно погорячился секретарь. Позднее, поостыв, извинился перед Велиевым. Как коллектив постановил, так и сделали. А куда денешься — партийная дисциплина.

Но по линии служебной Велиеву пришлось несладко. Командир-единоначальник приказал перевести старшего прапорщика на низшую должность по служебному несоответствию и приложил к сему представление с весьма не лестными отзывами. Наверно, тогда и исчезла бесследно фотография старшего прапорщика со стенда «Лучшие люди части». Любопытно, что повесили ее давно, где-то еще в эпоху застоя, но гласно. А сняли в эпоху гласности, но втихаря.

Велиев, не откладывая дела в долгий ящик, подал рапорт с просьбой оставить его если не в должности, то хотя бы в родной роте. Командир части наложил следующую резолюцию: «Мое решение вам объявлено, если желаете продолжать службу, то трудитесь добросовестно там, куда назначены, — в другой роте».

За подчиненного вступился командир роты капитан Ю. Адинбеков: «Прошу оставить его в должности...». А вскоре со стенда «Лучшие люди части» сняли и фотографию «чересчур заботливого» Адинбекова.

Прошло еще несколько дней, и буквально из пепла родилась бумага на Велиева, мало сходящая с прежними и более соответствующая выводу «освободить от должно-

сти». Истины ради следует заметить, что командир роты все же остался при своем особом мнении. Но с ним не посчитались: пустяк — мнение подчиненного.

Своеобразно прошла и процедура утверждения партийной характеристики. На собрании выступило девять коммунистов, и никто худого слова о Велиеве не сказал, только хорошее. За положительную характеристику голосовали единогласно. Через два дня, вспоминает секретарь партийной организации батальона старший лейтенант П. Бойко, его вызвал начальник политотдела части майор В. Федоров и поинтересовался, на каком основании так хорошо охарактеризовали старшего прапорщика Велиева (!). Секретарь сослался на решение партийного собрания и объективно был прав. У любого человека есть недостатки, возразил начальник политотдела, желательнее их отобразить...

Командир части был менее дипломатичен, зато немногословен: «Двадцать минут на переписывание характеристики!» И хотя понимал старший лейтенант П. Бойко, что неправильно это, не по Уставу КПСС, возражать не решился; не на партсобрании, прения чреватая. Вряд ли не екнуло сердце у секретаря, не дрогнула рука, когда он заключил написанное необходимой по форме фразой: «Характеристика утверждена на собрании первичной партийной организации батальона. Протокол №... от...». Пусть это останется на его совести.

Начальник политотдела не стал утверждать фальшивку. Но и не помешал корректировке решения партсобрания в нужную командиру сторону. Удобная позиция, ничего не скажешь.

Вот что бросается в глаза: нигде, ни в одном документе не указана конкретная вина именно старшего прапорщика Велиева. Фигурируют общие недостатки, а являются ли они следствием деятельности или бездеятельности Велиева — непонятно. Неужели и такое бывает: прежде накажем, а уж меру вины и ответственности определим позже?

Только после запроса редакции журнала «На боевом посту» и вмешательства командира соединения дело сдвинулось.

Как-то довелось услышать полушутя-полусерьезно оброненную фразу: «Необходимо насадить в каждом подразделении дух демократизма и заботы о людях, чтобы ужесточить...» и так далее. Не этим ли мхом поросшим руслом следуют некоторые командиры и начальники части? Помните, подполковник А. Повлюченко сказал: «Время перестройки — время переоценки ценностей». Увы, далеко не все в данном коллективе заботу о человеке относят к разряду нравственных ценностей. А жаль.

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, пришло письмо от старшего прапорщика А. Велиева. Письмо настроенное, видимо, не оправился еще человек после моральной травмы, но теплое, приятное: «Огромное спасибо за оказанную мне и моей семье помощь. Есть еще справедливые люди. Только благодаря вашему вмешательству командир части вернул меня на прежнее место службы. Можете быть уверены: не подведу».

Юлиан Семенов

НЕНАПИСАННЫЕ

РО- МА- НЫ

19

ЛЕТО тридцать седьмого. Нас тогда на Спасо-Наливковском осталось трое: Витек, Талька и я. По утрам мы собирались возле шестого подъезда, читали по складам «Пионерку», играли в «классики» или «штандер», а потом ходили по этажам — смотреть опечатанные квартиры. Каждую ночь в нашем доме опечатывали несколько квартир. Иногда их опечатывали сургучом, и тогда мы уходили ни с чем, но если сургуча не хватало, опечатывали воском или пластилином; мы осторожно соскабливали его, лепили солдатиков, опускали их в лужи, и они становились совсем как оловянные.

— Говорят, вчера маршала Буденного арестовали, — сказал я, — за то, что у него на даче жила японская балерина.

— Откуда ты знаешь? — сердито спросил Талька; он не любил, если кто-либо из нас первым сообщал наиболее важные новости.

Я ответил уклончиво, потому что мама настрою запретила рассказывать про то, что я слышал дома:

— Ты уже взрослый мальчик и должен понять, что сейчас надо молчать.

— Почему? — спросил я.

И она стала рассказывать про врагов

народа, которые теперь, благодаря нашим успехам, со всех сторон окружают родину, — будто я сам не читал об этом в «Пионерке». Родители вообще стали какие-то странные с тех пор, как отец начал меня брать с собой днем. Раньше-то он уезжал на машине к себе в редакцию, где у него были две красивейшие секретарши, которые давали мне печатать на машинке.

Одна, тетя Роза, была дьявольски хороша, и я по ночам мечтал, чтобы она стала моей матерью. Я всегда мечтал о красивой матери, но свою я тоже любил. Я редко видел прежде отца, а теперь мы ходили с ним по улицам, и он расклеивал театральные афиши.

Как-то раз я крепко струхнул. В последнее время я часто слышал, как он по ночам тихо говорил матери:

— Краснощечекова забрали, а Курочкина и Маршака поставили к стенке.

Я сначала не понимал, что значит «ставить к стенке». Мы, когда играли в «штандер», тоже ставили к стенке, чтобы было удобнее целиться теннисным мячом в того, кто проиграл. А когда отец сказал про дядю Сашу, что его тоже «поставили к стенке», мать охнула и тихо спросила:

— Неужели и Сашу расстреляли?

Стало быть, «расстреливать» и «ставить к стенке» — одно и то же, понял я. Так вот, в воскресенье мы отправились с отцом в парк культуры. А в вагоне метро

Продолжение. Начало в № 4, 6.

ехал один пьяный в лыжных брюках с коричневыми штрипочками. Когда мы вышли из вагона на станции Коминтерн, пьяный ударил отца по голове. Отец закричал:

— Перестаньте хулиганить! Я вызову милицию!

Образовалась толпа. Подошел милиционер и сказал отцу:

— Гражданин, не мешайте проходу, станьте к стенке.

Я заревел со страху, решив, что отца сейчас будут расстреливать. Я стал хватать его за руку и тащить на улицу, где было солнечно и гудели машины, и не было этого страшного кафельного полумрака. Пальцы у отца сделались холодными, у него затряслось колено, когда милиционер стал требовать паспорт. На улице отец взял меня на руки и прижал к себе, будто я маленький. Я обнял его за шею, а она у него тряслась, и мне стало за него стыдно: вдруг кто-то заметит, что он дрожит.

Витек начертил на асфальте новые «классики» с большим «огнем» и начал скакать первым. Он великолепно скакал — и «квадратиком», и «змейкой», и «через раз», и «вслепую». Он лучше всех играл в «штандер» и никогда не мазал мячом, если целился в проигравшего. Он был единственный из нас, кто не обижал девочек и не скрывал, что влюблен в Алку Блат. Вообще, Алка была не по годам серьезным человеком и знала всю правду о семейной жизни.

— Дайте честное октябрятское, что никому не скажете, — шепнула она как-то, подойдя к нам.

Мы дали честное октябрятское.

— Мне стало известно, — сказала она, — как рождаются дети.

— Как? — спросил Витек.

— Очень просто, — ответила Алка Блат. — Для этого надо крепко обнять друг друга и поцеловаться.

Мы с Талькой начали презрительно смеяться, а Витек подошел к Алке и сказал:

— Я хочу, чтобы ты родила мне ребенка!

— Ну, пожалуйста, — ответила Алка Блат.

Витка обнял ее и поцеловал. Мы с Талькой стояли потрясенные. Потом Талька покашлял в кулак, полистал «Пионерку» и сказал:

— Я тоже хочу ребенка.

Алка вопросительно посмотрела на Витку. Тот сосредоточенно скакал в «классиках» и ни на кого не глядел.

— Он мне друг, — убежденно сказал Талька, — он разрешит.

— Давайте, — вздохнул Витек, — только побыстрей.

Но едва Талька обнял Алку и начал примериваться, как бы ее поцеловать, Витек пустил камень, который гонял по «классикам», прямо в Талькину ногу. Талька завыл, потому что камень попал

в косточку, а она электрическая — в глазах темнеет от боли. Талька скакал на одной ноге и плакал. Алка смеялась и, уперев руки в бедра, говорила, как ее бабушка:

— Какой же ты мужчина, если плачешь?! Нет, только мы, женщины, умеем переносить боль!

Вечером, после того как мама напоила меня чаем с малиновым вареньем, я сразу же уснул. А проснулся от того, что в нашей квартире лаяла собака. Сначала я удивился, потому что у нас не было собаки, сколько я ни просил родителей. Я мечтал воспитать ее и отправить на границу, товарищу Карацупе. Но потом, в перерывах между лаем, я услышал быстрый мамин голос. Как только она смолкала, сразу же начинал лаять пес. Я решил, что родители мне сделали подарок и ночью привели в квартиру немецкую овчарку. Я поднялся с кровати, надел красивые меховые тапочки, которые привез в подарок из Парижа Николай Иванович, и потихоньку двинулся в ванную, где лаяла собака, а мама тихонько увещевала:

— Ну, не надо, не надо, успокойся... Не надо, прошу тебя, не надо...

Я чуть приоткрыл дверь и увидел в щелку, что папа сидел на табуретке и лаял, обхватив голову костистыми длинными пальцами, а мама одной рукой гладила его лицо, а другой прижимала к груди отцов маузер, который всегда был заперт в столе.

Я вернулся в комнату, оставив дверь приоткрытой, и сжался под одеялом в комок, чтобы не дрожать. Потом я увидел, как мама подошла к входной двери и долго слушала, прижавшись ухом к скважине. Она осторожно отперла дверь, вышла на площадку и постучалась в квартиру напротив. Там жил отец Витка, папин друг, дядя Вася. Я услышал, как отперли дверь, и мне стало уже не так страшно. Я слышал, как мама что-то шептала дяде Васе, но он, перебив ее, громко сказал:

— Оставь меня в покое! Не приставай с провокационными просьбами! Никакого пистолета я у себя не оставляю! А если твой муж, загутавшись в связях с врагами народа, хочет уйти из жизни — не мешай ему!

И — захлопнул дверь.

Мама вернулась в комнату и стала плакать. Тогда из ванной вышел отец и, кивнув в мою сторону, сказал:

— Если бы не он, я бы знал, что сейчас надо делать.

— Тише, — прошептала мама, — прошу тебя, тише...

— Мальчика жаль, — повторил отец. — А то бы я сделал то, что обязан сделать большевик.

— Тише, — снова попросила мать, — неужели ты не можешь говорить шепотом?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

— Я бы сделал то, что надо делать! — вдруг визгливо закричал отец. — Я бы сделал!

— Что ты говоришь?! — окнула мама. — Ты хочешь погубить ребенка?

— Я не сплю, — сказал я сонным голосом. — Я только что проснулся, мамочка.

Мать подбежала ко мне; щеки у нее были мокрые, а губы сухие и воспаленные.

— А что такое «уйти из жизни»? — осторожно спросил я.

Она вся затряслась, а потом стала меня баюкать. Отец поднялся и зло усмехнулся:

— Бардак, а в бардаке еще бардак.

В дверь постучались. Мать замерла, и я почувствовал, как у нее стало холодеть лицо. А отец засмеялся — весело, так, как он смеялся раньше, когда в нашем доме еще не опечатывали квартиры.

— Кто? — спросил он громко.

— Я, — так же громко ответил из-за двери дядя Федя, отец Тальки, чекист, комиссар госбезопасности.

Отец отпер дверь. Дядя Федя вошел в квартиру. Он был в полной форме, с золотой нашивкой на рукаве гимнастерки.

— Сначала предъяви ордер, — сказал отец.

— Дурак, — ответил дядя Федя. — Как только не стыдно, Семен... Давай я заберу оружие, Галя.

Мать дала ему маузер, и он сунул его в карман.

— Тебе лучше бы уехать сейчас, — сказал он отцу. — Куда-нибудь в деревню, в шалашик, — сено косить.

Он хмыкнул, потрепал отца по плечу и ушел.

Утром Витек сказал мне:

— А папа мне с тобой больше не велит водиться.

— Почему? — удивился я.

— Потому, что ты сын пособника врага народа.

— Дурак, — сказал я. — Мой отец работает заместителем Чарли Чаплина.

(Это была правда; отец сам сказал мне об этом, когда мы с ним клеили афиши, а я досаждал ему вопросом: «Кто ты теперь, пап?» В нашем дворе все мы, дошкольники и октябрята, придавали большое значение постам, которые занимали наши родители. Это было важно потому, что определяло, какую должность ты получишь в военной игре. Вот отец и ответил про Чарли Чаплина.)

Витек презрительно засмеялся:

— Никогда не говори неправды. Чаплина давно поставили к стенке.

— Он артист, — возразил я.

— Ну и что? Артистов тоже ставят к стенке. Всех можно поставить к стенке.

Пришла Алка Блат с нараванным носом:

— Талька съябедил, что я вам буду рожать детей.

— Это правда? — тихо спросил Витек.

— Нет, — ответил Талька. — Я никому ничего не ябедил. Я просто сказал, что у нас скоро будет ребенок.

— Кому ты сказал? — спросил Витек. — Бабушке.

Витек коротко стукнул Тальку в грудь, а потом ударил ногой по заднице.

— Иди отсюда, — сказал он. — Я больше не стану играть с тобой в «классики».

И мы стали играть в «классики» втроем, а Талька сидел возле парадного на скамеечке, сопел носом, но молчал, потому что боялся Витька.

К нашему шестому подъезду подкатила зеленая «эмочка», и из нее вышли три человека в кепках с длинными козырьками. Шофер не стал выключать мотор, из выхлопной трубы попыхивал голубенький дымок, солнце сверкало в никелированных бамперах и ослепительных колпаках, на которых красным было выведено: «Завод имени Молотова».

Трое в кепках быстро вошли в подъезд. Мы удивились: куда это они так рано? Талькин отец, чекист дядя Федя, уезжает в двенадцать, и за ним приходит машина с номерным знаком МА 12—41. На шестом этаже никто не живет, потому что там всех забрали, на пятом этаже остался один трубач из военного оркестра, но про него говорят, что он «родственник», и потом у него туберкулез, а на трубе он играет только по ночам. На четвертом этаже живем мы с Витьком, на третьем этаже всех забрали, на втором квартира Тальки, а на первый вселился домоуправ — после того, как увезли Винтера с женой, которые оказались японскими шпионами. Они вечно кидали нам леденцы из окна, когда мы играли в «классики» или в войну. После того как к ним приехала Надежда Константиновна Крупская, мы — в знак большого уважения — стали говорить Винтерам «гутен абенд». Но мы недолго говорили им «гутен абенд», потому что вскоре их арестовали. Наутро после того, как их квартиру опечатали, Талька сказал:

— А я колики в животе почувствовал.

— Ну и что? — спросил Витек.

— Ничего. — Талька вздохнул. — Если не понимаешь, так подумай.

Мы начали думать, но так ни до чего и не додумались.

— Леденцы-то мы чьи ели? — помог наконец Талька.

— Винтеровские, — ответили мы.

— Вражеские, — поправил Талька. — Вражеские, троцкистско-бухаринские леденцы.

— Ерунда, — ответил Витек, подумав, — на них было написано по-советски.

— Маскируются, — грустно усмехнулся Талька. — Верьте не верьте, а леденцы были явно отравлены проклятыми Винтерами.

Трое в кепках вышли из подъезда вместе с витькиными родителями — отцом, дядей Васей, и мамой, Марией Афанасьевой.

— Витенька! — закричал дядя Вася. — Сынок!

— Сыночек! — крикнула его мама. — Сыночка, дай я тебя поцелую! Витенька, дай я тебя поцелую!

— Мальчик остался один! — кричал Витькин папа, когда его сажали в машину. — Мальчик остался совсем один! Поймите, товарищи, мальчик остался один!

Шофер дал газу, и машина умчалась. Витек, как стоял на месте, так и замер. Талька многозначительно подмигнул мне. На первом этаже открылось окно, и жена управдома внимательно на нас посмотрела. Потом открылась наша форточка, и мама крикнула мне:

— Быстренько поднимись домой!

— Сейчас, — ответил я.

Открылось окно и в Талькиной квартире.

— Таля, домой! — крикнула его бабушка. — Быстро!

— Алла! — пробасила бабушка Блат из пятого подъезда. — Домой!

И мы пошли по квартирам. А Витек так и остался стоять на месте.

Их квартира была опечатана воском. Я скovyрнул кусочек, чтоб потом вылепить солдатика. Воск был еще теплым и податливым.

20

БРЕЖНЕВ, пришедший в школу в 1915 году, должен был драть шапку перед портретом Государя — все драли! Он же кидал в костер портрет Государя — все кидали. Он учился, когда на стенах уже висели портреты вождей Октября: Ленина и Троцкого; потом прибавились Зиновьев, Каменев и Сталин, затем Бухарин и Рыков. После убрали Троцкого и добавили Калининa. Затем вынесли Зиновьева с Каменевым, но тиражировали Ворошилова. В комсомол он вступил, когда в партии был признанный «триумvirат настоящих ленинцев» — Бухарин, Сталин, Рыков. Занимаясь в институте, он — как и все — покорно принял новость: Бухарин и Рыков — то есть вождь Третьего Интернационала и глава Советского правительства — тоже уклонисты. С тех пор для него, как и для всех, был лишь один вождь: Сталин.

Своего пика такого рода приписки достигли в 1937-м. Людей решили до конца отучить думать — под страхом расстрела семьи, близких, знакомых даже.

Людей заставили поверить (и они с готовностью пошли на это), что Сталин был вождем Октября и победителем в гражданской и Великой Отечественной.

Людей приучили слепо верить последнему слову, слову того, кто овладел вершиной пирамиды.

Когда Брежнев дал себе орден Победы и пять геройских звезд, он шел по проторенному пути, провозгласив, что истинным автором Победы был он, полковник Брежнев.

Мы не верили, слишком еще кровоточило, но ведь аплодировали на собраниях, еще как аплодировали. И мы, писатели, наравне со всеми, аплодировали вручению ему Ленинской премии за литературу, хотя прекрасно знали, кто

именно написал ему «Малую землю» и «Целину».

В 1937 году люди не могли не аплодировать расстрелам ленинской гвардии — их бы замучили в одночасье, все население СССР было тогда заложником Сталина.

В семидесятых могли не аплодировать — тем не менее грели ладони.

Инерция страха? Или покорность исторически привычному абсолютизму?

Попробуем проанализировать, как же и когда создавались социалистические приписки?

Для этого возьмем «Биографию» Сталина, с одной стороны, и «Воспоминания» Крупской, письма Ленина, протоколы ЦК РСДРП, мемуары ленинцев, опубликованные в двадцатых годах, — с другой. (С моей точки зрения, «Биография» Сталина, написанная им самим, но оформленная коллективом академических марионеток, явилась началом санкционированных приписок.)

Итак, Сталин: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов...»

С кем именно? Кто руководил этими группами?

В архивах охраны имя Сталина впервые появляется лишь в 1902 году.

Примечательно: Сталин произвольно определяет начало своей революционной работы практически тем же годом, когда в Питере развернул свою деятельность Владимир Ильич. «Соратник и друг» — воистину! Как же близка Сталину византийская символика!

Обратимся к Крупской: рассказывая о ссылке в Шушенском, она пишет про тех товарищей Ильича, с кем он чаще всего переписывается, — Мартов, Потресов, Кржижановские, а к Виктору Курнатовскому «Ильичи» ездили в гости — в октябре 1898 года.

«Биография» Сталина: «По приезде в Тифлис (1900—1909 гг. — Ю. С.) он (Курнатовский) завязывает тесные отношения со Сталиным... становится ближайшим другом и соратником Сталина».

Заметим, что не Сталин становится соратником старого революционера, а, наоборот, Курнатовский делается другом юного, никому не известного Сосо.

Да и вообще, чем подтверждается это утверждение? Воспоминаниями старых большевиков? Письмами с Кавказа, полученными Лениным от Курнатовского? Архивами? Ничем это не подтверждается, кроме как «выдающимся марксистским трудом» Л. П. Берия — «К истории большевистских организаций Закавказья».

Крупская: «На «Искру» работала типография в Баку... там работали братья Енукидзе, руководил делом Красин (Лошадь)...»

К десятилетию Октября ГИЗ выпустил воспоминания Красина, в которых он пишет о своих товарищах по нелегальной борьбе на Кавказе, рассказывает о Ладо Кецховели, Аллилуеве, Авеле Енукидзе, о многих других, однако ни разу не упоминается имя «истинного вождя» кав-

казских большевиков. Почему? Возможно, забыл? Тогда отчего же его не поправили старые большевики, работавшие тогда на Кавказе? Ведь это был 1927-й, а не тридцать седьмой, ленинцев еще не начали пытаться, вынуждая клеветать на себя!

В начале двадцатых годов Абель Енукидзе, старейший ленинец, бессменный секретарь ЦИКа, опубликовал книгу мемуаров. Там не было ни слова о «выдающихся» роли Сталина. В 1935 году Енукидзе понудили переписать мемуары, заставили сочинить легенды о роли «вождя» — еще в начале века. Сразу же после этого Абель Енукидзе был арестован и после чудовищных пыток расстрелян как «шпion и враг народа».

Сталин: «Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки... Я находился тогда в Сибири, в ссылке... Письмом Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период».

В архивах нет ни копии письма Ленина, ни ответа Сталина.

Крупская: «Весной Ильич познакомился со старым революционером-народовцем Натансоном и его женой... Он знал массу людей, знал прекрасно цену каждому человеку, понимал, кто на что способен, к какому делу можно приставить. Что особенно поражало Владимира Ильича — он знал прекрасно состав не только своих, но и наших социал-демократических организаций — лучше, чем многие наши тогдашние цекисты. Натансон жил в Баку, знал Красина, Постоловского и другие х... Кто-то рассказывал, как этот старый революционер рыдал, когда в Баку впервые в жизни увидел грандиозную демонстрацию».

Л. П. Берия: «Демонстрацию организовал Сталин».

Ложь.

Давайте послушаем В. К. Таратуту, кандидата в члены ЦК РСДРП, члена большевистского штаба, героя Декабрьского восстания в Москве. Именно он был участником первой большевистской конференции на Кавказе, состоявшейся накануне Третьего съезда, за который так ратовал Ленин.

«В начале 1905 года я, — свидетельствует Таратута, — впервые встретил товарища Каменева Льва Борисовича — в качестве руководителя местных (кавказских. — Ю. С.) большевистских организаций. На этой областной конференции Каменев избрали в качестве разъездного по всей стране агитатора и пропагандиста за созыв нового съезда партии...»

Крупская: «С Кавказа (на Третий съезд РСДРП. — Ю. С.) приехало четверо: Миха Цхакая, Алеша Джапаридзе, Леман и Каменев. Мандатов было три. Владимир Ильич допрашивал: кому же принадлежат мандаты, — мандатов три, а человека четыре. Кто получил большинство голосов? Миха возмущенно от-

вечал: «Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы все дела решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов — неважно». Миха оказался старейшим членом съезда — ему было в то время 50 лет. Ему и поручили открыть съезд».

Почему же легендарный Миха Цхакая тогда вообще ни разу не упомянул имя Сталина? Ни на съезде, ни в перерывах? Забыл?

Только спустя много лет после революции его понудили вспомнить.

Когда Ильич и Надежда Константиновна вернулись в Москву в 1905 году, жить им — по условиям конспирации — приходилось врозь.

Надежда Константиновна вспоминает: «В то время я была секретарем ЦК и сразу впряглась в эту работу целиком. Другим секретарем был Михаил Сергеевич — М. Я. Вайнштейн. Помощницей моей была Вера Рудольфовна Менжинская. Таков был секретариат. Михаил Сергеевич ведал больше военной организацией, всегда был занят выполнением поручений Никитича (Л. Б. Красина). Я ведала явками, сношениями с комитетами, людьми... В середине декабря состоялась Таммерфорсская конференция. Как жаль, что не сохранились протоколы этой конференции! С каким подъемом она прошла!.. Там были Лозовский, Баранский, Ярославский и многие другие».

«Биография»: «На этой конференции товарищ Сталин был избран в политическую комиссию по редактированию резолюций конференции, где работал с Лениным, как один из выдающихся партийных руководителей».

Может быть, Крупская, ведавшая «явками и людьми», забыла «выдающегося партийного руководителя»?

«Биография»: «Вскоре в Стокгольме состоялся Четвертый съезд РСДРП. Сталин... вместе с Лениным отстаивал против меньшевиков большевистскую линию в революции...»

Позволю себе обратиться к роману-хронике «Горение», начатому мною в 1972 году. Я тщательно проанализировал стенограммы Четвертого съезда и привел следующую выдержку из выступления Сталина (Ивановича): «...исходным пунктом нашей программы должно служить следующее положение: так как мы заключаем в р е м е н н ы й революционный союз с борющимся крестьянством, мы не можем, стало быть, не считаться с их требованиями, если они в общем и целом не противоречат тенденции экономического развития и ходу революции. Крестьяне требуют раздела помещичьих земель; раздел не противоречит вышеуказанным явлениям, значит, мы должны поддерживать полную конфискацию и раздел. С этой точки зрения, и национализация Ленина, и муниципализация Плеханова одинаково неприемлемы...»

Это так «отстаивают» линию Ленина?

Горько, что в воспоминаниях делегатов ничего не говорилось о трагедии, постигшей партию: за несколько недель перед открытием съезда, в Тифлисе была про-

валена легендарная Авлабарская типография РСДРП, поставленная Алейшей Джапаридзе. При налете полиции было арестовано более двадцати ведущих большевиков Закавказья. Обидно, что эта трагедия до сих пор не тронута нашими историками. Кто именно был арестован? Когда кого выпустили? Примечательно также и то, что за все время Советской власти не было опубликовано ни одного допроса Иосифа Виссарионовича во время арестов. Не пора ли опубликовать?

Любопытен и такой факт: Сталин, трактующий себя в «Биографии» «стратегом и теоретиком», за период с 1898 года вплоть до 1907 год собрал лишь один небольшой томик; в основном туда включены листовки (авторство надо еще устанавливать), статьи и брошюры об анархизме.

За это же время его «соратник» — Владимир Ильич Ленин — написал шестнадцать томов, при этом выпустил «Искру» и провел три партийных съезда и конференцию.

С 1910 по 1912 годы «Ильичи» в Париже постоянно встречались с Курнатовским.

(Человек этот был воистину легендарным. Организатор «Читинской республики» в 1905 году, когда рабочие захватили там власть; республику потопили в крови каратели царского генерала Ренненкампа, приговорили Курнатовского к повешению, возили его в своем «поезде смерти», чтобы он воочию мог видеть расстрелы революционеров, — такая пытка пострашнее физической. Затем отправили на вечное поселение в Нерчинские рудники; оттуда он бежал; через Японию пробрался в Австралию; работал лесорубом, чтобы скопить на билет в Европу; простудился, начал терять слух, в Париж приехал инвалидом.)

Ленин и Крупская часто бывали у него в госпитале, помогали чем могли, он рвался с ними в Краков, пришел провожать «Ильичей», восторгался первыми номерами «Правды», только-только вышедшей в Петербурге, но — странно — о своем «друге», чьим «соратником» был на Кавказе в начале века, не сказал ни слова, что по меньшей мере странно, ибо Сталин в своей «Биографии» пишет: «Правда» была основана по указанию Ленина, по инициативе Сталина». Отчего же Курнатовский в разговорах с «Ильичами» даже не помянул имя «инициатора»?!

Крупская: «В Лонжюмо поселяемся мы и Зиновьевы. В доме, который сняла Инесса (Арманд), поселились наши волнослушатели: Серго (Орджоникидзе), Семен (Шварц), Захар (Бреслав). Серго незадолго перед тем приехал в Париж. До этого он жил одно время в Персии, и я помню обстоятельную переписку, которая с ним велась.. С группой кавказских большевиков у нас всегда была особенно дружная переписка...»

Нет у Крупской фамилии Сталина в числе ленинских корреспондентов на Кавказе!

(Трагизм ситуации в Лонжюмо также не проанализирован еще толком и, увы,

не стал предметом большой прозы. Когда Ленин, Каменев, Семашко, Рязанов, Зиновьев, Стеклов, Раппопорт и Вольский читали лекции ученикам школы в Лонжюмо, нельзя было представить себе, что слушали их два провокатора — Малиновский и Искрянисов, а все остальные ученики в 1937 году были расстреляны как враги народа, только Серго убили, не пороча имени; все учителя — кроме умерших Ленина, Инессы Арманд и, по странной случайности уцелевшего, Семашко, оказались «шпионами и двурушниками».)

«Биография»: «Пражская конференция избрала большевистский Центральный Комитет, создала практический центр для руководства революционной работой в России, приняла решение об издании «Правды». Конференция заочно избирает Сталина членом ЦК партии. Сталин по предложению Ленина возглавляет Русское бюро ЦК».

Крупская: «На конференции был избран ЦК, куда вошли Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе (Серго), Шварцман (Давид), Голощекин (Филипп), Спандарян. Были намечены кандидатуры на случай ареста. Вскоре после конференции (почему не на конференции?! — Ю. С.) в ЦК были кооптированы Сталин и Белостокский, питерский рабочий...»

Между выборами и кооптацией существует значительная разница.

Что же касается «Русского бюро ЦК» и его «руководителя», то здесь существует две версии: одну предложил Берия, вторую — Собрание сочинений Ленина.

Берия: «...Бюро ЦК во главе с товарищем Сталиным для руководства партийной работой в России... В Русское Бюро вошли, кроме Сталина, Свердлов, Спандарян, Орджоникидзе, Калинин».

Справочный аппарат Собрания сочинений Ленина, первое издание, прижизненное: «Бюро состояло из следующих товарищей: Орджоникидзе, Спандарян, Сталин, Голощекин».

Руководитель Бюро не назван, не было такого чина в партии!

Ильич в те месяцы пишет Горькому: «Нам удалось-таки поставить ежедневную «Правду».

Зная любовь Ленина к своим товарищам, можно быть уверенным, что он бы не преминул подчеркнуть инициативу в Сталина, да и любого большевика-практика; Ленин, однако, этого не делает.

«Огрех» Ленина восполняют Берия и «Биография»: «1 сентября 1912 года Сталин бежит из ссылки в Питер. Здесь он редактирует большевистскую газету «Правда».

Крупская: «...Владимира Ильича волновало, что «Правда» вначале упорно вычеркивала из его статей полемику с ликвидаторами. Он писал в «Правду» сердитые письма. Лишь постепенно выжалась «Правда» в эту борьбу».

Сталин санкционировал вхождение в «Правду» меньшевика-передовца Алексинского и давнего идеологического противника Ленина — философа Богданова.

(Крупская по этому поводу глухо замечает: «Об этом Ильич узнал лишь из газет».)

Не без обиды Ильич пишет Горькому: «Не знаю, способны ли Богданов... Луначарский, Алексинский научиться из тяжелого опыта 1908—1911? Поняли ли они, что марксизм штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться, как делывал Алексинский?.. Ежели поняли — тысячу им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту насмарку».

Крупская: «Как Ильич ожидал, так и случилось. С Богдановым вышел скоро острый конфликт: под видом популярного разъяснения слова «идеология» он пытался протасовать в «Правду» свою философию».

Трагическим пророчеством звучат ее слова, написанные в тридцать третьем году, накануне «большого террора»: «Особенностью Ильича было то, что он умел отделять принципиальные споры от склоки, от личных обид и интересы дела умел ставить выше всего... Когда Ильича противник ругал, Ильич кипел, огрызался вожью, отстаивая свою точку зрения, но когда вставали новые задачи и выяснялось, что с противником можно работать вместе, тогда Ильич умел подойти к вчерашнему противнику как к товарищу... В этом была громадная сила Ильича...»

«Биография»: «Сталин руководит деятельностью большевиков в избирательной кампании в IV Государственную думу».

Крупская: «В Питер для подготовки избирательной кампании... поехали близкие товарищи — Сафаров (расстрелян в 1937-м. — Ю. С.) и Инесса... По дороге Инесса должна была заехать к Николаю Васильевичу Крыленко (расстрелян в 1938-м. — Ю. С.)... Восстановлен был Петербургский комитет (ПК), а потом образовано Северное областное бюро, куда кроме Инессы и Сафарова вошли Шотман (расстрелян в 1938-м. — Ю. С.), Рахья (расстрелян в 1936-м. — Ю. С.) и Правдин (расстрелян в 1938-м. — Ю. С.)... Работа Северного областного бюро подготовила почву для выборов в депутаты от Питера т. Бадаева — большевика, рабочего-железнодорожника...»

В двадцатых годах Бадаев написал воспоминания. О Сталине как «руководителе избирательной кампании» там не говорилось. В тридцатых его сломали — дописал несколько фраз о «выдающейся» роли Иосифа Виссарионовича.

(Что примечательно: выборы были назначены на 16 сентября 1912 года, а Сталин вернулся из ссылки, по свидетельству Надежды Константиновны, лишь 12 сентября; через два дня арестовали Инессу Арманд и Сафарова... Можно ли «проуководить» избирательной кампанией за четыре дня?!)

Вернемся, однако, к «гениальному руководству» Сталиным «Правдой».

Крупская: «Кроме Малиновского, правительство постаралось приставить прокататора непосредственно к «Правде».

Это был Черномазов... Карта распространения «Правды» (подготовленная Лениным. — Ю. С.) получилась интересная... Только она не была напечатана. Должно быть, Черномазов выбросил ее в корзину...»

Но бывали и хуже случаи — иногда, хоть и редко это было, пропадали без вести статьи Ильича. Иногда статьи его задерживались, не помещались сразу. Ильич тогда нервничал, писал в «Правду» сердитые письма, но помогало мало...»

Ясно, что в тридцатых Крупская уже не могла открыто обвинять Сталина, но ведь в литературе, помимо текста, существует подтекст; есть строки, но существует и многозначительное «междустрочье». Поэтому накануне «большого террора» Надежда Константиновна и Мария Ильинична Ульянова прямо-таки заклинали в своих работах (их публиковали редко и неохотно) и выступлениях перед молодежью:

— Читайте Ильича в подлиннике, изучайте его работы, письма, даже конспекты...

Они понимали: ищущие — обрящут.

Увы, всех, кто начинал по-настоящему читать Ленина, а не сталинские «Вопросы ленинизма», уничтожали немедленно; работы Ильича подвергали строжайшей цензуре, из Собрания сочинений выбросили все негодные фамилии, изъяли множество документов и писем. Готовя термидор, Сталин в двадцатых годах возглашал: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя!». Узурпировав власть, уничтожив друзей Ленина, знавших правду, словив нескольких ветеранов, согласившихся забыть, Сталин выбросил из Собрания сочинений Ильича всякое упоминание (кроме резких, запальчивых, это ж было в характере Ленина) о Бухарине, Троцком, Зиновьеве, Каменеве, Рыкове, Раковском, Радеке, Преображенском.

Крупская: «Еще осенью 1912 года мы познакомились с Бухариным... Смотрим раз в окно и видим — идет какой-то молодой человек с огромным холщовым мешком на спине. Это и оказался Орлов, он же Бухарин... Они довольно обстоятельно потолковали с Ильичем. Бухарин жил тогда в Вене. С тех пор установилась у нас с Веней тесная связь... Когда мы стали спрашивать Николая Ивановича о его рисовании, он вытащил из своего холщового мешка ряд великолепных изданий картин немецких художников, которые мы стали усердно рассматривать... По дороге заезжали в Вену, побывали у Бухариных. Жена Николая Ивановича — Надежда Михайловна — лежала в лежку. Николай Иванович занимался хозяйством, сыпал в суп вместо соли сахар и оживленно толковал о вопросах, интересовавших Ильича...»

А каким трагизмом, горьким предчувствием пронизаны вот эти строки Надежды Константиновны: «Зимой... решено было отправить в Россию Каменева для руководства «Правдой» и работы с

думской фракцией... Сынишка Каменева и зиновьевский Степа (оба расстреляны Сталиным в 1937-м. — Ю. С.) очень серьезно спорили между собой, что такое Петербург — город или Россия... Ходили мы все продолжать их на вокзал. Был зимний холодный вечер... Настраение было у всех сосредоточенное. Думалось, долго ли удастся Каменеву продержаться? Когда теперь придется встретиться?»

...Незадолго перед этим Ленин вызвал из России Сталина.

Разногласия с «Правдой» принимали размеры угрожающие. Провели совещание членов ЦК. Но что примечательно? После прибытия Сталина в Пороино Ильяч срочно отправил в «Правду» своего эмиссара — Свердлова, который и наладил всю работу газеты, поставив ее на рельсы решительной борьбы с соглашателями, впередцами, троцкистами.

Крупская зашифровывает в «Воспоминаниях» слова, нужные для того, чтобы спасти для потомков главную информацию. Сначала она, что называется, «золотит пилюлю», приводя отрывок из письма Ленина Горькому: «У нас один чудесный грузин (несколько, правда, странно, что Ленин не назвал своего «ближайшего друга и соратника» по фамилии.— Ю. С.) засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы...»

И встык, как резкий монтаж: «Ильяч нервничал тогда по поводу «Правды», нервничал и Сталин. Столковывались, как наладить дело.»

Столковались ли?!

...Сталин два месяца прожил в Вене, занимаясь национальным вопросом, близко познакомился там с Бухариным, Трояновскими.

Понятно, что человек, не знавший ни одного иностранного языка, не мог заниматься национальным вопросом без помощи Бухарина и Трояновских: речь шла о критике австрийской «национальной платформы», которая, понятно, была написана по-немецки. Если внимательно исследовать брошюру Сталина, то нельзя не отметить ее отличие от всего остального, когда-либо им написанного. В чем же дело?

Крупская: «Вспоминаю отношение Ильяча к малоопытным авторам... Смотрел на суть, на основное, обдумывал, как помочь, исправить... Но делал он это как-то очень бережно, так, что и не заметит другой автор, что его поправляют. А помогать в работе Ильяч здорово умел. Хочет, например, поручить кому-нибудь написать статью, но не уверен, так ли тот напишет, так сначала заведет с ним подробный разговор на эту тему, разовьет свои мысли, заинтересует человека, прозондирует его как следует, а потом предложит: «А не напишете ли на эту тему статью?» Автор и не заметит даже, как помогла ему предварительная беседа с Ильячем, не заметит, что вставляет в статью Ильячевы словечки и обороты даже».

Будучи опытейшим конспиратором, жена и ближайший друг Ленина начала свою тайную войну против диктатора. Отдавая себе отчет в том, каков ее долг перед подрастающим поколением, она умело и тщательно зашифровала свою рукопись, помогая таким образом оставшимся еще в аппарате ленинцам выпустить ее книгу в свет.

Сомкните абзацы, посвященные молодым авторам, манере Ленина наталкивать их на тему, помогать им писать. Возьмите работу Сталина «Марксизм и национальный вопрос» и проанализируйте ее. Все дальнейшие статьи Сталина — а они появились только после революции, когда он окружил себя штабом помощников: Мехлис, Товстуха, Бажанов (удравший впоследствии на Запад и выпустивший там разоблачительную книгу о «хозяине») — повторяют стиль этой, первой.

А еще за несколько страниц до процитированного абзаца Надежда Константиновна замечает: «В краковский период... Владимир Ильяч уделял очень много внимания национальному вопросу. С ранней молодости привык он ненавидеть всякий гнет. Слова Маркса, что нет большего несчастья для нации, как покорить себе другую нацию, были для него близки и понятны. Споры по национальному вопросу, возникшие еще во время Второго съезда нашей партии, развернулись с особой остротой перед войной, в 1913—1914 годах, потом продолжались в 1916 году... Ильяч в этих спорах играл ведущую роль, четко и твердо ставил вопросы, и эти споры не прошли бесследно.»

(Более всего — в советский уже период — Ленину пришлось спорить именно со Сталиным. 30 декабря 1922 года Ленин диктует: «...приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять. Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина...»)

Вернемся, однако, к тому, как Ленин руководил работой «Правды» из далекого Пороина — по всему видно, что его в высшей мере беспокоила ситуация в редакции, контролируемой Сталиным.

Обратимся к «Биографической хронике» Ильяча той поры:

1) Январь 1913-го. После окончания Краковского совещания ЦК... обсуждаются вопросы: состав ЦК, работа редакции «Правды» (принята написанная Лениным резолюция о реорганизации работы редакции).

2) В январе Ленин пишет Каменеву о «намеченной реорганизации в редакции «Правды».

* Когда я беседовал с Л. М. Кагановичем, он заметил: «Это я рекомендовал товарищу Сталину Бажанова. Он был хорошим молодым человеком, но потом попал под влияние зиновьевцев, поэтому и удрал...»

3) В январе Ленин в приписке к письму Зиновьева к депутатам-большевикам Четвертой Госдумы пишет, что обеспокоен отсутствием сообщения о ходе реорганизации редакции «Правды», критикует ошибки редакции; требует установления контроля за денежными средствами газеты.

4) В январе Ленин получает письмо Свердлова и Сталина о положении дел в редакции газеты «Правда».

5) В январе Ленин в письме к Свердлову (почему не к Свердлову и Сталину — тот был в Петербурге? — Ю. С.) подчеркивает значение «Правды», пишет, что в ее постановке «гвоздь положения», критикует недостатки в работе редакции, требует немедленной ее реорганизации; отмечает, что от правильной постановки «Правды» зависит исход борьбы с ликвидаторами и работа Петербургского комитета...

6) Первого февраля 1913 г. Ленин в письме в редакцию «Правды» протестует против напечатания в газете «глупого и нагло» письма А. А. Богданова об условиях его сотрудничества в «Правде», упрекает редакцию в нарушении ею условий сотрудничества с Заграницей ЦК.

7) В марте в письме Каменеву Ленин сообщает о положительной оценке работы Сталина по национальному вопросу (помните Крупскую: для Ильича личные отношения никогда не перечеркивали деловых! — Ю. С.), о его аресте...

8) В конце марта Ленин получает письмо из «Правды» о ее... борьбе с ликвидаторами...

9) В апреле Ленин в письме большевикам-депутатам Госдумы отмечает улучшение ведения «Правды»...

10) Ленин в письме в «Правду» поздравляет с выходом газеты в увеличенном формате (это была давняя идея Полетаева, депутата Госдумы, старого большевика. — Ю. С.), выделяет главную задачу: «борьба за 100.000 читателей»; критикует за допущенные ошибки и требует их исправления: «Исправленная ошибка исчезает. Неисправленная станет гнойной язвой».

Стоит внимательно проанализировать не как писем Ленина в «Правду» и о «Правде», чтобы стало ясно, как ему было трудно «столковываться» со Сталиным, и как резко изменилась ситуация в редакции после того, как Сталин от работы — волею судеб — был отстранен совершенно...

В марте 1917 г. Каменев и Сталин, вернувшись в Петербург из ссылки, становятся во главе Русского бюро ЦК и ПК РСДРП(б), берут в свои руки «Правду».

Крупская: «18 марта стала выходить в Питере «Правда», и Ильич стал, начиная с 20-го числа, писать туда «Письма издалека». Их было пять... Напечатано было только первое письмо в день приезда Ленина в Питер, остальные лежали в редакции».

Почему же «Правда», во главе которой стояли Каменев и Сталин, не печатала Ленина?

Потому что именно Сталин и Каменев призывали в «Правде» к продолжению войны: «На пулю — пулей, на снаряд — снарядом» (Каменев); Сталин утверждал, что «теперь есть все возможности решить национальный вопрос в России»; считал возможным блок меньшевистско-эсервских Советов с Временным правительством, оговариваясь, правда, что Советы, мол, должны контролировать Временное правительство, которое фактически «закрепляет» завоевание народа и борется против «реакции и контрреволюции». (Это князь-то Львов, премьер, боролся против реакции и контрреволюции! — Ю. С.)

Более того, за неделю до приезда Ленина именно Сталин и Каменев провели в конце марта Всероссийское совещание большевиков.

Об этом совещании в «Биографии» вообще ничего не сказано, но дается следующее описание роли Сталина в этот период: «Сталин совместно с Молотовым руководит деятельностью «Правды», Центрального комитета и Петербургского комитета большевиков».

Естественен вопрос: можно ли руководить ЦК, не являясь его членом? Молотов не был членом ЦК. Впрочем, в тридцатых Маленков был назначен Сталиным секретарем ЦК, хотя членом ЦК не являлся: своя рука — владыка!

Итак, почему же «Биография» обошла молчанием Всероссийское совещание большевиков, на котором Сталин делал доклад о политическом моменте?

Да потому, что, во-первых, на этом совещании Сталин приветствовал деятельность эсеровско-меньшевистского Петроградского Совета во главе с Чхеидзе, во-вторых, никоим образом не призывал к свержению буржуазного Временного правительства и, в-третьих, рекомендовал большевикам не торопиться с «откалыванием буржуазных слоев».

Естественно, после такого пассажа Сталина на следующий же день поступило предложение от правых меньшевиков немедленно объединиться с большевистской фракцией.

Сталин рекомендовал это предложение принять.

Многие большевики возражали ему.

Сталин доказывал оппонентам:

— Не следует предупреждать возможность наших расхождений... Без разногласий нет партийной жизни... (хм-хм! 1929—1953 годы! Слово против — и к стенке! — Ю. С.)

А через неделю Ленин вернулся в Россию.

Крупская: «В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие товарищи...» (О Каменеве тогда уже нельзя было и поминать. — Ю. С.)

Мария Ильинична Ульянова: «Кроме ближайших товарищей Владимира Ильича и его родных, сюда приехали и сестрорецкие рабочие».

(Заметим, что написано это было сестрой Ленина 16 апреля 1937 года. Она нашла в себе мужество — несмотря на

шантаж и беспрецедентное давление сталинских наемников — ограничиться спасительным: «ближайшие товарищи».)

«Биографическая хроника»: «Ленина... встречают делегация петроградских рабочих во главе с членами ЦК и ЦК РСДРП(б), представители газеты «Правда». В числе встречавших были М. И. Ульянова, А. М. Коллонтай, И. В. Шляпников...»

«Биография» Сталина: «Навстречу Ленину, на станцию Белоостров выехал товарищ Сталин с делегацией рабочих». «Биохроника» Ленина: «Ленин в пути от Белоострова в Петроград высказывает Л. Б. Каменеву критические замечания о его статьях в «Правде».

Далее, на шестидесятой странице ленинской «Биохроники», приводится следующая фраза Ильича, которой он закончил свой доклад об Апрельских тезисах: «Я слышу, что в России идет о б ъ е д и н и т е л ь с к а я тенденция, объединение с оборонцами. Это — предательство социализма».

О том, что Каменев был «шпионом, диверсантом, оппортунистом, изменником, врагом народа», мы слышаны с детства. Но ведь за объединение с оборонцами, то есть за «предательство социализма», первым выступил Сталин, — такова правда, пора к ней привыкать...

Из песни слова не выкинешь: «Правда», возглавлявшаяся Каменевым и Сталиным, выступила прот и в Апрельских тезисов Ленина — на следующий же день.

Положение спасли питерские рабочие, ставшие за Ильича стеной.

В апреле состоялась Седьмая конференция РСДРП(б). Почетным председателем избрали Ленина, председателем — Зиновьева, резко критиковавшего именно Каменева.

Ни Каменев, ни Сталин в президиум избраны не были.

Каменев, однако, нашел в себе смелость выступить с содокладом, в котором возражал Ильичу по ряду принципиальных вопросов стратегии и тактики.

Сталин сделал доклад о национальном вопросе, против Каменева не сказал ни слова.

«Биография»: «На конференции Сталин... разоблачил оппортунистическую, антиленинскую линию Каменева, Рыкова и их немногочисленных единомышленников».

Так можно было писать в надежде на то, что стенограммы Апрельской конференции никогда и ни при каких обстоятельствах не будут переизданы в СССР.

Так можно писать тому и тем, кто брезговал народом, считая его безмозглым, беспамятным быдлом.

Приведу лишь одну цитату из протоколов Апрельской конференции, достаточно передающую дух и стиль взаимоотношений большевиков той поры: «...речь т. Ленина меня не убедила: в его речи не было того ответа, который товарищ должен был дать. Я скажу, что если т. Ленин упрекает польских товарищей в шовинизме, то я могу его упрекнуть в

том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов. Не знаю, что лучше...»

Кто это говорил? По трагической привычке страха ответ однозначен: «Каменев, Зиновьев или Рыков». Нет. Это слова Дзержинского, что не помешало Ленину спустя пять месяцев рекомендовать Дзержинского в Военно-революционный комитет Петроградского Совета, возглавляемого Троцким, а еще через полтора месяца — председателем ЦК.

Воистину, мы «ленивы и нелюбопытны»... Те, кто сейчас с пеной у рта защищают Сталина, люди в массе своей малообразованные, некомпетентные, болезненно упрямые, то есть честолюбивые безмерно: «Раз я уверовал, отказаться от веры не желаю».

...Почитаем документы Апрельской конференции еще раз.

Посмотрим список кандидатур, выдвинутых в ЦК: Ленин, Зиновьев, Каменев, Теодорович, Сталин, Ногин, Милютин, Глебов (Авилов), Шмидт, Крупская, Шляпников, Калинин, Федоров, Скворцов-Степанов, Свердлов, Бубнов, Смилга, Правдин, Инесса Армайд, Молотов, Дзержинский, Землячка, Залуцкий, Рыков, Сергей Багдатыев.

Из выдвинутых кандидатов не об с у ж д а л и с ь: Ленин, Зиновьев, Скворцов-Степанов, Молотов, Дзержинский, Рыков.

Когда началось обсуждение кандидатуры Каменева, против него выступил Солоньев (расстрелян). Возразил ему Ленин: «В центральном партийном органе за границей было сказано, что поведение депутатов в процессе, а Каменева в частности, недопустимо. Этим инцидент был исчерпан. Некоторые товарищи считали, что эти меры были недостаточны строги, но, по моему мнению — достаточны... Поэтому нельзя из-за проступка, за который товарищ Каменев был уже привлечен к суду и достаточно оценен и осужден, нельзя возражать против его кандидатуры... Деятельность Каменева продолжается десять лет, и она очень ценна. То, что мы спорим с товарищем Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив в его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах...»

Он же, Ленин, встал и на защиту Сталина: «Тов. Коба мы знаем много лет. Видали его в Кракове, где было наше бюро. (А раньше, как утверждает «Биография»? — Ю. С.) Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах».

ЦК был избран в следующем составе: Ленин — 104 «за», Зиновьев — 101, Сталин — 97, Каменев — 95, Милютин — 82, Ногин — 76, Свердлов — 71, Смилга — 53, Федоров — 42.

...Через три месяца после Апрельской конференции Временное правительство начало травлю большевистского руководства; Ленин и Зиновьев скрылись в Раз-

ливе; Троцкий, Каменев и Луначарский были арестованы и посажены в Кресты, откуда их вынуждены были выпустить, поскольку генерал Корнилов готовил свой путч; для него разницы между большевиками, меньшевиками и эсерами не было: раз против царя-батюшки — значит, враг, к стенке или на фонарь!

...Сталин Временным правительством не преследовался, жил вполне легально, даже паспорта не менял.

«Биография»: «Сталин непосредственно руководит всем делом подготовки восстания...»

«Революционный Петроград» (издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1977): «По заданию ЦК Военно-революционный комитет создал поле вой штаб для дальнейшего руководства восстанием. В него вошли Н. И. Подвойский, А. С. Бубнов, В. А. Антонов-Овсеенко, Г. И. Чудновский, К. С. Еремеев».

Где же Сталин?

Хочу привести документ:

«ИЗВЕСТИЯ» № 210,
29 октября 1917 г.

«ПРИКАЗ

всем районным Советам
Рабочих Депутатов

и фабрично-заводским комитетам.

Корниловские банды Керенского угрожают подступом к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контрреволюционное покушение против народа и его завоеваний.

Армия и Красная Гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным Советам и фабрично-заводским комитетам:

1. Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, возведения баррикад и укрепления проволочных заграждений.

2. Где для этого потребуется прекращение работ на фабриках и заводах, немедленно исполнить.

3. Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.

4. Все имеющееся оружие иметь при себе.

5. Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию революции всеми средствами.

Председатель Петроградского Совета
Рабочих и Солдатских Депутатов
Народный комиссар

Председатель Военно-Революционного
Комитета

Главнокомандующий округом

Николай Подвойский».

...Поднимите подшивки газет той поры — фамилии Сталина практически нет, — Ленин, Троцкий, Подвойский, Крыленко, Антонов-Овсеенко, Раскольников, Дзержинский...

Так кто же руководил Октябрем?!

Этот краткий комментарий к «Биографии» Сталина, относящийся лишь к 1898—1917 годам, я хочу закончить, при-

гласив читателя к новому прочтению книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

С 1930 года работа американского коммуниста, похороненного у Кремлевской стены, была объявлена «вредной», ее запретили, упрятав в спецхраны; если находили у кого-то в личной библиотеке, сажали по статье 58, пункт 10: «призыв к свержению или ослаблению Советской власти».

Почему произошло такое?

Откроем первую страницу.

Предисловие Ильича: «От всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземплярах и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция...»

Предисловие Крупской: «Книжка Рида дает настоящую картину настоящей народной массовой революции, и потому она будет иметь большое значение для молодежи, для будущих поколений — для тех, для кого Октябрьская революция будет уже историей. Книжка Рида — своего рода эпос...»

А теперь — фрагменты из «Послеловия» издательства, выпустившего эту книгу в 1958 году, после двадцативосьмилетнего перерыва:

«...Джон Рид в силу объективных условий... не мог с необходимой конкретностью и достоверностью изучить деятельность большевистских партийных центров в период подготовки восстания и во время восстания... В книге не получила достаточного изображения та упорная борьба, которую вели Ленин и его ближайшие соратники против капитулянтов и против тактической линии Троцкого... Ошибочно утверждение Рида, что «быть может, никто, кроме Ленина и Троцкого, и петербургских рабочих и простых солдат, не допускал мысли, что большевики удержат власть дольше трех дней...»

Вот так в 1958 году те же люди, которые незадолго перед тем выпускали «Биографию» Сталина, позволяли себе, уже после XX съезда, править и корректировать Ленина, не говоря уж о Крупской, открыто отвергая оценки Ленина!

Сейчас этих редакторов назвали бы «силами торможения», «сталинистами».

Я бы назвал их проще: «антиленинцы».

Среди выпускавших Рида были и тридцатилетние, те, которые сейчас аплодируют перестройке и не перестают восхищаться гласностью и демократией.

И мы позволяем себе непростительную роскошь верить им.

«Прежде чем объединиться, надо раз и до конца размежеваться».

Опасно забывать литые формулировки Ленина, это чревато новой трагедией, которая по своим масштабам может оказаться столь же ужасной, как и тридцать седьмой год, ибо мы еще не отвык-

ли от тотальной лжи, поле не перепажано.

Я не зову к карам. Наоборот: я предлагаю сохранить оклады, содержание, машины и прочие житейские блага всем тем, кто состоялся во времена Сталина, для кого он и поныне — единственный и непререкаемый авторитет, Хозяин, Вождь.

Пусть живут в достатке, к которому привыкли.

Но пусть не имеют права ставить палки в колеса перестройке, мешая тем, кто защищает демократию и гласность.

Пусть они уйдут!

21

ОСЕНЬ пятьдесят второго...

Ах, как прекрасна была та осень! Леса стояли тихие, золотые, гулкие. Над полями гудели пчелы. В маленьких речушках, прозрачных и медленных, опрокинувшееся небо казалось неподвижным и торжественным, словно заутреня. Кончался сентябрь, но было словно в июне: травы — зеленые, вода — теплая, ночи — светлые.

— Господи, — сказала старуха в белом платке, стоявшая рядом со мной, — благость-то вокруг какаа, а?! Будто и греха нет.

Она оглянулась: очередь на передачу в Ярославскую пересыльную тюрьму тянулась с Волги вверх, прерывалась булыжной дорогой, где стоять не разрешалось, чтобы не было излишнего скопления возле тюрьмы, и плотно жалась на деревянном тротуаре, который вел к маленьким зеленым воротам под сторожевой вышкой.

В очереди стояли старухи с серыми от загара лицами; руки их были коричневыми, синие вены казались черными, а ноги были бугорчатые от копания в земле; стояли здесь молодые бабы с детишками, чаще всего грудными; на солнце детишки плакали, а в тень отойти нельзя, потому что очередь и есть очередь — к тюремным ли воротам, за сахаром ли: пропустил свое, на себя и пеняй.

И среди сотен женщин в очереди двое мужчин: безногий полковник запаса Швец и я. Швец передвигался на тележке, к которой были приделаны подшипниковые колесики. Раньше он ходил на двух протезах, с громадным трудом, но все-таки ходил. Однако с тех пор, как арестовали его сына, аспиранта филфака, и по решению ОСО осудили на десять лет по пятидесят восьмой статье за участие в антисоветской организации, преследовавшей «ослабление и подрыв существующего строя», безногий полковник записал, бросил свои хитрые протезы и стал передвигаться, как рядовые инвалиды, — на тележке.

Швец стоял под березой, в единственном месте, где была тень; он был, как командир на параде, — с орденами и медалями на белом шелковом кителе, а мимо него, к тюремным воротам тянулась бесконечная тихая очередь.

...Приехав в Ярославль, я долго искал тюрьму: и нашел ее только наутро, пото-

му что сначала, когда еще ходили автобусы, было как-то стыдно спрашивать кондукторов, где пересылка: был субботний день, в автобусах ехали веселые молодые люди в белых рубашках и красивые девушки; они говорили тихо, нежно, о чем-то заветном. Словом, к тюрьме я добрался только ранним утром. От Волги тянуло великолепным запахом свежей рыбы, дегтя и дыма. Из открытых тюремных ворот попарно шли зеки с чемоданчиками и вещмешками. Они спускались к баржам, а по обе стороны тюрьмы, отнесенные конвоем, стояли женщины: все в белых платочках, похожие на птиц, с коричневыми лицами и громадными, натруженными руками. Заключенные шли быстро, стараясь не смотреть на своих баб, а те кричали, и невозможно было разобрат, что они кричали, потому что их голоса сливались в один. Там были имена — в их вопле слились воедино десятки Николаев, Иванов, Петров. Шла волна, когда забирали колхозников, и поэтому имена были земные, прекрасные и многотрадные.

Когда наша очередь подошла к воротам, поджужжал на своей каталке Швец и, подтянувшись на руках, забрался на деревянный тротуар. Старуха, что стояла перед нами, спросила:

— А ты по ком страдаешь, убогонький?

— По России, — ответил полковник запаса, — по России, бабка.

Нас запустили в ворота. Охранник сказал:

— Быстро, быстро, граждане, не задерживайтесь во дворе!

Мы пошли по асфальтовой дорожке вдоль линии колючей проволоки, протянутой по внутренней стороне забора, мимо окон, забранных намордниками, чувствуя на своих спинах глаза охранников, стоящих на вышке.

Запускали в тюрьму десятками. Сейчас шли семь старух, русая красавица в открытом сарафане и мы со Швецом.

В приемной камере — в отличие от столичных Бутырок — стоял тяжелый запах карболки и хозяйственного мыла. Прямо напротив маленькой входной двери было окошко, а налево железная дверь, запертая на громадный висячий замок. Старухи, осторожно отталкивая друг друга острыми локтями, сразу же выстроили очередь. Окошко открылось. В квадратном вырезе, освещенном низко висящей лампой, я увидел две большие руки, лежавшие на списках, напараллельных чернильным карандашом. Больше в окошке ничего не было видно: две руки и списки.

Бабка, стоявшая в очереди первой, быстро прощамкала в окошко:

— Передача для Сургучевых, Павла Васильевича, Михаила Васильевича и Федюньки.

— Сургучевы? — тихо переспросила из окна.

— Да, Сургучевы.

— Какая статья?

— Пятьдесят восьмая, десятый пункт и еще какой-то, — быстро ответила баб-

ка. — Разговаривали они, батюшка, по пьяному делу разговаривали.

Окно захлопнулось. Стало тихо. Только муха гудела вокруг маленькой лампочки, свисавшей с потолка на кривом шнуре. Я обернулся на Швеца. Он был бледен, и сейчас, в полутьме, стали особенно заметны глубокие старческие морщины на его желтоватых висках. Русая красавица достала маленькое зеркальце и, облизнув припухлые губы кончиком острого языка, принялась рассматривать свое лицо, то хмуря брови, то, наоборот, чуть улыбаясь.

— Пониже поглядите, — сказал я.

Женщина опустила зеркальце, увидела насосанный синяк на шее, озабоченно разглядела его, поджала губы и покачала головой.

— От гад,— вздохнула она грустно,— гадюка проклятая...

Окошко открылось; голос оттуда доносился глухо:

— Сургучевы выбыли на этап.

— Да что ты, батюшка, — оживилась старуха. — Я ж сегодня ночью этап выстояла: не было Сургучевых.

— Повторю, они выбыли на этап.

— Ой, батюшка, — заговорила старуха быстро-быстро, — я ж лепешечек им напекла, яиц наварила, прямо из-под курочки. Вот узелок, он маленький, батюшка, вы уж примите для них, Федюнька у нас легочный, маленький он у нас, вы уж похлопочите, пожалуйста...

— Следующий, — сказал голос из окна.

— Батюшка, — тонко заплакала старуха, — лепешечки-то куды? Куды ж лепешечки на масле? И яички с-под курочки?

— Следующий, — снова ответил голос из окна.

Русая красавица задумчиво сказала: — Вот сволочь, а? Мать его рожала или сноха?

Швец начал откашливаться, будто в горло ему попала рыба кость. Но вслух никто ничего не говорил: каждый ждал своей очереди, в глубине души понимая, что получит такой же отказ; однако человек — такой организм, который во всех перипетиях жизни ждет. Бог его знает чего, а — ждет, даже если и сам уверен, что ждать-то, в сущности, уже нечего.

— Батюшка, — дрожащим голосом сказала старуха, — что же делать мне? Я ж лепешки не сжую, у меня и зубов нет, десны только тесто протягивают, а куса вовнутрь не дают...

Продолжая говорить что-то быстрое и несуразное, бабка достала из-за пазухи тридцатку и, комкая ее в потной ладони, сунула в окно. Тридцатка вылетела откуда на пол, и в окне появилось лицо молоденького паренька в форме младшего лейтенанта:

— Да что вы, мамаша?! — жалобно крикнул он. — С ума свернули?! Заберите свои деньги и станьте в сторонку, пока другие не пройдут.

Бабка, жалобно причитая, спрятала тридцатку, отошла к окну и там стала

мотать головой, словно лошадь, замученная оводами. Плакала она беззвучно, не утирая слез, только часто-часто хлопала покрасневшим носом.

— Следующий! — сказал младший лейтенант.

Полковник Швец, стоявший под оконцем, выкрикнул с пола:

— Константин Иванович Швец, осужден ОСО на десять лет!

Младший лейтенант рассерженно сказал:

— Что за шутки? Заявитель, покажитесь!

— Не могу!

— Не можете, так покиньте помещение!

— Мальчишка! — крикнул Швец и, резко откинув потную голову, зажмурился.

— Что?!

— То самое. Молокосос!

Младший лейтенант пристукнул кулаками по спискам и стремительно высунулся из окошка. Он увидел меня и решил, по-видимому, что это я с ним так говорил.

— Вниз посмотри! — иступленно прокричал полковник. — На меня смотри!

Младший лейтенант недоуменно посмотрел вниз, увидел Швеца на платформе с подшипниками, в лице его что-то на мгновение дрогнуло, а потом замерло, будто заглодело.

В камере было тихо, и муха вокруг лампочки жужжала громко, словно трансформатор. Младший лейтенант спрятался в свое оконце и сказал:

— Следующий!

— Швец, Константин Иванович, осужден ОСО на десять лет!

— Выбыл на этап.

— Когда?

— Вчера.

— Куда?

— По месту отбытия наказания.

Швец спросил:

— А ну, подними меня.

Я уцепил его под мышки, поднял к окну. Выставив колено, я опустил на него платформочку. Швец уцепился своими громадными, как у всех безногих, ручищами за деревянное оконце и сказал:

— Ну-ка, лейтенант, посмотри мне в глаза.

— А в чем дело? — тихо осведомился младший лейтенант.

— Дела нет никакого. Просто посмотри мне в глаза. Вот так. Только не мигай, сынок. Тебе не совестно, а? Как же тебе не совестно, сынок?! — И Швец шепнул мне: — Опускай!

Я опустил его на пол. Швец отъехал к старухе, которая по-прежнему плакала возле окна, и начал громко сморкаться в большой полотняный платок.

— Следующий, — тихо позвали из окна.

Подшел я и, передохнув, сказал:

— Тут у вас в лазарете мой отец.

— Фамилия?

Я назвал.

Младший лейтенант посмотрел на меня огромными глазами святого. Он долго

смотрел на меня, почти столько же, как Швец — на него.

— Вам нельзя с ним видаться. И передачи тоже нельзя, — сказал он наконец. — Только по прибытии к месту отбытия наказания...

Он по-прежнему смотрел на меня своими огромными глазами, в которых было отчаяние.

— А записку? — спросил я. — Простое, чтоб он знал.

Младший лейтенант молча покачал головой. Швец из угла выкрикнул:

— Какого черта ты унижаешься перед этим мракобесом?!

После долгой паузы младший лейтенант ответил:

— Я не мракобес... Я службу нес.

Он сказал это тихо-тихо, почти беззвучно.

Я достал листок, написал карандашом: «Я здесь» и протянул младшему лейтенанту. Тот проглядел записку со всех сторон, а потом закрыл оконце. Я услышал шаги по кафельному полу. Где-то лязгнула железная дверь и стало по-особому тихо. Все эти десять минут, что мы провели в приемной камере, было то очень громко, то ужасно тихо: до звона в ушах. Только кто начинал говорить — все ухало, сотрясалось вокруг, а как ждали ответа из окошка — становилось мучительно, предсмертно тихо, даже уши закладывало.

Я ждал ответа, опершись спиной о холодную стену. Вдруг молчащую громадину тюрьмы разрезал высокий, кричащий плач. Никто еще ничего не понял, а меня прижало к подоконнику. Я почувствовал себя крохотным, руки у меня заледенели, и к горлу подступила тошнота.

— Ишь, балует, словно ребеночек воеет, — сказала русая красавица.

Я бросился к двери, через которую нас сюда впустили, отбросил щекотку и закричал:

— Старик, я тут!

Плач прервался, и я услышал страшный, совсем не знакомый мне, но такой родной отцовский голос:

— Пустите, не затыкайте рот! Сын пришел! Пустите же!

— Папа!

Отец глухо завывал.

Я бросился в тюремный двор.

— Назад! — крикнул с вышки охранник.

Я почувствовал, как кто-то мягко схватил меня за шею и больно, тисками, за ноги. Я вырывался и орал что-то, а отец выл в камере.

— Да что ты?! Да погоди! — слышал я снизу сопенье Швеца, который держал меня за ноги.

— Миленький, миленький, успокойся, — шептала русая красавица, повиснув у меня на шее. — Ну, золотенький мой, ну, маленький, успокойся, — твердила она и вся вздрагивала, словно от ударов.

— Па-па! — кричал я что было сил. И в это время тюрьма загрохотала, завопила, заулюлюкала. Слышно было, как

в камерах стучали чем-то деревянным по стенам, топтали ногами и вопили визгливыми голосами:

— Дайте свиданку! Дайте им свиданку, псы! Старика пустите, пустите его, свиданку дайте!

Я увидел, как на сторожевую вышку выскочили еще три охранника, услышал быстрые команды, на Волге начали басыть баржи, заглушавшие вопль тюрьмы.

Швец тяжело дышал; в легких у него тонко свистело, и видно было, как возле кадыка пульсировала артерия.

— Там и мой кричал, — шепнул он. — Константин. Я его голос узнал.

Прибежал младший лейтенант, распахнул свое оконце и крикнул мне:

— Ну?! Вот твоя записочка! Он сознание потерял, а мне отвечай?! Все вы только о себе думаете, совести в вас ни на грош!

— Это он прав, — тихо согласился полковник Швец. — Совести в нас ни на грош. Скоты и есть скоты, только тешились.

— Разговорчики! Кто получил справку — очистить помещение! — приказал младший лейтенант.

В комнату к нему кто-то зашел, потому что младший лейтенант вскочил со своего места и вытянулся.

В окошке показалась седая голова капитана со шрамом через весь лоб.

— Поди сюда, — сказал он мне.

Я подошел.

— Иди завтра к подполковнику Мало-ву в областное управление. Я ничем помочь не могу, у твоего батьки запрещение на свиданку.

— Как он сейчас?

— А ты что, не слыхал? — вздохнул седой капитан.

— Швец Константин, тридцать третьего года рождения, осужден особым совещанием, — начал выкрикивать с пола безногий полковник.

— Знаю, знаю вашего Константина, — ответил капитан, — он в карцере за нарушение режима.

— Что он сделал? — спросил Швец.

— Да так, — ответил капитан и посмотрел в глаза Швецу, — ничего особенного, только строптив, не сломался б...

Швец просиял лицом и полез за сигаретами в нагрудный карман.

— Ничего, — сказал он, — не слома-ется.

И как-то странно подмигнул капитану, а тот так же странно ответил ему: ничего в его лице не дрогнуло, а все равно ответил, и не просто так, а по-человечески, с болью.

— Продолжайте работу, товарищ Сургучев, — сказал капитан младшему лейтенанту и вышел.

Старуха с лепешками, мать троих Сургучевых, услышав фамилию младшего лейтенанта, стала медленно приближаться к окну. Она утерла ладонью слезы с коричневых, морщинистых щек и спросила:

— А ты не Гришки ли сынок, Сургучев? Ты не Гришки ли сын, а? С Колодищ?

Младший лейтенант внимательно и с ужасом посмотрел на старуху.

— Кто следующий, граждане? — сказал он скороговоркой. — Вопросы прошу задавать по существу.

— Гришкин, — уверенно сказала бабка. — И нос, как его, — с горбой, и чуб с крутью. Господи, господи, брат на брата и отец на сына, только небо пока не раскололось, когда ж? Когда, господи?!

И, словно слепая, бабка пошла из камеры вон. Следом за ней поехал на жужжалках Швец, а за ним я. В тюрьме было тихо, потому что разносили ужин.

После того, как в тюрьме нам со Швецом отказали в свидании с родными и посоветовали пойти к подполковнику Малову в областное управление, мы отправились в гостиницу.

Швец поджужжал на своей платформе к окошку администратора и постучал по нему деревянным утюжком, которым отталкивался от земли, чтобы быстрее катиться.

Администраторша оказалась пожилой женщиной с маленькой головкой на большом теле, но на ее крошечной головке как-то странно умещалось огромное количество крохотных бело-коричневых кулек, что делало ее похожей на барашка.

— Заполните бланк, — сказала она Швецу. — Мест у нас нет, но уж вас-то я устрою, как орденосца и инвалида.

— Мы вдвоем, — сказал Швец, кивнув на меня.

— Хорошо, — ответила женщина, — я дам вам номер люкс из нашей исполкомовской брони.

Швец вернулся к столу, и мы начали заполнять длинные бланки анкет, которые выдают администраторы гостиниц перед тем, как вручить гостю ключ от номера.

Напротив графы «с какой целью приехал, куда, к кому, кем выписана командировка и на какой срок?» я написал: «прибыл как член-соревнователь Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, для обмена опытом лекционной работы». Меня действительно приняли в общество «Знание», когда отец был еще дома. Тогда я учился на втором курсе и довольно бойко излагал разные истории про те муки, которые испытывает национальная буржуазия в странах Среднего Востока, и как она постепенно уничтожается буржуазией компрадорской.

И сюда, в Ярославль, я, понятно, приехал с красной книжечкой общества, которая так успокоительно действовала на гостиничных администраторов и вокзальных дежурных.

Взяв мою анкету с красной книжечкой, Швец покатил к администратору. Сунув в окошко наши документы, он закурил и, оглядевшись по сторонам, задержался глазами на картине «Утро в сосновом бору»; вздохнувши, как-то изумленно заметил:

— Кругом одни медведи — куда ни глянь...

Администраторша, не отрывая глаз от

наших анкет, спросила:

— Молодой человек, а вы, собственно, с кем едете обмениваться опытом?

Разыскивая отца, я проехал уже восемь городов, в которых были пересыльные тюрьмы, и всюду устраивался ночевать под маркой обмена «лекторским опытом»; ответил поэтому фразой, которая действовала безотказно:

— С группой начинающих товарищей...

— А командировочка где?

— Идет по фельдъегерской связи, — ответил я туманно.

— Ах так, — понятиливо кивнула администраторша, — что ж, хорошо...

И — отложила мои документы в сторону. Взяв анкету Швеца, она бегло посмотрела ее и скорее для проформы — поинтересовалась:

— Что же вы не указали причины приезда, товарищ полковник?

— Прибыл в ваш замечательный город, — начал рапортовать Швец, — надеясь получить свидание с сыном, находящимся в пересыльной тюрьме...

— Где, где?!

— В пересыльной тюрьме.

— Какая досада, — сказала администраторша, поправив свои мелкие бараньи букли на крошечной головке, — оказывается, тот номер, который я собиралась вам дать, только что заняли. Придется немножко обождать.

— То был свободен, а то заняли? — набычился Швец.

— Нет, он, собственно, не был совсем свободен. Он должен был освободиться, — запутавшись, пробормотала администраторша.

— Верните документы, — рявкнул Швец.

И — выкатился на своих жужжалках из темного холла гостиницы на предзакатную, пронзительно-чистую, ветряную площадь. В небе детали голуби. Они были сизовато-белые, но иногда их крылья высверкивали неожиданным желто-красным цветом.

— Где ночевать будем? — спросил я Швеца. — Честно говоря, я уж третий день не сплю, башка звенит.

— Ничего. Сейчас пойдем на вокзал, там выпьем и закусим, и про ночлег с кем-нибудь договоримся: что здесь номер, что там тридцатка, все одно выйдет, с точки зрения экономии.

В ресторане мы заказали бутылку черноголовой «Московской», три салата, селедку, щи и блинчики с мясом. Швец разлил водку по большим фужерам и попрощал:

— Ну-ка придвинь меня, а то я на китель буду крошки ронять, неопрятно.

Я поднял его вместе со стулом и придвинул вплотную к столу. Швец кивнул в знак благодарности, цыкнул зубом и возгласил:

— Ну, выпьем за наших с тобой. Дай им бог.

Запрокинув голову, он вобрал в себя водку, неторопливо закусил селедочкой и усмехнулся:

— Анекдот есть такой. Один командировочный, вроде нас с тобой, задержал

ся в Москве по делам, а спать негде, мест в гостиницах нет. Ну, ему и посоветовали взять на ночь шляху возле Метрополю, — у нее и переспать. Он пришел, а там одни красавицы в чернубурках. Смотрел он на них, смотрел, а потом подошел к одной, галантно поднял шляпу и освесомился: «Тысячу извинений, мадам, а вы, случаем, не б...?» Что плешка у «Метрополю», что здешний вокзал... Сука в бигудях, чтоб у нее сыпь на лбу выметало.

— Она ж служит, зря вы на нее.

— Нет, не зря! Скрыть правду — значит предавать Константина, отречься от него, живого!

— Вы его не этим предаете. Мы все предаем друг друга совсем не этим...

Швец грохнул кулаками по столу:

— Выбирай слова! Слышу интонацию врагов народа!

— Вы действительно верите, что маршал Тухачевский был врагом народа?

— А кем же еще?

— Кто штурмовал Кронштадт в двадцать первом?

— Как кто?! — Швец изумился. — Товарищ Сталин.

— Тухачевский, Сталин и Троцкий, — тихо сказал я, оглянувшись невольно.

— Я б тебя за такие слова на фронте к стенке поставил! И самолично пристрелил, как бешеного пса! — Швец разъярился. — Запомни: тридцать седьмой год был годом великого очищения! Мы освободились от скверны японо-германских наймитов! От гестаповцев и шпионов типа Каменева и Бухарина! Понял?! Мы выиграли войну благодаря тому, что обезвредили всех врагов народа!

Лицо Швеца вдруг жалобно сморщилось, он замотал головой и стал жалостливо повторять:

— Косинька, Косинька, мой маленький, за что ж такое?! Почему суки на свободе, а ты маешься?!

А я до ужаса явственно вспомнил плач отца, который донесся через открытые тюремные окна и его пронзительный крик: «Сынок!»

— За что такое горе, Косинька?! — Швец сокрушенно качал головой. — Ты ж нашему делу предан до последней капли, ты ж наш, наш!

К столику подошла официантка:

— Щи кончились, может, поменяем на порционную соляночку?

— Ладно, — сказал Швец, вытерев лицо квадратной ладонью, расплющенной «толкалкой». — Валяй сборную.

Он демонстративно отвернулся от меня и стал смотреть на эстраду, где рассаживались музыканты: аккордеонист, слепой скрипач, слепой барабанщик и огромная пианистка, похожая на Петра Первого. Скрипач взмахнул смычком, и оркестр заиграл песню о Сталине, — тогда все программы в вокзальных ресторанах так начинались; Швец стал проникновенно подпевать: «О Сталине мудром, родном и любимом, прекрасную песню слагает народ».

В уголках его пронзительно-черных

глаз медленно накалились слезы; когда оркестранты кончили играть, Швец, аплодируя, закричал: «Браво!» В зале ресторана было всего два посетителя: он и я. Пять официанток стояли возле синих бархатных портьер, спрятав руки под белыми фарфурками на толстых животах. На стене с лепными украшениями, выкрашенной в темно-зеленый цвет, висела громадная репродукция «Утро в сосновом бору». Я посмотрел на мишек, тронул Швеца за руку:

— Простите меня, я, видно, что-то не так сказал...

— Да уж, — просветлев лицом, он сразу же обернулся ко мне, — я еле сдержался, чтоб не отгравить тебя куда следует. Болтаешь черт знает какую ахинею, уши вянут...

Он снова разлил водку по фужерам, мы выпили, в голове у меня зашумело; все, что было сегодня днем, сделалось каким-то отстраненным, далеким, оркестранты уже не казались такими жалкими, а наоборот, стали представляться мудрыми хитрецами, потому что после обязательной песни об Иосифе Виссарионовиче заиграли печальный и веселый «фрейлекс».

Швец заказал еще одну бутылку водки, быстро опьянел; я тоже. Мы начали меряться силами — у кого крепче руки. Полковник лихо укладывал мою кисть на стол, а я тогда был боксером и подрабатывал на образцово-показательных выступлениях в рабочих клубах.

— Если нет одного, — комментировал Швец свою победу, — тогда обязательно много другого...

Эти слова показались очень смешными, я захохотал, а Швец обиженно постучал себя пальцем по виску:

— Смех без причины — признак дурачины. Не понимаешь, что ль? Нет ног — руки сильные!

Швец вздохнул, начал перемигиваться с громадной пианисткой, а потом пригласил ее за наш стол:

— Мадам, не выпьете ли немного портвейна?

— Вы, случаем, не одессит? — спросила пианистка, опускаясь на стул. — Одесситы говорят «портвейн» через «ф».

— Какой с меня одессит? — Швец засмеялся. — С меня одессит, как с вас балерина.

Пианистка предложила:

— Может, сыграть попури из военных песен? Мы недорого возьмем...

Швец достал из кармана кителя тридцатку:

— Извиняюсь, что нет конверта. Венерологам и женщинам я всегда давал деньги в конвертах.

Пианистка выпила рюмку, съела кусочек селедки, вернулась на эстраду и что-то шепнула слепому скрипачу. Тот кивнул и сразу же прокричал в шуршащий микрофон:

— Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!

— Онопляют героинку, — заметил Швец. — Всего семь лет после войны

отстучало, а уж попури в кабаках поют. А солдатские кости еще не перегнили. Вот ты — ученый, лекции читаешь, ты мне скажи: сколько времени кость в земле гниет? Или, скажем, череп? Молчишь, член-соревнователь? Хитрые вы, полужидки, змеи извилистые.

Между тем слепой скрипач выкрикнул очередной куплет:

— По берлинской мостовой кони шли на водопой!

Загрохотал слепой барабанщик, а после музыканты стали петь, задирая головы к лепному потолку:

— Казаки, казаки, едут-едут по Берлину наши казаки!

Когда куплеты кончились, слепой скрипач, сделав шаг вперед, нащупал смычком стул, но опустился на него неловко и повалился на пол. Швец так хотел, что сам тоже чуть не упал со стула. Он махал руками, вытирал слезы и повторял:

— Ой, не могу, не могу, не могу! Ой, не могу, лектор, не могу!

До полуночи мы ходили вокруг вокзала, отыскивая кого-нибудь, кто бы взял нас на ночлег. Но привокзальная площадь была пуста, только под фонарем дремал таксист в старой «Победе», да время от времени прохаживался железнодорожный милиционер в малиновой фуражке.

— Где ж ваши проститутки? — спросил я. — Пошли лучше на лавку, соседям...

— Ты хоть одну свободную видел? — рассердился Швец. — Сам виноват — я уж договорился с пианисткой.

— Ей же сто лет.

— Неважно. Зато она большая. Для меня чем женщина больше, тем — желанней.

— А скрипач?

— Скрипач, — передразнил меня Швец. — Он слепой, скрипач этот! Что он видит? Тьму и только!

Швец заметил милиционера, сделал мне знак, чтобы я оставался на месте и покатил навстречу блюстителю закона. Милиционер опустился перед полковником на корточки, чтобы удобнее было разговаривать.

Я видел, как они закурили, а потом стали смеяться: то Швец, то милиционер — попеременно.

Они смеялись, а я вспомнил, как плакал и трясся Швец, заталкивая меня в приемную камеру, а потом размазывал по своим склеротическим щекам бессильные стариковские слезы...

Милиционер наконец отковырял полковнику, и тот быстро подкатил ко мне.

— Проститутки появляются к трем ноль-ноль, когда прибывает поезд с севера, — отчеканил он. — Но тут одна должна подойти к часу, Роза, — на курьерских теперь не работает, постарела, обслуживает пригородные линии. Мильтон говорит, что ее конкуренция побила, молодежь, говорит, набирает силу, ткачихи...

И вот мы в комнате у Розы. На стенах — вышитые рисунки: красноглазые

котят, лебеди в зеленых прудах среди синих башен средневековых замков. На комод, покрытом узорной салфеткой, фотографии в бумажных рамках, и почти на всех фото — Роза: завитая, губы бантиком, двое детей с одинаковыми челками, и мужчина в военном кителе без погон; у него подбритые снизу брови и рваный шрам на щеке.

— Это ему миной рассадило, — объяснила Роза, накрывая на стол: поставила три стакана, порезала хлеб и подвинула большую солонку с желтоватой солью. Швец достал из-за пазухи бутылку водки и плитку шоколада «У лукоморья дуб зеленый». Роза налила себе стакан водки, выпила по-мужски, резко запрокинув голову; напудренное, дряблое лицо ее покраснело; она взяла шоколад со стола и переложила на комод: «Оставим детям, они до сладкого любители». Потом деловито поинтересовалась:

— Вы меня оба будете, или безногий не может?

— Оба, оба! — Швец развеселился. — Безногий может, будь спокойна.

— На широкий ляжем, или будете переходить ко мне по одному?

— По одному, — сказал Швец. — Чтоб в движеньях не смущаться.

Мы с ним совсем пьяны, рассказываем Розе анекдоты, она просит нас говорить потише, чтоб не услышали соседи. Потом предупредила, что с каждого берет по тридцатке. Мы легко согласились, и она начала стелить постели.

— Чего сюда приехали-то? — спросила она. — В командировку?

— В тюрьму, на свиданку к родным, — браво ответил Швец.

— Эх-хе-хе, — вздохнула женщина, взмахнув залатанной простыней, — вам хорошо, у вас хоть надежда есть, что из тюрьмы вернутся, а у меня и этого нет...

— Что, муж погиб в боях за нашу советскую родину? — деловито поинтересовался Швец, расстегивая китель.

— Да нет, — ответила Роза, — я б тогда на детишек пенсию получала. Он к молодой переметнулся, а от молодых не вертаются, это не тюрьма. Вот теперь и кручусь: днем в гараже, а ночью на вокзале.

— И — давно?

— Через полгода, как ушел, и начала. Сначала-то думала его вернуть добром — начальству писала, и к знахарке ходила... А он не дрогнул... Ну и пошло...

— Заработок маленький? — поинтересовался Швец.

— Да нет, — задумчиво ответила женщина, присев на краешек стула, — можно б прожить... Детишек профсоюз в детсад определил... Только липли ко мне мужики, да и сама не каменная. А с горя баба по первому делу мстит, а уж потом начинает выть, когда дров полон воз наломала... Отомстишь, а ведь аборт денег стоит, где взять? Вот и пошло-поехало...

Она достала из комода старенький патефон, поставила пластинку, и хриплый голос запел, выговаривая слова не по-русски:

— Шпи, шенечин много на швете, шпи, твоз сардце тошкуют...

Роза сняла платье, пояснив:

— Надо, чтоб все было по-хорошему, с музыкой. Я и потанцевать могу, если хотите.

— Не надо. Баловство это. Нескромно, — отрезал Швец и попросил меня: — А ну подними на кровать, я сам не заберусь.

Он отстегнул лямки, которыми притягивал туловище к подшпипниковой платформе, я взял его на руки и положил на кровать. Щеки у него были, как у моего старика, — колючие и морщинистые.

Роза потушила свет, выпила еще полстакана водки, остаток спрятала в шкаф, заперла на ключ и легла к Шведу. Он что-то стал шептать ей на ухо. Я устроился на второй койке. В окне металась ветка тополя, ветер раскачивал ее, и было в этом что-то тревожное и безнадежное, словно прощание.

— Какой же ты маленький, — ласково засмеялась Роза, — как ребенок.

— Тише ты, — сказал Швец.

— Бородой не щекочись, — шепнула Роза. — Я не могу, если смешно.

— Ну вот! — Швец рассердился. — Молча полежать не можешь?! Это тебе кровать, а не Лига наций! Болтаешь языком, болтаешь, охоту отбиваешь.

Я отвернулся к стенке. Прямо на меня — в упор — смотрел с фото бывший муж Розы с подбритыми бровями. На стене по-прежнему металась тень от ветки тополя; с Волги резкими порывами задувал северный ветер.

Я проснулся от того, что меня тербила за плечо. Надо мной стояла Роза:

— Проспали! Подымайся, мне на ра-

боту пора. Черт безногий, спать всю ночь не давал, и ты еще храпел. Все равно тридцатку плати. Или пусть он вносит, я не виновата.

...Мы тихо вышли из комнаты. Я нес Швеца на руках, чтоб он не будил соседей своими жужжалками. Лицо его было отекившим и старческим. Он не смотрел на меня, дышал тяжело, а лоб его был прорезан морщинами так, словно он решал сейчас для себя самую важную жизненную задачу.

Роза подвела нас к автобусной остановке. Швец с ней прощаться не стал; она грустно усмехнулась:

— Все так... Ночью — «милая», а утром мимо смотрят и рот кривят.

— Не сердись, — сказал я.

— А я и не сержусь. Счастливо вам, горемики...

Она села в автобус и уехала.

— Сука, — пробормотал Швец.

— Зря, — сказал я.

— Нет, не зря! Все от них, от баб! А я просто предатель, вот кто я.

Он съехал на мостовую и покати к постовому милиционеру, который одиноко стоял на тумбе посреди площади. Я пошел следом за ним. Милиционер откозырял беззогому полковнику.

— Где тут областное управление? — спросил Швец.

Милиционер снова козырнул и подробно объяснил, как туда добраться.

И мы поехали к подполковнику Малову, от которого зависело, получим мы свидание или нет. Ярославль еще спал. Небо было серым и низким. Лето сломалось, шла осень.

(Окончание следует)

ЧТО ЧИТАТЬ О ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ

Щит и меч Приамурья. — Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1988. Книга выпущена к 70-летию органов госбезопасности на Амуре. В нее включены рассказы амурских чекистов и очерки о героической работе, остросюжетные произведения, основанные на подлинных событиях и фактах. Во многих операциях по разоружению бандформирований привлекались и войска ОГПУ — НКВД. Так, разгром банды Рязанцева — Саложникова был доверен дивизиону ОГПУ и подразделениям ЧОН. Сводным отрядом командовал Павел Кириллович Маслоедов, награжденный за эту операцию орденом Красного Знамени.

Гринько А. И. Линия Ратной Славы. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1988. В книге идет речь о Линии Ратной Славы города Воронежа — переднем крае обороны, на котором летом 1942 г. были остановлены (в том числе и четырьмя полками войск НКВД — 41, 125, 233, 287-м, затем Сводным полком войск НКВД) фашистские захватчики. На ее страницах описаны скрупулезные поиски могил, имен погибших красноармейцев, рассказано, что сделано или предполагается сделать по увековечению их памяти.

Биленко С. В. На охране тыла страны: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М.: Наука, 1988. В монографии идет речь о борьбе с парашютными десантами и диверсантами, которую вели и подразделения внутренних войск НКВД, а в прифронтной полосе и войска НКВД по охране тыла действующей армии. Они обеспечивали надежную охрану тыла, своей самоотверженной деятельностью своевременно пресекали преступные действия вражеской агентуры, расхитителей, спекулянтов, мародеров и иных дезорганизаторов военной экономики. Даны, в частности, материалы о деятельности 23-й бригады войск НКВД и 10-й стрелковой дивизии войск НКВД по охране тыла страны.

Таевере Д. Д. Операция «Спящий лев»: Из записок чекиста. — Л.: Лениздат, 1988. Автор с большой достоверностью рассказывает о поединках советских контрразведчиков в борьбе с националистическим подпольем в Прибалтике. Мы узнаем, как удавалось обезвредить гитлеровских агентов, пресечь опасные действия тайных врагов нашей страны в годы Великой Отечественной войны и мирное время.

★45 ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

Прапорщик Р. КАРАПЕТЯН

ДВА РАССКАЗА

Пристроившись на завалинке, вестовой комэска Уварова Яшка рисовал картину: тачанка с тупорылым пулеметом, под тачанкой спит ездовой Никаноров, а на переднем плане бьет копытом землю Яшкин любимец — гнедой жеребец Бессараб.

На крыльце штабной избы появился Уваров. Увидев Яшку, подошел к нему. Вестовой, пряча рисунок за спину, словно оправдываясь, проговорил:

— Минута свободная выдалась, товарищ командир...

Вот, значит, так.— Уваров уже совсем было собрался уходить, но затем, словно вспомнив о чем-то важном, спросил: — А где же этот... натюрморт?

Яшка, огорченный тем, что подвел товарищей, не сразу уловил смысл вопроса, а когда понял, засмеялся.

— Чего ты скалишься? — нахмурился комэск. — Я смотрю, ты у меня тоже от рук отбился, больно смешлив стал.

— Дак вон же натюрморт, в руках у вас, — посерьезнел вестовой.

НАТЮРМОРТ

Уваров нахмурился, постучал кнутовищем по голенищу сапога, вопросительно посмотрел на вестового:

— Чего спрятал-то? Покажи!

— Да это я, как его... — Яшка вдруг забыл, как называется то, что он рисовал. — Ах да, натюрморт нарисовал, — облегченно выдохнул он и протянул листок.

Сотник с минуту задумчиво рассматривал рисунок, а потом неожиданно сказал:

— И до чего же у нас, Яшка, народ еще темный, несознательный. Гляди, три спицы на колесе осколками отбило, а Никаноров, сукин сын, хоть бы почесался. А ведь предупреждал. Или вот еще, «максим» ствол вверх задрал. Непорядок!

Яшка изумленно смотрел на Уварова, который, как опытный сыщик, раскрывал содержимое рисунка. «Ну и наделал я делов, — подумал он с горечью, — только мужиков подвел».

— А кто под тачанкой спит? Никаноров? — Комэск по-настоящему рассердился. — Это что же делается, а?! У тачанки скоро колесо отвалится, а он преспокойно спит! Ну ладно, соколки, моя вина, дал слаbinу. — Он повертел лист в руках, словно раздумывая, что с ним делать, а потом, чему-то улыбнувшись, сказал: — Хорошую картину нарисовал ты, Яшка. Я ее у тебя на время реквизирую, на пользу нашего революционного дела, заместо обличительного документа. А тебе объявляю за него революционное спасибо.

Уваров с недоумением посмотрел сначала на рисунок, потом на Яшку, вновь на рисунок и сказал:

— Тачанку вижу, Никанорова тоже вижу... Бессараб вот землю роет, видать, ты его плохо поил. А натюрморта нет ни хрена. Объясни!

— А его там и не должно быть. Натюрморт — это название рисунка.

— Вона как, — удивился комэск и уважительно посмотрел на вестового. — Учить тебе надо, на красного художника.

— Я ведь для души рисую, — сказал Яшка.

— Для души можно песню спеть, — обронил командир и, поправив португеек, зашагал к штабу. Уже с крыльца он крикнул вестовому: — Для души буржуи жили, а ты красный кавалерист и должен все делать для революции.

Слова Уварова не тронули Яшку. Товарищи тоже советовали на художника учиться, но он отшучивался: дескать, какой из цыгана художник...

* * *

На вечерних занятиях конники упражнялись в рубке лозы. Прибежал посыльный из штаба и передал командиру эскадрона, что красноармейца Черного вызывает комиссар полка. Услышав свою фамилию, Яшка насторожился.

— Черный! — зычно окликнул комэск и, улыбнувшись, приказал: — К комиссару, аллюр три креста!

Комиссар полка сидел за столом, прикрытым картой. Его бледное после малярии, с впалыми щеками лицо было сосредоточенным. Он поднял на Яшку утомленные от бессонницы глаза.

Яшка доложил, что явился.

— Садись! — приказал комиссар. — В Москву поедешь. Посоветовались мы тут, в штаб армии позвонили и отправляем тебя в училище художественное.

— Меня? — Яшка от неожиданности привстал. — Почему меня? Какой из меня художник?

— Пока не художник, выучишься — станешь им.

— Товарищ комиссар полка, я не поеду, я белых бить хочу.

— Ты мне брось, — устало сказал комиссар. — Где же твоя революционная сознательность, товарищ Черный? А еще секретарь комсомольской ячейки, моя, можно сказать, правая рука. Поедешь, и баста! Станешь самым первым революционным цыганским художником!

Яшка от горькой обиды чуть не заплакал, а комиссар продолжал:

— Красные галифе получишь, гимнастерку новую, сапоги хромовые, приедешь в Москву таким, чтобы каждый понял — Яков Черный прибыл не для баловства, а на художника учиться. Все! Иди за документами.

Выйдя от комиссара полка, Яшка еще сомневался, правильно ли сделал, что не отказался от поездки в Москву. Он не сразу заметил подошедшего Уварова.

— Чего загрустил, дурья голова? Другой на твоём месте умер бы от радости. Ведь в Москву поедешь, в Москву!

— Ну и ехали бы сами, — буркнул вестовой. — Чего я там, в этой Москве, не видел?

— А что, и поеду. Дай срок. Сломим белым хребет, и приеду я к тебе, Яшка, в Москву. На писателя учиться.

— На писателя? — Яшка был изумлен: Уваров — и вдруг на писателя.

— Чего ты удивляешься? — обиделся комэск. — Думаешь, Уваров только эскадроном командовать умеет да матюками крыть? А я, может, по ночам стихи пишу...

* * *

В Строгановском училище пожилой грузный мужчина взял у Яшки мандат, сказал:

— Запишите адрес общежития. Завтра утром явитесь в мастерскую к профессору Полякову. Не забудьте — к Полякову Валерию Николаевичу.

Утром Яшка пришел в мастерскую и стал в ней человека в синей блузе с большим белым бантом.

— Мне говорили о вас. Давайте знакомиться: Поляков Валерий Николаевич.

— Красный кавалерист Яков Черный, — солидно назвал Яшка.

— Сколько вам лет, товарищ красный кавалерист?

— Пятнадцать.

— Пятнадцать?! — удивился Поляков.

— И о чем они там думают — присылают юнцов? Безобразия!

— Юнец — это я? — набычившись, спросил Яшка.

— Вы, молодой человек, вы! Уж извините, но у нас известнейшее на всю Россию художественное училище, а не детский сад.

— П-послушай, ты, контра! — заикаясь от волнения, выдохнул Яшка. — Я, знаешь, сколько в седле? У меня два пулевых ранения...

Поляков не испугался. Нет. Он был поражен не вспышкой кавалериста, а тем, что этот мальчишка в свои пятнадцать был взрослее многих двадцатилетних, которые уже учились.

— Ладно, извините, — сказал он после небольшой паузы. — Что же вас больше привлекает: живопись, графика, скульптура?

— Хочу рисовать научиться, — взяв себя в руки, ответил Яшка и покраснел.

Поляков неторопливо подошел к окну, открыл форточку:

— Имейте в виду, молодой человек, учиться этому трудно, да к тому же нужен талант. Вы хоть что-нибудь умеете?

Яшка достал из кармана сложенный вчетверо рисунок и протянул его профессору:

— Вот, натюрморт.

— Любопытно! Очень любопытно! — негромко, самому себе, сказал Поляков, рассматривая лист. — Почему у вас лошадь с одним ухом?

— Это не лошадь, а боевой конь Бессараб, — поправил профессора Яшка. — Одно ухо ему осколком оторвало.

Поляков достал с полки лист ватмана, карандаш, подал их Яшке.

— Нарисуйте вон ту амфору. Вон ту! — профессор указал на большой глиняный сосуд, стоящий на высокой подставке. — А Бессараб ваш — просто зверь какой-то.

Яшка пожал плечами, принялся за работу. Амфору он нарисовал легко, но конные фигурки барельефа ему явно не давались. Не такими, как в жизни, были эти кони, толстые и ленивые.

Выполнив работу, Яшка подал ее профессору. Поляков долго рассматривал рисунок, наконец поскреб пальцем щеку и сказал:

— Отходите от оригинала. Пока мне надо, чтобы вы копировали. Руку вашу надо почувствовать. Однако, если будете учиться и упорно работать, это к вам придет. Да, кстати, а почему вы думаете, что ваш рисунок — натюрморт? Откуда вы взяли это название?

— Месяц назад отбили мы обоз у белых. Среди разного барахла была картина в золоченой раме. На ней нарисован стол, на столе кувшин, стаканы, курица... жареная. За окном телега и лошадь... Снизу на табличке было написано: натюрморт, — коротко рассказал Яшка.

— Ну что ж! Завтра зайдете в учебную часть, вам скажут результат. Больше не смею задерживать! — Поляков поклонился.

В общежитие Яшка вернулся поздно: все слонялся по улочкам и почему-то вспоминал лошадей, изображенных на

глиняном кувшине. Дурные лошади, негодные, их в извоз только или баринов возить. Увидел бы таких Уваров — во чертыхнулся бы!..

Сон не шел из-за этих проклятых лошадей. Что ж, теперь, выходит, целыми днями их морды тупые выводить? А Бессараб, стало быть, на зверя похож, потому что злой и раненый?

Яшка взял листы бумаги, стал рисовать Бессараба, потом Орлика, потом комиссарского Смоля... И комиссара самого, и комэска Уварова, рыжего и круглого, как перекати-поле, с усами до ушей... А уж под утро и Полякова нарисовал, с умными, красивыми глазами.

* * *

Профессор взглянул на Яшкины работы, как-то недоверчиво, из-под бровей, стал рассматривать и самого Яшку. Удивленно спросил:

— И что... вот это все... за одну ночь?

— А чего ж тянуть? — ответил Черный. — Некогда мне. Решил я к своим сегодня же уехать. Не могу здесь без них.

Поляков даже руками всплеснул:

— Вы что, шутите? Вас в училище зачислили, с чем и поздравляю, у вас, поверьте мне, отличные данные... Я вас, знаете, кому покажу? Прямо сегодня же! Вы станете настоящим художником! Так что выбросьте из головы всякие поездки и садитесь за мольберт. Поставьте перед собой амфору...

Если бы профессор не сказал об амфоре, кто знает, чем бы закончился их разговор. Но услышав, что опять придется рисовать откормленных пустоглазых лошадей, так непохожих на одноухого Бессараба, Яшка решительно замотал головой:

— Уезжаю. Скоро наши на Белую Церковь пойдут, а я — тут?

Поляков даже за рукав его схватил:

— Вы что? Да я... Я обязательно добьюсь, чтобы вас опять направили сюда, слышите? Вы прямо-таки нужны здесь!

— И там я нужен, — сказал Яшка, уже направляясь к выходу. — Там я еще нужнее, возле живого-то Бессараба. Рисовать и там буду, а учиться успею. Вот разобьем гадов...

Через шесть дней вестовой Яков Черный был зарублен врагами под Белой Церковью.

шую подол. Голос Томилина его раздражал, и потому, явно давая понять, что он не слушает собеседника, лейтенант принялся насвистывать мелодии песен.

Томилину почувствовал настроение Горелова, и дальше они шли молча. Один шлепал по лужам, а другой скакал с камня на бревно, с бревна на кочку, снова на камень. Но несмотря на все усилия, щегольские хромовые сапоги все сильнее обрастали грязью.

Мост через реку оказался наполовину разрушен, и Павел вновь с неприязнью подумал о Томилине, о ротном, о комарах, которые звенели над ухом, об этом затерянном в тайге глухом месте. «Стоило ли четыре года учиться на одних пятерки, чтобы после этого попасть в такую дыру». Подходя к штабу батальона, Горелов заметил солдата с красной повязкой на рукаве. Лейтенант внутренне подтянулся, собираясь четко ответить на его приветствие. Но солдат, оглядев забрызганную грязью парадную шинель Горелова, такие же хромовые сапоги, усмехнувшись, демонстративно отвернулся. Лейтенант собрался было уже поставить разгильдяя по стойке смирно, но его опередил Томилину:

— Гвинчидзе, комбат на месте?

Помощник дежурного по батальону не торопясь подошел к ним, небрежно приложил руку к пилотке:

— При постороннем не могу сказать, не положено. А вам, товарищ старшина, по секрету докладываю: комбат уехал в леспромхоз.

— Какой же он посторонний, Резо? — отряхивая забрызганную шинель, равнодушно сказал прапорщик. — Это ваш новый замполит.

Услышав эту новость, Гвинчидзе расправил плечи, поправил пилотку.

— Кто-нибудь из офицеров есть в штабе? — хорошо поставленным голосом спросил Горелов.

— Командир роты недавно приехал.

«Я вас не спрашиваю, приехал он или пришел», — подумал лейтенант, но вслух лишь потребовал:

— Проводите.

Экваториальны

Лейтенант Горелов с любопытством, свойственным новичкам, осматривался, шагая по раскисшей от дождя дороге в штаб батальона. Рядом с ним семеня, подняв края шинели, прапорщик Томилину. Он без умолку говорил о роте, о командире, о том, что в этой глухомани тоска и служба ему давно надоела, да места здесь грибные, рыбные, а до пенсии три года осталось...

Горелов думал, что этот краснощекий прапорщик похож на бабу, подоткнув-

На стук в дверь никто не отозвался, и Павел, резким толчком отворив ее, вошел в канцелярию.

Два стола, поставленных буквой «т», слева — металлический сейф, окрашенный грязным суриком, справа — книжный шкаф с раздвижными стеклянными створками. На полках брошюры, уставы, наставления — литература, которую можно встретить в любой ротной канцелярии. За столом сидел капитан и с кем-то переругивался по телефону:

— Да пойми же ты, Петрович, некого мне послать. Все люди на службе.

Ротный замолчал, слушая невидимого Петровича, и Горелов, воспользовавшись паузой, сделал четкий шаг вперед, приложил руку к козырьку, доложил:

— Лейтенант Горелов. Представляюсь по поводу...

— Молодец, лейтенант, вовремя, — закрыл ладонью микрофон телефона, почти шепотом сказал капитан. — Сядь пока, сядь...

Закончив телефонный разговор, он достал из ящика стола пачку «Севера», щелчком выбил папиросу и сунул ее в утробу рта. Перегнувшись через стол, протянул лейтенанту руку и как-то буднично представился:

— Рыбак, Василий Иванович. Командир роты.

Павел, отвечая на пожатие, привстал было, но ротный удержал его за руку, дескать, будет тебе вскакивать, лейтенант.

— Ну, рассказывай, замполит, — подперев подбородок ладонью, с едва заметной улыбкой на губах попросил капитан.

— О чем рассказывать? — смутился Горелов.

— Как о чем? О Ленинграде, ясное дело. Знаешь, я уже забыл, как асфальт пахнет, честное слово. Мне уже снится, что стою я на Невском и съедаю ящик мороженого. Смешно, да? И я бы смеялся, если б сыниска не спрашивал, что такое это самое мороженое да страшно ли на эскалаторе ездить. Хорошо, что чаще со службы прихожу, когда он спит, а то замучил бы меня малый вопросами. Впрочем ты приехал. Закрутился я, честное слово. Замполита нет, одного взводного нет, другой болеет...

Разговор прервал громкий зуммер. Капитан дотянулся до телефона, снял трубку.

— Да пойми ты, Петрович, — устало проговорил он, вновь услышав голос директора леспромхоза. — Некого мне послать. Я не знаю, кем караул перекрывать, а тут еще ты со своим мостом.

— Чего он хочет? — спросил Павел, когда ротный в сердцах бросил трубку.

— Хороший мужик, — огорченно развел руками Василий Иванович, — а понять не хочет. Мост у него развалился. Да вы шли через него, сами видели, в каком он состоянии. Слов нет, мост нужен и им, и нам, но кого я пошлю? Даже старшим некого назначить.

— А вы меня назначьте.

Капитан Рыбак посмотрел на Горелова удивленно, с недоверием:

— Не могу. На службу тебе только завтра, и потом, на мосту не замполит нужен, там топориком махать надо.

— Не переживайте, товарищ капитан, я ведь сам прошусь, — успокоил ротного Павел, — а насчет того, что надо топориком махать... Приходилось.

— Смотри, замполит, отговаривать тебя больше не буду. — Рыбак, по всему было видно, остался доволен настойчивостью Павла. — Директор дает трех плотников, а наши люди будут на подхвате: поднести, унести. Но работы всем

хватит, честное слово. Правда, орлов тебе таких даю... — и он покругил головой.

— Ничего товарищ капитан, я их там проэкзаменую.

— Если честно, это они тебя экзаменовать будут. Чтоб потом всю роту посвящать в то, чего замполит стоит. Так что, Павел, будут проводить с тобой орлы индивидуальную работу. В училище небось к этому вас не готовили?..

На место приехали часов в пять вечера. На перилах разрушенного моста покуривали трое леспромхозовских рабочих. Один из них — видимо, старший — нехотя подошел к лейтенанту нетвердой походкой.

— Ну даешь, командир, — дохнул он перегаром в лицо Павлу. — Я, специалист, уже час жду помощников, а вы не чешетесь, понимаете. Опаздываете.

— Вы что, пили? — несколько растерялся Горелов.

— Холодно, — поежился «специалист». — Но мы по чуть-чуть. А если не устраивает — других ищи, трезвых. — И отошел в сторону.

— Ну и черт с ними, — весело сказал Павел. — Обойдемся без них. Обойдемся, а?

Рядовой Салыхов, писарь роты, вместо ответа растегнул, а потом застегнул верхнюю пуговицу куртки, посмотрел вверх, будто там, на макушках деревьев, происходило нечто интересное. Ничего не ответил и Гвинчидзе. Он постучал ногой по поперечной балке моста, буркнул: «Гнилая. Все менять надо». Два ефрейтора, Кораблев и Семи, согласно кивнули головами, и судя по всему, оптимизма замполита не разделяли.

Горелов попробовал пальцем лезвие топора:

— Его что, при раскопках древнего стойбища нашли? Заставить бы самого Томилина им поплотничать.

— Не получится, — улыбнулся Семи. — Томилина никто не заставит, даже комбат. У него все время болит что-то. Он у нас немощный.

«Ну вот, уже спровоцировал неместные отзывы о старшине», — ругнул себя Павел. А вслух сказал:

— А у вас мощь есть? Я лично таким топором ничего не сделаю. Тут мускулы нужны, как у Гвинчидзе: вон как под курткой ходят.

Кораблев с веселым прищуром взглянул на замполита, хотел что-то сказать, но Павел незаметно сделал ему знак: молчи, мол.

— Что надо-то? — спросил Гвинчидзе, примеривая ладонь к топоричу.

— Из бревна слегу вырубить. Только погоди, я у граждан бичей еще один топор возьму. Устанешь — подменяй тебя.

— Не устану. Другое бревно себе выбейте.

Он шумно глотнул воздух — и кусок ломаной цепи вылетел из-под вонзившегося в дерево топора. Еще удар, еще... Лезвие увязало в стволе.

— А ну-ка, дай я маленьким попробую.

Несильно и вроде бы не спеша тюкая по бревну, Горелов минут за десять вырубил из него квадратный брус. Гвинчидзе за это время и одну сторону не обработал, хотя старался на совесть. Солдаты подошли ближе. Семин и Саляхов несколько растерянно смотрели на Гвинчидзе, тот рассерженно что-то бубнил по-грузински, часто повторяя непереводимое, видно, слово «старшина».

— Гвинчидзе, а давай на спор, что и я тебя обгону, — улыбаясь, сказал Кораблев. — Еще меньший топор возьму, а обгону.

— Погоди, сейчас лезвие наточу...
— Бесполезно, Гвинчидзе! Хоть бритвой его сделай. Тебя же обманули, как ребенка! Ой, извините, товарищ лейтенант, — Кораблев не выдержал и громко засмеялся.

К нему присоединился и Горелов:
— Да, товарищи солдаты, никудашные вы мастеравые. Вот из четверых только ефрейтор... как? Кораблев?.. Кораблев и понял, что большой топор — колун, и он для другого предназначен.

Развеселились все, и Гвинчидзе. Даже один из бичей, сидевших в сторонке, подетски звонко залился хохотом:

— Ну начальник, елки зеленые, обставил солдатика!

Встал, подошел к работающим:
— Ну-ка, кто со мной потягается? Фору даю.

— Не надо форы, — сказал Кораблев.
— Не терплю этого.

Лейтенант подошел к Гвинчидзе:
— А мы пойдем с вами скобы бить. Кувалда есть, тащите ее сюда... С двух раз как, слабо заколотить? Семин, Саляхов, не мерзните, берите пилу...

— Неинтересно — соревноваться не с кем, товарищ лейтенант, — сказал Саляхов.

— Как это не с кем? С ночью. Прежде чем она наступит, мост надо закончить. По нему ночью лесовозы с хлыстами пойдут.

Словно сам собой отладился ритм работы. Четверо солдат, офицер и худой, неопрятный, двигающийся как-то боком человек в старом, с чужого плеча пиджаке пилили, строгаали, стучали молотками и кувалдой, отрываясь от дела лишь затем, чтоб смахнуть пот и взглянуть на темнеющее небо.

— А бич-то — ничего, — шепотом сказал замполиту Кораблев. — Что-то прощпаается в нем понемногу. Дружки ушли, а он — пашет.

— Вас как зовут? — крикнул ему Горелов.

Тот плечами пожал, но все же ответил:
— Бич Коляня. — И напрягся, ожидая, что будет дальше, какую словесную каверзу офицер ему готовит.

— А меня Павел, — сказал Горелов. — Вы в поселке обитаете? Если нужда в добром плотнике появится, придете помочь?

— А чего ж, — расслабился Коляня и через силу нахмурился, желая спрятать блеснувшие от похвалы искры в глазах...

Едва закончили работу — уложились так дотемна, как послышался рокот двигателя. Солдаты прислушались.

— Лесовозы, — неуверенно произнес Саляхов.

— Нет, это наш «уазик», — возразил ему Гвинчидзе. — Комбат, а может, командир роты едет, работу принимать. Саляхов наш всю службу в каптерке просидел, вот и не может отличить лесовоз от «уазика».

...Ротный остался доволен: не отремонтировали, а, можно сказать, новый мост построили. Потеропил:

— Быстрее инструменты собирайте, чтоб к ужину успеть. — Лейтенанту же сказал один на один: — Ну, хлебнул горюшка с орлами нашими? Небось все леспромхозовцы делали? Ты извини, замполит, не нарочно я тебе таких выбрал, лентяи — поголовно. Как ни кричу на них, как ни наказываю — сачкуют, и все тут. Старшина каждый день на них жалуется...

— А сам он, Томилин, что за человек?

— Требовательный. Нотации им читает — будь здоров, а они не понимают. Ну что, поехали?

— Товарищ капитан, просьба такая: давайте до поселка и Николая подвезем, плотника леспромхозовского.

Коляня безучастно стоял далеко от них, втянув голову в плечи, согнувшись, как столетний старик.

— Этого бича? Да сам дотопает. И потом, сажать его некуда.

— Есть куда, Василий Иванович. Я пешком хочу пройтись.

— Ну смотри, лейтенант. Я повару тогда скажу, он горячий ужин тебе оставит.

...Машина тронулась, но, проехав метров десять, остановилась. Из нее выскочил ефрейтор Кораблев:

— Товарищ лейтенант, можно с вами? Вы же дорогу еще не знаете, а тут — лес. Вот я у командира и отпросился...

Рисунки В. ЛОПАТЫ.

ДВА ФОТО

Сколько лет прошло с тех пор!..
Но и нынче для беседы...
Вдруг заглянет репортер
Перед праздником Победы:

— Показали бы вы мне
Фронтные ваши фото.
Как жила там на войне
Наша матушка-пехота?

— Как? А вот, родимый, так:
Мы от стужи посинели,
Ну а враг, страшась атак,
Подсыпает нам шрапнели.

И опять бомбит с утра.
И опять ревут моторы...
Нас «снимали» снайпера,
А не фоторепортеры.

Но пока душа жива,
Веселей гляди, пехота...
Впрочем, есть, осталось два,
Два моих военных фото.

Все припомню, как взгляну
Я на них из дали дальней:
Вот—я еду на войну,
Вот—на койке госпитальной.

* * *

Как мне дороги эти мгновенья,
Хоть нечасто бывают они!..
Подойди ко мне

в час откровенья,
На меня отрешенно взгляни.
Путь мой был

непрямым и тернистым,
Потому-то глаза неспроста
Опалят меня пламенем чистым,
Если совесть моя нечиста.

В этот миг ты
всегда беспристрастна —
Ни тебя, ни себя обмануть.
И в глаза мне так горько и ясно
Просто некому больше
взглянуть...

ПОЭЗИЯ

* * *

У осины—раззеленый ствол,
Это по нему гуляют соки,
И подснежник

у корней расцвел —
Сладостно ему на солнцепеке.

Даже самый малый бугорок
Разродился заячьей капустой...
В жизни я достаточно продрог,
Только умоляю —

не сочувствуй.
Видишь, мне уже немогоду:

Вновь наполненный
теплом и светом,
Кажется, и сам я зацвету,
Может, небывало синим цветом.

Вот сейчас ударит первый гром,
Снова от восторга дали ахнут...
Это все не кончится добром —
Словно окна в мае, я распахнут.

Ну, а что же мне просить у вас?
Я продут студеными ветрами,
И в глубокой осени увяз,
И зима уже не за горами...

Господи, ничто мне не прости...
Но позволь мне раз еще,

не мучась,
Хоть на миг единый расцвести —
Я тогда приму любую участь...

ЛВ.

Решение созрело внезапно. Рядовому Шустрикову на глаза попался обрывок газеты с частью снимка звена доярок из знаменитого колхоза. Остальная часть газеты вместе с доброй половиной доярок была безвозвратно утеряна. Крайняя справа молодая доярка потрясла Шустрикова. Он понял, что это судьба. В подписи под снимком последней значилась Прасковья Кольцова.

— Паша, — с нежностью прошептал Шустриков, — ударница ты моя!

Он с трудом дождался личного времени

безвестный рядовой Шустриков? Он никто... Паша одна обслуживает сто коров. Городской Шустриков, как ни пытался, не смог представить сто коров сразу. Тогда он перевел коров в лошадей, посадил на них всадников — получил кавалерийский эскадрон. Значит, Паша Кольцова командует вроде эскадроном, да еще как! Ударница, знаменитость, фотография в прессе, наверняка, софиты, юпитеры, лампы дневного света, делегации, президиумы...

А он, Шустриков, — рядовой, у которого, по общему мнению, дисциплина прихрамывает на обе ноги. Правда, все больше по мелочам — то опоздает в строй, то раньше времени выйдет из строя.

ВИКТОР ГАСТЕЛЛО,

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Я Вам пишу...

и на одном дыхании написал письмо. Природа Шустрикова не обидела, и он, не таясь, описал все свои внешние приметы. О службе по соображениям секретности писал сдержанно, о чувствах вообще не упоминал, но предлагал дружбу, так как «после боя сердце просит весточки вдвойне».

Письмо он отправил авиапочтой и стал ждать ответа. Время шло, ответа не было... Шустриков подходил к политической карте мира, на глазок прикидывал расстояние от места своей дислокации до знаменитого колхоза. Даже с учетом нелетной погоды ответ должен был давно прийти.

Ну, конечно, письмо затерялось... Шустриков живо представил, как растапа-почтальон на старом велосипеде развозит письма и теряет его, Шустрикова, письмо.

Он написал второе. Поскольку за истекший отрезок времени чувство Шустрикова выросло и окрепло, то писал он с большей нежностью и теплом. Ответа не было.

Шустриков задумался и неожиданно прозрел. Паша Кольцова была фактически сельскохозяйственной звездой. А кто он,

Глубокой ночью, будучи дневальным по роте, Шустриков достал из тумбочки Дисциплинарный устав, открыл главу «Поощрения» и добросовестно переписал несколько наиболее значительных пунктов в очередное письмо к Паше. Получалось, что он много раз награжден, занесен, представлен... В письме он также признавался, не таясь, в любви и категорически настаивал на ответе еще до его отъезда на слет отличников.

Когда по приказу рядовой Шустриков прибыл в канцелярию роты, то застал там замполита роты. Тот, как показалось Шустрикову, посмотрел на него с уважением и спросил, когда с ним можно будет поговорить — сейчас или после приезда со слета отличников?

— С какого слета? — не понял Шустриков. — Я никуда не собираюсь...

— Но вот же написано черным по белому, — крайне удивился офицер и достал его письмо: — «Вскоре уезжаю на слет отличников».

РЕПЛИКА

ГОРЕЧЬ ВОЗДУХА И... ОТВЕТА

ПОЛУЧЕН ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТВЕТ НА СТАТЬЮ
С. ЯРОСЛАВЦЕВОЙ
«КОГДА ПОВЕЕТ ГОРЬКИМ
МИНДАЛЕМ» [1988, № 12]
ОТ ЗАМЕСТИТЕЛЯ
НАЧАЛЬНИКА
ОБЛАСТНОГО УВД.

Сначала коротко напомним о содержании самой статьи.

Воинское подразделение расположено там, где ему нельзя располагаться: в санитарно-защитной зоне.

Под казарму переоборудован бывший склад, вернее, два его этажа, а в подвале хранятся запасы овощей, от которых исходят отнюдь не луговые запахи.

Боевую службу солдаты выполняют, вдыхая дым, идущий из труб СПО «Нитрон». Вещества, выбрасы-

ваемые из них в атмосферу, крайне вредны для людей и окружающей среды.

И УВД области, и санэпидстанция знают о бедах подразделения, начавшихся еще десять лет назад, сочувствуют, обещают помощь, но даже в обещаниях еще десять лет через пять...

А теперь так же коротко перескажем содержимое официального ответа.

Воинское подразделение, как правильно отмечается в статье, находится там, где

5

— И кто тебя, Петров, надоумил дать объявление в «Службу знакомств»?
Рисунок майора Ю. Кумыкова.

— Это я так, — покраснел Шустриков. — Для эффекта... Люблю я Пашу Кольцову. Молодая, красивая, но знаменитая. Это ее портит.

— Тогда прочитаем письмо, — сказал со вздохом замполит, — от Прасковьи Кольцовой.

Замполит развернул письмо и с печалью в голосе начал читать:

— «Уважаемый товарищ командир! Пишу я вам, терпенье мое окончилось, и прошу я у вас защиты и справедливости. Служит у вас рядовой Петя Шустриков, судя по письмам, передовик, награжден многими очень ценными подарками. Шлет он мне письма, признается в любви, и от этих писем имею я неприятности в деревне и насмешки. Не отвечаю ему, не хочу обижать, у самой два внука тоже в армии служат. Была бы я еще одинокая, а то ведь старик жив, не доверяет мне, читает письма вслух и ревнует на всю деревню. Последнее время совсем разбушевался — узнал где-то, что любяи все возрасты по-

корны... Пишет Петя, что тепла ему не хватает, ежели что, так я ему теплые носочки свяжу шерстяные, варежки тоже могу, но пускай он мне больше не пишет. Чего я еще испугалась: вдруг слет отличников, куда он собирается, будет где-то недалеко — он возьмет и явится... Дед у меня бедовый, страшно подумать, что может случиться... Объясните ему, пожалуйста, пускай он на меня не рассчитывает».

Замполит кончил читать и осуждающе посмотрел на Шустрикова:

— Что же вы разбиваете крепкую советскую семью?

— Как же так, — окончательно растерялся Шустриков. — Вот, — он достал из кармана заветный обрывок газеты со снимком и бережно разгладил его на столе. — Вот Паша Кольцова.

— Посмотрим, — сказал замполит и раскрыл подшивку газет. — Ах, Шустриков, Шустриков, — произнес он, разглядывая снимок в подшивке. — Крайняя справа не Прасковья, а Маша. Поленились вы сходить в ленкомнату, посмотреть газету в подшивке, а читали подписи под снимком неверно. И вот результат.

— Маша, — с нежностью колыхнулся Шустриков, — как же я обзвнался?

— В вашем возрасте любовь — дело нужное, — поддежал Шустрикова замполит. — Тут возражений не имеется, и Маша действительно хороша собой... Но вводить такую девушку, ударницу, в заблуждение по поводу ваших успехов по службе нечестно!

— Что же теперь будет? — снова ужаснулся Шустриков.

— Сколько у вас осталось нарядов вне очереди?

— Два, — не таясь, сознался Шустриков.

— И прекрасно, — сказал замполит, — отработаете и начнете новую жизнь. Как только станете похожим на того знаменитого Петю Шустрикова, созданного вашим воображением, извинитесь перед Пашей, в смысле Прасковьей Кольцовой, и напишете Маше...

Из канцелярии рядовой Шустриков шел почти строевым шагом, имея твердую жизненную программу.

не положено: в санитарно-защитной зоне.

Под казарму действительно переоборудован бывший склад.

Трубы СПО «Нитрон» и вправду выбрасывают в атмосферу вредные вещества.

Автор официального ответа давно знает обо всех этих бедах и сообщает, что к 1993 году будут приняты меры по переселению воинов в более пригодное место...

Вновь вернемся к статье

С. Ярославцевой «Когда поевет горьким миндалем», к заключительным ее строкам: «Вопросов много, но решение проблемы, как понимает читатель, не столько в ответах на них, сколько в принятии срочных мер».

Речь о здоровье идет, а нам говорят: правильно вы, товарищи журналисты, все написали, и сроки изменения ситуации к лучшему предугадали: лет через пять, глядишь, все и обрадуется...

Горько читать такое!

МЕЛКИЕ ДРЕБЕЗГИ

ЦИТАТЫ ИЗ РУКОПИСЕЙ

* * *

Он повертел головой сначала в одну сторону, потом в другую.

* * *

Сергей думал об увольнении, отгоняя прочь свои мысли.

* * *

На меня написали рапорт, будто я оскорбил ее аморально.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБНОВЛЕНИЯ» (1988, № 9)

Начальник политоргана офицер А. Полозов сообщил, что критические замечания, высказанные в статье члена Военного совета — начальника Политуправления войск генерал-майора А. Гриенко, обсуждены на собрании партийного актива части. Принят ряд конкретных мер.

В частности, центр тяжести политического воздействия переносится в отдельно дислоцированные подразделения. Туда выезжали агитбригада, действующая при комитете ВЛКСМ части, вокально-инструментальный ансамбль, местные коллективы художественной самодеятельности. На просьбу политотдела приобрести для воинов книги на их родном языке уже откликнулось несколько республиканских и областных комитетов комсомола.

Усилено внимание к политической работе непосредственно в караулах. Здесь установлены телевизоры, пополнены библиотечки и комплекты настольных игр. Совместно с администрацией охраняемых объектов решен вопрос о строительстве двух новых караульных помещений.

«КАК КОВАТЬ УСПЕХ?» (1988, № 9)

Начальник политотдела УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР сообщает, что проблемы, поднятые в корреспонденции, стали предметом всестороннего обсуждения на совещании политотдела войск.

В настоящее время контролеры, проводящие досмотр осужденных и несущие службу в комнате свиданий, обеспечиваются специальными халатами. Каждой смене войскового наряда ДПНК выдает шахтерские фонари, которые периодически подзаряжаются. Офицерам и прапорщикам подразделения выделено семь квартир, в том числе и автору корреспонденции старшему лейтенанту В. Собко.

Ряд проблем, к примеру, обеспечение контролеров спецпитанием, требует координации усилий регионального УВВ, МВД Молдавской ССР, МВД СССР.

ЧИТАЙТЕ

Офицер есть абсолютный эталон педагога — это труднейшее в мире наставничество, — который не только рассказывает, но и показывает, часто ценой жизни...

Разговоры о выборности учителей и офицеров должны быть нетерпимыми, как пропаганда социальной порнографии, ибо когда речь идет о защите детства и Отечества, то дряблая либеральность есть потакание разложению.

Писатель Карем Раш продолжает разговор об армии, культуре, традициях.

В СЛЕДУЮЩЕМ

...И рядом — темное пятно. Фагим включил свет фонаря. У трубы застыл человек.

— А, Иванов! — медленно продвигался к нему Фагим. — Нашелся, наконец.

— Я, начальник, — нерешительно отвечал бежавший, не трогаясь с места.

Обстоятельства одного побега расследует журналист Виктор ЛОСЕВ.

* * *

«Яшин относится к числу таких спортсменов, которые своей игрой, своим высоким искусством обеспечивают жизнь футболу».

Роберт ЧАРЛЬТОН,
капитан сборной Англии,
чемпион мира 1966 г.

Очерк нашего корреспондента о ветеране внутренних войск легендарном Льве Яшине в канун его 60-летия.

НОМЕРЕ

◆ «Вкуснее не бывает!» — говорят солдаты про обеды, которые готовит прапорщик Юрий Анатольевич Иванов. Приходилось ему трудиться и в боевых порядках — в Чернобыле, Закавказье.

◆ Заботливым хозяином солдатской фермы зарекомендовал себя рядовой Василий Алымов.

◆ «А ну-ка, хлопцы, косить-то умеете!»

Фото В. Ковалева

■ Парусный спорт — одно из увлечений старшего прапорщика А. Мордюка. Яхту он построил сам.

■ Мастер спорта по стрельбе, участник народной хоровой капеллы, заядлый рыбак и охотник, Леонид Архипович летом обсуждает с сыном и внуками маршрут очередного похода.

